

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Раим ФАРХАДИ
Андрей СЛОНИМ
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Николай ИЛЬИН
Борис ГОЛЕНДЕР
Артем ГОРОХОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Саодат КАМИЛОВА
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Алексей АЛИМКУЛОВ
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Раим ФАРХАДИ

ПОЭЗИЯ

До листопада и после

На балконе – нежданные гости.
Феи, пчелы, сифиды, цветы
Призывают: печали отбросьте
В честь весны и земной красоты
В самый первый, второй и последний
Дни весенних бесед и любви...
Ведь затем просто будничным летний,
Жаркий день наступает, увы...

Рано КАРИМОВА

В океане людском я одна...

Я ничего не попрошу
и не пообещаю.
Я вот что о тебе скажу:
за все, за все тебя прошую!
Прошаю за обиды, страх
и недоверчивые речи,
за злобу, что в твоих глазах,
и за презренную беспечность.
Прошаю за неверность, смех,
раздоры вечные и ссоры,
за отвержение вся и всех,
за недовольство, и укоры...

НОВЫЕ ИМЕНА

Саломат ВАФО

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Рассказ

Таков город: здесь любой может повесить объявление на первой встречной стене, за что и не любил Курозбой бумажную промышленность Узбекистана. По виду он, будто уличенный этими торговками в каком-то постыдном деле, напоминал одинокое пугало из соломы и тряпья в поле. Ему не нравился ни сам вопрос, ни его дразнящие нотки, и он зашмыгал носом. Толстуха устало взглянула через запотевшие окна маршрутного такси на озабоченные лица продавщиц, на тусклый свет городских окон, вновь посмотрела на торговков, сбившихся в тесную кучку, похожую на собирающиеся распусться соцветья ночной красавицы.

Перевод с узбекского Гульнары ХИДИРОВОЙ

переводы

проза

Сусанна ДАВИДЯН

ПОД ГОЛУБЫМИ КУПОЛАМИ

Роман

– Остались мелочи, – сказал Макс, ему было приятно, что мать его не торопила. Они поужинали. Джо, зная пристрастия Ольги Константиновны, принес ее любимый торт «Черный лес». – Мам, у меня для тебя новость. Наверное, это впервые в моей жизни, когда я не могу решиться на этот разговор. Все думаю, с чего начать...

Ольга Константиновна перебила его:

– Ты начни с главного.

– Тогда слушай внимательно. У меня есть дочь, у тебя, получается, внучка. Ей двадцать лет, она живет в Ташкенте. Ее мама умерла год назад. И еще – сегодня мне предложили отправиться в Ташкент...

проза

Александр АРИСТОВ

КУЗЯ БЛАГОРОДНЫЙ

Рассказ

Вид у Кузи интеллигентный. Даже, можно сказать, благородный. Он знает каждую машину в нашем дворе. И если хорошо относится к ее хозяевам, то обязательно подходит их приветствовать. Именно подходит, а не бежит сломя голову. Идет – покачивается, медленно поглядывая по сторонам. И оказывается у автомобиля аккурат в тот момент, когда они из него выходят.

Кузя ничего не просит, не выклянчивает. Будто цель его прихода и заключается только в том, чтобы поздороваться с человеком, спросить, как он жив-здоров.

И чувствуешь себя как-то неловко, если нечем его угостить. Например, сосиской или кусочком колбасы.

литературоведение.
литературная критика

Азиза БАЛТАБАЕВА

Архетип восточной культуры в повести Сухбата Афлатуни «День сомнения»

Современная русскоязычная повесть Узбекистана представляет синтез традиций узбекского классического письма, реалистических традиций, модернистских и постмодернистских тенденций. Подтверждением тому являются повесть современного прозаика Сухбата Афлатуни, они представляют собой «синтез европейских и восточных традиций художественного письма. Он, как и другие писатели иноэтнокультуры <...>, выступая комментаторами, толкователями, посредниками между двумя ментальностями – “своей” и “иной”, ...“референтами” нерусской этической культуры, становится своего рода “мостиком” в создании общечеловеческих ценностей всемирной культурной памяти».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Сусанна ДАВИДЯН. Под голубыми куполами. Роман.6
Александр АРИСТОВ. Кузя благородный. Рассказ.21
Роберт ШИНДЕР. Афган! Return?! Рассказ.27
Виктор ГОРОШИН. Хилана. Фрагмент романа «Меня убьют четвертым выстрелом».61
Галина ШИРЯЕВА. Келинка. Рассказ.93

ПОЭЗИЯ

- Раим ФАРХАДИ. До листопада и после.18
Владимир МАРФИН. У светлых стен султанского гарема. 23
Сергей НАСЫРОВ. С душой распахнутой иду...39

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Анатолий ЕРШОВ. Время и судьбы. Очерки.43
Раим ФАРХАДИ. Время жить и творить.42
Лариса ЮСУПОВА. Жили-были дед с бабкой...50
Ариадна ВАСИЛЬЕВА. Письмо другу.54
Раиса КРАПАНЕЙ. Все помню... и благодарю.87
Мунира БАБАЯРОВА. Стихи, зовущие в неизмеримое пространство.92

НОВЫЕ ИМЕНА

- Рано КАРИМОВА. В океане людском я одна...98
Анна ЛИСКЕ. Кадейдоскоп людей и впечатлений.106
София ШЕЙКО-МАЛЕНЬКИХ. Взволнованная память. Рассказы.124

ПЕРЕВОДЫ

- Кучкар НАРКАБИЛ. Неожиданные развязки. Рассказы. Перевод с узбекского Нигоры Юсуповой.102
Саломат ВАФО. Доска объявлений. Рассказ. Перевод с узбекского Гульнары Хидировой.109

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Фазлиддин ХАМРАЕВ. Об Ассамблее культур народов Центральной Азии.119

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Марина БОРОДИНА. Послесловие.121
Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА. Искусство макома в отечественном музыковедении.139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Восток, открытый для Запада. ..132
Кодиржон НОСИРОВ. Об адекватности стихотворного перевода.136
Мухаммадали КУШМАКОВ. Традиция и импровизация в узбекском народном эпосе.142
Книга малых форм и больших обобщений (о книге Лейлы Шахназаровой «Тогда, под чинарами Ташкента...»). Бах АХМЕДОВ. Чувство Мира. Баходыр ЭРГАШЕВ. Повсюду и всегда – с чинарами Ташкента...146
Азиза БАЛТАБАЕВА. Архетип восточной культуры в повести Сухбата Афлатуни «День сомнения».150

На 2-й, 3-й и 4-й страницах обложки – образцы творческого наследия архитектора Серго Сутягина.

Звезда Востока

2022, № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066, г. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

Тел. (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Алексей АЛИМКУЛОВ

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 13,3. Уч. изд. л. 14,86

Тираж 450 экз. Заказ № 5

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н,

ул. Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом **не более 50 страниц**. Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

«Звезде Востока» – 90 лет!

Уважаемые читатели и авторы нашего журнала!

2022-й год – юбилейный, старейшему литературно-художественному журналу «Звезда Востока» исполняется **90 лет**. Наш журнал – знаковое явление не только для узбекистанской русской литературы, но и для современного русскоязычного литературного процесса в целом.

Приглашаем историков, литературоведов, поэтов, прозаиков и читателей журнала – всех, кто причастен к созданию, становлению и бытованию журнала на разных этапах – принять участие в подготовке юбилейного номера (№ 4, 2022 г.) и юбилейных мероприятий. Если вы обладаете какими-либо архивными документами (фотографии главных редакторов и сотрудников редакции в разное время, какие-либо документальные сведения, публикации и видео), поделитесь с нами их сканами или копиями, за что мы будем вам очень благодарны.

Общественный совет журнала «Звезда Востока»

Сусанна ДАВИДЯН

ПОД ГОЛУБЫМИ КУПОЛАМИ

Журнальный вариант романа

*Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось.
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот.*

Анна Ахматова

Глава первая

1995 ГОД, МОНРЕАЛЬ

Офис Макса Тарасова находился в самом центре Монреаля в трехэтажном особняке на улице Шербрук. Старинный дом был украшением самой длинной улицы города – острова, окруженного рукавами реки Святого Лаврентия. Этот район местные жители называли Золотым кварталом города.

Макс работал над очередным проектом, когда тишину комнаты нарушил телефонный звонок. Он выждал несколько секунд, сам не понимая, отчего у него вдруг появилась дрожь в руках.

– Привет, дорогой!

Макс сразу же узнал голос Семёна Бронштейна, и сказать, что обрадовался этому звонку, было бы преувеличением. С Семёном его связывал только год учебы в Ташкенте, после чего, следуя за родителями, Макс был вынужден покинуть город.

– Как жизнь, земляк? – продолжал собеседник, даже не выслушав ответного приветствия. – Как мама?

– Привет, Семён, все хорошо, – сдержанно и без явного желания продолжать разговор ответил Макс.

– Знаешь, давно заметил, что одна из составляющих счастья – это быть занятым, а особенно быть занятым любимым делом, так что ты как минимум на тридцать процентов в этой жизни оказался успешным. Значит, говоришь, все ок? Даже немного завидую. Когда-то я тоже учился на архитектора, если

Сусанна ДАВИДЯН окончила строительный факультет Ташкентского государственного политехнического института (ныне – ТГТУз). Специалист отдела снабжения одной из канадских компаний, журналист. Публиковалась в «Антологии русскоязычных писателей Северной Америки» (М., 2013), коллективном сборнике «Армянские мотивы» (Ереван, 2021), журналах и альманахах. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Член Союза писателей Северной Америки.

помнишь, да бросил, не до учебы было. Слушай, а ты по родной земле не соскучился?

– Не знаю, о чем ты, про какую землю говоришь, я столько поменял в жизни городов и стран, а скучать, как ты понимаешь, мне некогда. У тебя дело ко мне? – поторопил Макс. – Извини, у меня времени в обрез.

– Как-то не получилось у меня красиво подойти к той теме, на которую я хочу с тобой поговорить.

– Ну, мы с тобой не на светском рауте, можно опустить любезности.

– Да, ты, как всегда, прав, – легко согласился Семён. – У меня к тебе действительно одно интересное предложение. Сразу не давай ответ, тебе нужно хорошо обдумать и принять решение. С трезвой головой, с настроением, с...

– Ну, если ты предложишь мне ограбить один из банков города, я сразу отвергаю этот вариант, – перебил его Макс.

Семён рассмеялся.

– Приятно поговорить с человеком, у которого хорошее чувство юмора.

– Ну вот, опять ты тянешь. Нет, краткость – это точно не твое сильное место, – как от зубной боли поморщился Макс, посмотрев на часы.

– Хорошо, постараюсь быть кратким. Хочу предложить тебе сделать оценку одной картины, вернее, подтвердить ее подлинность без всякой бумажной волокиты, без заключений, подписей и печатей. Нужно только одно твое слово – и все.

– Странное предложение, – удивился Макс. – Это кому нужно только одно устное подтверждение?

– Это имеет для тебя какое-то значение? – воскликнул Семён, воодушевившись ответом Макса, вернее, не получив решительного отказа. – Что тебе стоит посмотреть и сделать заключение? Раз плюнуть: пришел, увидел, победил, ну... или оценил, а в нашем случае еще и получил чек на сумму с несколькими нулями. Проезд оплачивается в оба конца, плюс все расходы на передвижение и проживание.

– Не понял. Ты хочешь сказать, что это не в Монреале? – он не успел возмутиться, как Семён быстро проговорил:

– Лететь надо в Ташкент, потому я тебя и спросил о родном городе.

– То есть, по-твоему, я должен лететь в Ташкент, чтобы сделать экспертизу картины. Устно подтвердить или опровергнуть подлинность мастера?

– Все правильно. Ну не то чтобы совсем устное, ты должен будешь дать письменное заключение, но... – он сделал паузу, – без печатей и подписей, только твое мнение, выводы, подтверждение или опровержение.

– Странное предложение. Для чего мне лететь через океан, если картину можно отправить, например, в Москву. Там, насколько я знаю, есть прекрасные специалисты, а если картина хранится в музее... Семён, картина в музее или в частной коллекции?

– В музее. Помнишь, музей искусств, построенный тогда, когда ты учился в Ташкенте?

– Помню, конечно, но там должны быть свои специалисты, которые могут сделать экспертизу.

– Макс, какая тебе разница – могут они или не могут сделать то, что тебе предлагаю я? Тебе надо только проверить подлинность. Зная ситуацию, могу заверить, что для заказчика на данном этапе твоего заключения будет вполне достаточно.

– А какой следующий этап? – поинтересовался Макс.

– Это тебя совершенно не должно волновать. Твое дело – посмотреть и сказать «да» или «нет». Твоя работа на этом закончена. Получаешь конверт, билет и летишь обратно.

– Семён, провести экспертизу картины – это мероприятие не такое простое, как ты мне тут расписываешь. Слишком все наивно, я бы даже сказал – по-детски. Ты мне предлагаешь лететь на другой конец земли и потратить несколько дней на осмотр картины, которую могут посмотреть специалисты самого музея? Я могу тебе сразу дать свой ответ, отрицательный, конечно. А, кстати, о какой картине идет речь? – вдруг проявил он интерес.

– Известный итальянский художник, пятнадцатый или шестнадцатый век...

Макс рассмеялся:

– В Ташкенте? Ну, не смейся. Я тебя заверяю, что в Ташкенте не может просто так из ниоткуда появиться подлинник итальянского художника пятнадцатого века, который до сих пор оставался в неведении специалистов. Возможно, это копия, может быть, даже очень неплохая, но она не стоит таких денег, чтобы оплачивать мою поездку, да я, собственно говоря, и не собираюсь никуда лететь. Думаю, тебе стоит найти для этой авантюры кого-нибудь другого.

– Не беги впереди паровоза, – серьезным голосом вдруг заговорил бывший однокурсник. – Картина из коллекции опального князя Романова, который всю жизнь прожил в Узбекистане. Я в свое время не особенно вникал в эту историю и, как оказалось, зря.

Заметив, что Макс прислушивается и не возражает уже так стремительно, он тоном человека, разбирающегося в человеческих характерах, продолжил:

– Князь много путешествовал, еще не будучи высланным из России. Имея на руках много денег и неплохо разбираясь в искусстве, он покупал то, что ему нравилось, особое пристрастие питая к живописи, а именно к работам итальянских художников.

– Знаешь, это заманчивая история, но у меня нет времени на такую поездку, к тому же все-таки правильнее было бы обратиться к эксперту, я же по большому счету просто любитель, да и маму одну не могу оставить. Так что вопрос решен. У тебя все?

– Насчет Ольги Константиновны ты можешь не волноваться, – спокойно продолжал Семён, словно и не услышал отказа. – Мы бы ее отправили на пару недель на юг, ей это пойдет только на пользу. Да и тебе не помешало бы развеяться, а то скоро скиснешь в офисе. Я даже не представляю себя сейчас в бюро, архитектура осталась как приятное воспоминание из прошлой жизни. Думаю, за десять дней ты бы справился с этой задачей, – вновь быстро перевел разговор в нужное русло Семён.

– Семён, я же тебе говорю: никуда я не поеду. А какой у тебя интерес в этом? Альтруистом ты никогда не был. Обещали хорошо заплатить? Я ничего не хочу менять в своих планах ради какой-то картины в музее, в лучшем случае забытой в пыльных запасниках. Как я понимаю, мне предложено ее посмотреть, потому что никто не должен знать раньше времени? Правильно? Да и «Эксперт из Канады оценил» вроде звучит, верно? – Макс рассмеялся.

– Как будто там своих экспертов мало. Проконсультируйся у них, дешевле обойдется, сэкономишь на одних только транспортных расходах. Если нужно, я даже обещаю помочь с протекцией, у меня есть несколько знакомых в Москве.

– Какой же ты упрямый, – только и сказал Семён, – и недалёковидный. Ты никогда не играл в покер? Ну да, ты не азартный человек, так неужели ты думаешь, что, предложив тебе эту поездку, я не имел бы в запасе несколько козырей?

– Даже так? – удивился Макс, не ожидая такого оборота событий. – Какие же должны быть у тебя козыри, чтобы реально поднять меня с места и заставить лететь?..

– ...В страну твоей первой любви, студенчества, да и мало ли чего еще... – прервал его Семён, сознательно не закончив фразы.

Макс замолчал, понимая, что за этими, казалось бы, простыми словами бывшего сокурсника кроется что-то, чего он не знает. Но что? Он прожил в Ташкенте всего около двух лет, пока отца вновь не перевели на другую работу, они с матерью только успевали паковать и распаковывать чемоданы. После Ташкента были Польша, Венгрия, Куба: как кочевники, они меняли страны, друзей, дома.

Ташкент... У него остались теплые воспоминания об этом уютном, пронизанном солнцем городе, где, и Семён это прекрасно знал, Макс встретил свою любовь. Счастье длилось недолго, очередной внезапный и незапланированный отъезд изменил все, он даже не успел попрощаться с Эвой, к тому же они повздорили и не разговаривали. Каждый выжидал, а в последние дни перед его отъездом Эва была на практике в горах Чимгана, куда Макс так и не смог добраться. Потом связь и вовсе прервалась. Он писал ей письма, но все они возвращались с кучей различных штампов и печатей, с сухой припиской шариковой ручкой: «Адресат выбыл в неизвестном направлении».

На другом конце провода зависла странная тишина. Что скрывает от него Семён? Что у него за козыри, которые заставят бросить все и полететь в Ташкент, да и что может связывать его, Макса, с этим городом спустя двадцать лет?

– Блефуешь, друг, – он первым прервал тишину, понимая каким-то седьмым чувством, что Семён специально дал ему время на воспоминания. – Работы у меня под завязку, прости, не получится... Может быть, в другой раз...

Семён вздохнул.

– Я знал, что придется подключать тяжелую артиллерию. Хотел сделать красиво, без волнений, но не получилось.

«Давай, подключай уже свою артиллерию поскорее, – подумал Макс, – если не врешь. Посмотрим, что у тебя там за пазухой спрятано».

– Скажи, а как тебе такое имя молодой девушки, возраст которой, скажем, около двадцати лет, – Жаклин Максимилиановна?

Макс вздрогнул, словно его укололи иголкой в больное место.

– Да и фамилия у нее такая красивая – Тарасова. Знакомая, не правда ли? Ни о чем не говорит? Она живет в Ташкенте с бабушкой. Ее мать умерла в прошлом году. Тебе сказать, как звали ее мать, или с памятью у тебя все в порядке? – в голосе Семена прозвучали металлические нотки. Видно было, что он разозлился и едва сдерживался.

– Бред... – прошептал Макс, но Семён его услышал.

– Да нет, если ты понял, это и есть та самая тяжелая артиллерия.

– Ты знал об этом раньше? – только и спросил Макс, разломав карандаш и бросив его в урну.

– Ты, наверное, не поверишь, но я действительно только несколько дней назад узнал о ее существовании. Неужели, если бы я знал раньше, я бы не дал тебе знать? Мы все-таки поколение 70-х: мы были честными и правильными, вступали в пионерию, потом в комсомол, клятвы давали родине. Это потом жизнь нас побила, помотала по странам, потрепала так, что мало никому не показалось.

Семён не видел, как побледнел Макс, как беззвучно прошептали его губы: «Ажешь, я не верю ни одному твоему слову», он услышал только фразу, произнесенную спокойным и ровным голосом:

- Я подумаю над твоим предложением. Мне нужно несколько дней.
- Не тороплю тебя сильно с ответом, но все-таки постарайся...
- Сбрось мне на факс всю информацию, – оборвал его Макс.
- Насчет картины? – спросил явно обрадованный Семён.
- Да, и насчет картины тоже. Кстати, а о какой картине идет речь?
- Художник, как я помню, – Паоло Кольяри.
- Веронезе? – удивился Макс. Что-то слишком много всего неожиданного и странного выпало за один день, точнее, за последний час.
- Нет, Паоло Кольяри, – упрямо повторил Семён.
- Это одно и тоже, – устало возразил Макс. Он не любил спорить с теми, кто, не зная предмета, тем не менее продолжал настаивать на своем. – А название картины помнишь?
- «Оплакивание Христа», – с торжественностью в голосе произнес Семён, словно он был соавтором полотна.
- Да нет, это невозможно, – устало возразил Макс. – Ну просто невозможно. Я знаю, что было сделано много удачных копий с его картин, но чтобы подлинник в Ташкенте... Это просто нереально.
- Семён быстро опроверг его возражения и с чувством глубокого удовлетворения добавил:
- Ты сам подумай, раз тебе оплачивают эту поездку, то там тоже, наверное, не дилетанты сидят, которым нравится просто так сорить деньгами. Значит, есть сомнения, точнее, предположения, что картина – подлинник, что тебе и требуется подтвердить, вот и все.
- Семёну было приятно сознавать, что, может быть, впервые он, наконец, утер нос Макс, интеллигенту, которому всегда немного завидовал. Завидовал тому, как он одевался, тому, что джинсов, о которых они в начале 70-х годов могли только мечтать, у него не одна пара, а несколько, его умению разговаривать с людьми, успеху у девушек...
- Семён всегда старательно прятал свои чувства под улыбкой и искусственным смехом, при этом старательно показывая окружающим единственное, что у него было отменным от природы – голливудскую улыбку.
- Макс родился в хорошей семье, был единственным ребенком, получил прекрасное образование, работал в той сфере, где он чувствовал себя комфортно и, главное, на своем месте. Семёну не раз приходилось менять место работы, преодолевать кучу препон, забыв о том, как когда-то мечтал делать интересные проекты. Архитектура осталась в прошлой жизни, словно зависла в другом пространстве и времени. В Канаде, так и не подтвердив свой диплом, он занимался ремонтом и продажей подержанных машин, неплохо в этом преуспел, по крайней мере, проблем с деньгами у него не было.
- Я подумаю над твоим предложением. Мне нужно несколько дней, – повторил Макс.
- Я не тороплю, хотя, ты же понимаешь, чем быстрее ты примешь решение, тем быстрее... – он не стал продолжать, запнувшись на сказанном. Понял каким-то шестым чувством, что перегибать палку не стоит. Макс повесил трубку и через несколько минут набрал номер домашнего телефона.
- Что-то случилось, сынок? – Ольга Константиновна взяла трубку сразу же, словно сидела и ждала звонка. Макс не успел даже подготовиться.
- У меня для тебя новость, – он на секунду замолчал, обдумывая, как и что сказать, потом бодрым голосом добавил: – Для начала я хочу пригласить тебя вечером в ресторан.

– Прекрасно. Как всегда, в «Casa Greek»? Скажи, в котором часу...

– В семь тебя устроит?

Ольга Константиновна рассмеялась.

– Все мои заботы – это утренний кофе и таблетка от давления, прогулка и приготовление ужина, а все остальное время занимают телевизор и книги, чтобы прошел еще один день моего золотого возраста.

– Хорошо, до вечера, – быстро произнес Макс, увидев, что из факс-машины медленно выползает лист бумаги. Дрожжими руками он взял его. Верхнюю строку с информацией о картине он пропустил, глаза выхватили только женское имя – Жаклин Максимилиановна Тарасова, ниже были дата ее рождения и ташкентский адрес.

* * *

Семён после разговора с Максом, развалившись в своей малогабаритной квартире в кресле, забросив ноги на весь в пятнах от кофе журнальный столик, набрал ташкентский номер телефона и ждал.

– Ассалом аллейкум! Клиент почти созрел, – бросил он, едва на другом конце земли взяли трубку. – Точнее, созревает, но, думаю, я его быстро дожду. Он согласится, куда ему деться. Через пару дней я позвоню. Да-да, я все помню, – и, положив трубку, добавил в пустоту комнаты: – Детьми не разбрасываются.

* * *

Вечером, подъезжая к ресторану, Макс увидел на стоянке серебристую «Мицубиси» матери. На часах было ровно семь. Ольга Константиновна сидела за маленьким столиком у окна. Это было их привычное место, столик обслуживал Джо.

– Привет, Макс! – официант с подносом быстро прошел мимо. – Твоя мама уже сделала заказ, скажи, когда ты будешь готов.

В ресторане было шумно, и только в этом уголке было относительно тихо. Зеленые искусственные веточки спускались с решетчатых стен, маленькие лампочки мягко освещали заполненное посетителями пространство. Быстрые официанты умело сновали между столиками с подносами в руках, все они были похожи на запрограммированных роботов, которые говорили на двух языках и придерживались самого главного принципа: клиент всегда прав.

Макс подошел к матери. Поцеловал в щеку и сел напротив.

– У тебя все в порядке? – спросила его Ольга Константиновна.

– Да, а почему ты спрашиваешь?

– Знаешь, сынок, за столько лет я научилась распознавать твое настроение, – она глотнула воды. – Когда считаешь нужным, поделись тем, что тебя тревожит, а пока расскажи, как продвигается проект.

– Остались мелочи, – сказал Макс, ему было приятно, что мать его не торопила. Они поужинали. Джо, зная пристрастия Ольги Константиновны, принес ее любимый торт «Черный лес». – Мам, у меня для тебя новость. Наверное, это впервые в моей жизни, когда я не могу решиться на этот разговор. Все думаю, с чего начать...

Ольга Константиновна перебила его:

– Ты начни с главного.

– Тогда слушай внимательно. У меня есть дочь, у тебя, получается, внучка. Ей двадцать лет, она живет в Ташкенте. Ее мама умерла год назад. И еще – сегодня мне предложили отправиться в Ташкент, чтобы провести экспертизу одной

картины, – он выпалил все сразу на одном дыхании и только потом поднял глаза на мать. – Ну вот, теперь я все сказал, ну или почти все, как ты и просила.

Ольга Константиновна отодвинула в сторону тарелку с остатками торта. Через несколько секунд она задала вопрос, который он никак не ожидал услышать. Все так стремительно произошло, чтобы он успел принять и поверить, а мать, вероятно, в силу какого-то женского чутья, поверила сразу.

– Ты уже взял билет? – спросила она, несказанно удивив сына вопросом.

– Нет, конечно, мама. Во-первых, я не могу тебя оставить одну, во-вторых...

– Макс, девочка росла без отца, не у нас на глазах, а сейчас еще и без матери осталась. Ты просто не имеешь права медлить.

– Но ты даже не спросишь меня...

– Верю ли я в то, что это твоя дочь? – спросила Ольга Константиновна. – Если только ты скажешь, что ее мать звали Эвелина, то я поверю.

– Да, ты права, ее маму звали Эвелинка-Каролинка, – подтвердил Макс.

– Откуда ты узнал? Когда?

– Семён... Сегодня. Помнишь его?

– Я не люблю этого типа, он скользкий, но за такую новость расцелую его. Так можешь ему и передать.

Макс наклонился и поцеловал руку матери.

– Ты самая лучшая и мудрая.

– Я просто мама, сынок, а теперь, оказывается, и бабушка. Прошу тебя, не тяни с отъездом.

– Как мне тебя оставить? Может, поедешь на пару недель на юг, отдохнешь?

– Нет, я буду дома ждать новостей от тебя, от вас обоих, – добавила она. – Мне так будет лучше. Буду молиться за вас. Как ее зовут?

– Догадайся!

– Неужели Жаклин?

– Жаклин Максимилиановна Тарасова.

Макс давно не видел, чтобы мать плакала. В последний раз это было на похоронах отца. Обычно она умела держаться на людях. Сейчас она сидела в ресторане, а по щекам катились слезы. Она их не вытирала, глядя сыну в глаза.

– Мам... – растрогался Макс, – ну что ты?

– Не каждый день узнаешь, что ты уже двадцать лет как бабушка. Жаль, поздно узнали об этом. Но ты не должен принимать все на веру: надо удостовериться, что она твоя дочь. Почему Эва не сообщила о рождении дочери? Отец твой был бы счастлив, зная, что у него есть внучка. Не откладывай поездку и скажи мне, если я каким-то образом могу быть тебе полезна.

– Да нет, хотя... – он на секунду задумался, – может, у тебя есть какая-либо информация о великом князе Николае Константиновиче Романове? Если помнишь, царская семья отправила его в ссылку в Ташкент. Я, конечно же, на месте все посмотрю, но, если что-то найдешь... – он не закончил фразы. – Мама, я сам не могу в это поверить. Я как во сне, ни о чем другом думать не могу.

– Я тебя понимаю, родной, главное, что ты увидишь девочку. Ах, как бы мне хотелось полететь с тобой!

* * *

Через две недели из аэропорта «Мирабель» самолет уносил Макса в Москву, откуда он должен был улететь в Ташкент. Чемодан он сдал в багаж и только небольшую кожаную сумку держал в руках. В ней лежали два каталога произведений итальянских мастеров живописи, несколько фотографий, письма,

перетянутые лентой, а еще бархатная коробочка размером с ладонь.

Макс хорошо помнил тот день, когда родители купили гарнитур из жемчуга, который он сейчас вез в сумке. В коробочке золотыми скрепками к бархатной подушечке были прикреплены браслет, серьги, кольцо и бусы из одинакового по размеру розового жемчуга. Родители одобрили решение сына, несмотря на его юный возраст, и понимали, что, возможно, очень скоро Эва станет женой Макса и войдет в их семью. Но внезапный отъезд отца роковым образом поменял все планы. Эту бархатную коробочку ему и вручила перед отъездом Ольга Константиновна.

– Я буду ждать твоего звонка, Макс. С Богом, сынок! Возвращайся только с хорошими новостями, – она перекрестила его, когда он садился в такси, и вылила вслед стакан воды.

В самолете Макс удобно устроился в кресле и, как только лайнер набрал высоту, вытащил из сумки листы, которые по просьбе Ольги Константиновны ему прислали по факсу из одного американского музея, кое-что он нашел в русской библиотеке при храме Святых Павла и Петра. Полет от Монреаля до Москвы длился более десяти часов, этого было достаточно, чтобы ознакомиться с материалом. Даже те скудные данные, которые были у него на руках, очень удивили и заставили иначе посмотреть на историю царской семьи.

Если о жизни последнего русского царя все было более-менее известно, то история жизни остальных членов царского рода оставалась в тени. К своему удивлению, Макс узнал, что младшая сестра Николая II Ольга перебралась в Канаду, где работала в своем саду, как простая крестьянка, пропалывая вручную грядки и выращивая свежую зелень и овощи. Она проживала в пригороде Торонто под именем Ольги Николаевны Куликовски. В 1959 году состоялась ее встреча с королевой Елизаветой II и принцем Филиппом во время их очередного визита в Канаду, а на следующий год в возрасте 78 лет княгиня скончалась.

Все это было интересно, но в данный момент Макс собирался сосредоточиться на истории жизни великого князя Николая Константиновича Романова, которого в силу странных обстоятельств отправили в Ташкент, где он и прожил всю свою жизнь. Картина, о которой шла речь, была приобретена им во время очередной поездки в Европу в бытность служения России. Пристрастия и вкус князя, а также его любовь к живописи могли пролить свет на эту историю внезапного обнаружения картины в запасниках музея спустя почти семьдесят лет.

Детство князя в царских покоях с родителями, братьями и сестрами сулило замечательное будущее, но, изгнанный из страны с развитой культурой, вековыми традициями, прекрасной системой образования, он оказался на задворках цивилизации, среди безжизненных серых песков, среди людей, сохранивших средневековой уклад жизни.

Где он черпал силы, как нашел единственный правильный и верный для себя путь? Как было не сломиться духом? Он тешил себя надеждой вернуться в Россию, но с удивлением для себя самого принял этот пустынный край и сделал все возможное, чтобы изменить безжизненные краски безводной пустыни на зеленые оазисы и плодородные земли. Парадоксально и то, что он и его дети, пусть и от морганатического брака, после жестокого убийства царской семьи и отъезда всех остальных членов этого великого рода оставались единственными из рода Романовых на территории России.

Картину, которую Макс должен был посмотреть, чтобы дать свое заключение, великий князь приобрел во время очередной поездки в Италию. В дальнейшем, когда его с клеймом «вор и умалишенный» отправили в вечную ссылку,

с ним было отправлено и все приобретенное им в Европе, что впоследствии стало основой ташкентского музея искусств.

«Обязательно надо будет посетить музей», – подумал Макс.

Он хорошо помнил здание музея в виде куба из непрозрачного зеленоватого стекла, куда он и Эва не раз забежали после занятий. Пропуская богатую коллекцию Востока, Индии и Китая, они поднимались на второй этаж и там медленно, взявшись за руки, гуляли по залам. Самая большая остановка была возле скульптуры Венеры с яблоком. Даже на фоне всех остальных экспонатов она выделялась своей абсолютной красотой. Не только они, молодые студенты, были поражены ажурной работой в мраморе, каждый посетитель обходил ее не раз, удивленно поднимая брови. Что ж, у него вновь будет возможность посмотреть на эту красавицу с яблоком, а на выходе из музея дотронуться до глобуса на плече согбенного от тяжести земли атланта.

Глава вторая

ЦАРСКИЙ ИЗГНАННИК. 1918 ГОД, ТАШКЕНТ

По сухой, со змеевидными глубокими трещинами земле мимо каменного города столетиями с Востока на Запад шли караваны верблюдов, ненадолго останавливаясь отдохнуть, набраться сил, пополнить бурдюки прохладной водой из колодцев, и потом продолжали свой долгий и трудный путь по безжизненной пустыне. По этой земле, поднимая клубы серой пыли, мчалась колесница или конница очередного завоевателя, шли сражения, велись нескончаемые междоусобные войны. Истерзанная, истоптанная, сожженная, она оставалась в памяти истории в виде каменных холмов, печальных руин, разрушенных крепостей, которые когда-то стойко держали оборону от очередного неприятеля. В заброшенных, опустевших городах, где резвился только свободный ветер, соревнуясь в скорости с птицами, можно было увидеть остатки величественных укреплений, башен – фрагменты былой уникальной архитектуры.

Песчаные барханы, если б имели память, то вспомнили бы, как много веков назад на этом месте конница Македонского нетерпеливо всматривалась в даль в надежде увидеть воду. Отирая пот со лба, великий полководец зачерпнул шлемом прохладной воды и, как простой солдат, жадно пил под раскаленным солнцем. Несколько капель живительной влаги упали под ноги его коню Буцефалу. Спустя годы здесь появится зеленая роща из сауров, деревьев-кустарников, которые живут долго, а высыхая, каменеют, больше напоминая скрюченные пальцы местных стариков.

Двурогий шлем Александра, или Искандера Зулкарная, как окрестило его местное население, наводил ужас на людей, и всем казалось, что именно этот шлем был успешным талисманом великого полководца. Легенды, смешанные с преданиями, передавались из уст в уста новым поколениям согдийцев и бактрийцев, проживавших в этих краях.

После Великого Александра эти земли покорились сильным и умным персам, особо пристрастным к чревоугодию, богатству и роскоши, по барханам пронесли войска хитрых кушан и многочисленных жестоких гуннов, после нашествия арабов местное население приняло новую религию, затем появились дикие тюркские племена, наводя страх и вызывая путаницу в сознании и вероисповедании местных жителей, а спустя несколько веков со своим громадным войском по земле промчался очередной великий повелитель Вселенной –

Чингисхан, но эти разрозненные и разноязычные племена на все последующие века объединил в железный кулак последний завоеватель этих земель – Тамерлан из рода барласов. Худошавый, мускулистый, юркий, он стал тем последним и единственным, кто сумел подчинить себе все враждебные и недружественные ранее народы. Спустя века будут слагать о нем легенды, писать книги, ставить ему памятники, пытаясь создать по крупным дошедшей информации портрет и биографию жестокого властелина.

Медленно и неторопливо перелистывались страницы книги истории, оставляя довольно противоречивые версии происходящих на этой древней земле событий. Легкий песок, нанесенный ветром времени, продолжал из года в год покрывать толстым слоем опустевшие города, забытые могилы, покореженные руины и заброшенные строения.

Медленно по выжженной земле, по Шелковому пути, утопая в песчаных барханах своими сильными ногами с толстыми мозолями на коленях, шагали выносливые верблюды с медными колокольчиками на шее. Это они объединяли своими походами Восток и Запад, это на их спинах тайно перевозили в коробках с листьями шелковицы жирных гусениц шелкопряда, это благодаря им мир узнал ароматы специй, это с их помощью переносились и открывались миру тайны производства металла, керамики, роскошного нежного шелка, изготовления тонкой бумаги, ярких красок, а еще – секретные тайны государств и стран. Да, много чего еще несли на своих сильных спинах корабли пустыни, сами того не подозревая. Безучастные ко всему происходящему, верблюды лениво разглядывали скучный и однообразный пейзаж в поисках колючки, которую потом жевали своими сильными желтыми зубами. Шелковый путь стал отправной точкой в развитии этого края.

Каменный город встречал всех путников-купцов, астрономов, предсказателей судеб, путешественников, менял, странников, дервишей, задумчивых звездочетов удобными караван-сараями. Тех, у кого имелись тугие кошельки, ждали роскошные дворцы. За стенами дворцов, как страшный сон, оставались жара, жажда и завывание песчаных ветров. Каждый новый повелитель кроил землю и творил на ней по своему усмотрению: строил глинобитные дома под земляными крышами, толстостенные крепости, возводил башни, дворцы, мечети, минареты, мавзолеи, но никто не пытался сделать из безжизненной пустыни цветущий сад с деревьями и виноградниками, никто не проводил каналы и не строил под палящими лучами солнца ирригационные системы, орошая абсолютно безжизненную и, казалось, непригодную для посевов землю.

Ташкент уже называли не каменным городом, а большим оазисом или даже городом деревьев. Его визитными карточками стали роскошные чинары, серебристые тополя, раскидистые карагачи, в тени которых было славно отдохнуть от дневного зноя, и двенадцать сосновых ворот-дербаз, обрамленных кованым железом. С наружной стороны город окружали высокая стена из самана и глубокий ров.

Большая заслуга в преобразении этого края принадлежала человеку, которого в середине февраля 1918 года в последний путь пришли проводить почти все жители Ташкента и его окрестностей. Когда из дома вынесли гроб, грянул «Интернационал», после которого был исполнен траурный марш Шопена. Гроб с телом покойного переходил с одних подставленных мужских плеч на другие. Медленно и неторопливо двигалась живая человеческая река. Вряд ли Ташкент когда-либо отдавал (или еще отдаст?) подобные почести одному из своих го-

рожан.

В тот февральский день никого не смущали холод и непогода, соленые слезы окропляли землю, были слышны всхлипывания и горестные вздохи, негромкие разговоры, тихий шепот. В Ташкенте хоронили ярим-пашу, великого князя Николая Константиновича Романова, царского изгнанника, одного из потомков династии русских царей, возможно, даже самого яркого ее представителя, талантливого предпринимателя и неутомимого исследователя, высланного из родной ему России на край земли в полное забвение, подальше от вельможных глаз, от благопристойной царской семьи. В этот день хоронили последнего из царской династии Романовых, которого не коснулось обжигающее и смертоносное пламя революции. Тысячи людей провожали в последний путь того, кто нашел в себе силы, мужество, а главное, большое желание превратить безводную пустыню в оазис зелени и плодородия. Сейчас ему отдавали последнюю дань благодарности.

Мимо медленно движущейся толпы проехала телега на больших колесах. Старенький ишачок понуро шел по пыльной дороге, мохнатыми ушами и тонким хвостом отгоняя от себя жирных зеленых мух. Тихо шелестела под ногами жухлая трава возле собора, где уже была вырыта могила для отпрыска царского рода Романовых, которому предстояло покоиться вдалеке от родной земли. Рядом покоились останки первого Туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана, который завещал похоронить его в Ташкенте, чтобы каждый знал, что в этой земле не стыдно лежать русскому.

Всяк проходящему мимо была видна мраморная плита, которая гласила: «Генерал-адъютант, инженер-генерал Кауфман, кавалер Св. Георгия 2 степени, Св. Владимира 1 степени, Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Анны 1 степени, Св. Станислава 1 степени, и других Российских и иностранных орденов, первый Туркестанский генерал-губернатор... Устроитель Туркестанского края».

Это место и было определено последним пристанищем великого князя.

Когда гроб опустили в могилу, все в толпе сняли головные уборы. Глубокая скорбь читалась на лицах. Старые аксакалы в белоснежных чалмах обеими ладонями провели по лицу, поглаживая длинные бороды, их тонкие бескровные губы шептали молитвы.

Княгиню Надежду Александровну Искандер, вдову князя, поддерживали сильные мужские руки, она едва держалась на ногах, как, впрочем, и вторая гражданская жена великого князя – Дарья Часовитина, к которой прижималась дочь, тоже Дарья, или Даня, как ее всегда с любовью называл отец. Сейчас все скорбели безутешно, уже не было ни зависти, ни обид между женщинами, все растворилось в общей горе, в потере любимого человека.

Пройдут годы, снесут собор, сровняют все с лицом земли, останки великого князя, как и останки первого генерал-губернатора города, потеряются, память о них сотрется с лица той земли, которой они оба отдали все свои жизненные силы и знания, а великий князь – еще и свое наследие, цены которому не было. Не детям своим, не жене оставил он все нажитое и приобретенное, построенное и созданное, – все оставил народу, среди которого жил последние годы, оторванный от России. Его имя должно было жить в книгах и памяти потомков, но было легко и просто предано забвению, возможно, сознательно и целенаправленно, а возможно, без какой-либо подоплеки: просто исчезло из исторической памяти народа, стерлось, словно никогда его и не было, словно не жил в азиатских степях наследник царского рода, изгнанник, «железная маска» рода

Романовых, которого презрела царская семья, не желая видеть в стенах дворца вора или сумасшедшего, при этом и не слишком вдаваясь в подробности того, что произошло с великим князем в тот памятный для него день, расколовший жизнь на «до» и «после».

Легкий песок азиатских степей засыпал очередную страницу истории...

В холодный февральский день провожать в последний путь великого князя пришли жители русских поселков Голодной степи и селения Искандер, которые он основал для рабочих на свои собственные деньги. Даже новое правительство не решилось помешать проведению траурной церемонии прощания с последним представителем царской династии России. Всего три месяца назад по негласному приказу Ленина вся царская семья была тайно расстреляна, вот и здесь, в Ташкенте, ушел из жизни последний из рода Романовых. Больше не оставалось никого в России, кто бы мог претендовать на престол, а значит, большевикам уже некого было бояться.

Мелкая пыль поднималась под ногами идущих и медленно оседала серым облаком на обувь и одежду людей. Разношерстной толпе, казалось, не было конца. В парадной военной форме шли офицеры и солдаты, в разноцветных стеганных ватой халатах шагали местные жители, в толпе можно было увидеть и редкие женские фигуры в меховых накидках, что было странным для местного населения. Здесь женщинам не позволялось наравне с мужчинами провожать умерших в последний путь. Кружевные подола длинных черных юбок собирали пыль с дороги, тонкие руки в перчатках сжимали мокрые от слез платки, рядом с ними в черных сюртуках понуро шли мужья и братья.

В толпе можно было заметить многих, с кем пересекались жизненные дороги великого князя. С непокрытой головой шел Массальский, поддерживая морганатическую супругу великого князя и его вторую, неофициальную, жену – Дарью Часовитину, следом медленно шагал с опущенной головой академик Михаил Евгеньевич Массон, за ним – бывший управляющий делами великого князя Белов. Среди провожающих в последний путь великого князя можно было увидеть протоиерея Богородицкого, доктора Боровского и главного врача первой городской больницы Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, нотариуса Беляева, брата Лавра Корнилова Петра Корнилова, полковника Зайцева, который только год назад вернулся из Персии. В толпе можно было увидеть эмира Бухарского Сеида Мир Алим-хана, Азиз-хана, Джунаид-хана. У каждого в этот печальный день была своя боль, своя потеря, и, кто знает, для кого она была горше?

Возле дороги, чуть в стороне от толпы, замерла в немой скорби молодая женщина, крепко прижимая к себе мальчика. Из ее больших серых глаз катились слезы. Она едва успевала вытирать их вышитым батистовым платком. Губы ее дрожали, изящная шляпка с черными атласными бантами съехала набок, глазами, полными скорби, она провожала толпу и еще долго стояла на обочине, не решаясь влиться в многочисленную толпу. Она провожала глазами закрытый крышкой гроб и только однажды подняла руку, трижды осенив крестом справа налево умершего, потом, потянув за руку ребенка, медленно пошла в противоположную от собора сторону.

Среди провожавших в этот печальный день не было только сыновей великого князя. Они находились далеко от родительского дома и еще не были оповещены о смерти отца, да и им самим судьбой было отпущено немало горьких минут в цепи трагических событий...

Продолжение следует.

Раим ФАРХАДИ

До листопада и после

За дружеским столом

Совсем не осенняя осень...
Романс посвящается Вам.
Летят золотистые осы
К еще неувядшим цветам.

Вы, слушая, не отрицайте,
Ведь в мире иному не быть:
В осенних цветов аромате
И сердце умеет любить.

А небо на редкость лучисто...
И сходятся наши пути.
Легко осыпаются листья,
Цветы продолжают цвести.

* * *

Ворона черная была
На самом деле... белой.
Одна, как перст... как снег, бела
Душой заиндевелою.

Касаясь отвлеченных тем,
Мы шли, «не зная броду».
Ах, в парке мы тогда зачем
Заметили ворону?

Среди желтеющей листвы
И зябнуших растений
Вороной белой были... Вы
В дождливый день осенний...

До листопада

Сентябрь. И в пыльной позолоте
На ветках листья шелестят.
И вы уже мгновенья ждете,
Когда начнется листопад.
Но хочется, чтобы сначала
Дождем умытая листва

Лучистым утром засверкала,
Вернув забытые слова,
Потерянные жизни краски
И многоцветье вешних дней,
Чтоб стала явь чудесней сказки,
А мы бы очутились в ней...

Раим ФАРХАДИ родился в 1942 г. Поэт, прозаик, драматург, журналист, переводчик и художник. Заслуженный работник культуры Узбекистана, кавалер ордена «Дустлик». Член Союза писателей РУз, творческого объединения Академии художеств РУз, главный редактор экологического журнала «Булокча» («Родничок»). Автор более пятидесяти поэтических книг.

Сердце – зал ожидания

Так и не встретились возле
Точных столичных часов
До листопада и после
Мартовских теплых снегов.

Отблеск тюльпанов ли, роз ли?..
С эхом сливается зов:
До листопада и после
Не отыскать адресов.

Ты эсэмэску прислала:
«Любишь, скучаешь и ждешь?..»
Нас развели три вокзала –
Нервы, работа и дождь.

Будто бы пульс, не стихая,
Слышен колес перестук.
Сердце – мой зал ожиданья
Встреч, расставаний, разлук.

Двое достаточно взрослых
В городе яви и снов...
И силуэты их возле
Точных столичных часов.

Зарисовка

* * *

Наша старая махалля –
Та же, глиняная, потешная...
С очертаниями корабля
Украшает пейзаж орешина.

Ноябрь деревья оголил,
Они униженно предстали.
А город из песка и стали
Их ярким светом ослепил.

Красный вечер. А на ветвях
Приютилась ворона серая.
Нам о снеге и о дождях
Сообщает прогнозы – первая!

Покинутые гнезда птиц...
Вы где, вороны, сойки, совы?
Когда потеряны основы,
То не останется границ.

У вороны – без счета дел:
Обновляет гнездо невечное...
Завтра будут погожий день,
Махалинское утро вешнее.

На маски разрезать бинты,
Пока царит коронавирус,
Все человечество училось –
Жить без деревьев и мечты.

* * *

* * *

Любить себя и тайно ненавидеть...
Кем это ядовитое вино
В бокал твой было налито давно?
Глотками пьешь...
А мог бы просто вылить!

Обычный диалог с дождем:
– Ты где пропал? Так долго не был...
– Встал ветер на пути моем
К тебе. Между землей и небом.

Весна зимой

Первоянварская весна,
Твое понятно появление:
Корням и птицам не до сна...
Мир стал другим от потепления.

Гляжу в окно: мой сад расцвел.
И гнезда вьют, воркуя, голуби.
Цветы нектаром будят пчел:
Переполох в пчелином городе!

Мир стал другим. А как же мы?
Ждем снега с ледяными сводами.
Живем рефлексами зимы
И смотрим взглядами холодными.

«Весна»! Понятен твой приход:
При всей погоде переменчивой
Есть шанс у нас – на Новый год
Добрее стать и человечнее.

Превосходство жизни

Не дружу я с хандрой
И уныние
Не по мне,
От напастей и мук
Хоть и чувствую горечь полыни,
Принесенную ветром разлук,
До последнего края
Надеюсь.
Сколько дальше, судьба, ни утюжь,
Словно раненный пулей индеец,
Верю в переселение душ.

* * *

На балконе – неожиданные гости.
Феи, пчелы, сильфиды, цветы
Призывают: печали отбросьте
В честь весны и земной красоты
В самый первый, второй и последний
Дни весенних бесед и любви...
Ведь затем просто будничней летний,
Жаркий день наступает, увы...

* * *

Капли слов – на паутинках
Строк.
К рукодельнице я тихо
Строг.

Белокрыло, неожиданно,
Лучисто
Ты посмотришь,
Нежна, молода...
Это будет, вернется, случится:
Загорится внезапно звезда.
Птицы счастья,
Вы гнездышко свейте,
Вольный ветер, в лицо мне подуй,
Холодя, как дыхание смерти,
Обожги, как любви поцелуй.

Из цикла «Небоград»

Я видел эти небеса,
В лучах заката – холм багряный,
Когда тропинки полоса
Еще блестит открытой раной.
А дальше – только ночь видна
Вдоль закоулков мирозданья...
И жизнь – один бокал вина
Спасенья или умиранья...

Те словечки – чтоб согреться
Ведь.
И от печки – чтобы к сердцу:
Петь!

КУЗЯ БЛАГОРОДНЫЙ

Рассказ

Александр АРИСТОВ

Вид у Кузи интеллигентный. Даже, можно сказать, благородный. Он знает каждую машину в нашем дворе. И если хорошо относится к ее хозяевам, то обязательно подходит их приветствовать. Именно подходит, а не бежит сломя голову. Идет – покачивается, медленно поглядывая по сторонам. И оказывается у автомобиля аккурат в тот момент, когда они из него выходят.

Кузя ничего не просит, не выклянчивает. Будто цель его прихода и заключается только в том, чтобы поздороваться с человеком, спросить, как он жив-здоров.

И чувствуешь себя как-то неловко, если нечем его угостить. Например, сосиской или кусочком колбасы. Впрочем, Кузя не побрезгует, если, скажем, отрезать дно у подобранной в кустах баклажки и налить туда молока.

Ест не торопясь. Брать еду из рук не боится. Правда, вот спасибо сказать не может. Потому как Кузя – это кот. А коты, как известно, по-человечески не говорят.

Но благодарность свою выражать умеет. Ласково трется об ноги, лижет руки, мурлычет... А иной раз и до подъезда проводит, а то и до самой квартиры.

Как-то после очередного угошенья забежал он вперед меня в наш подъезд и вверх – на лестничную площадку последнего этажа. Пришлось его обманным путем из подъезда выманить.

Взял бы я его к себе, да не могу. Потому что у нас живет Зоя Моисеевна, а она зверски ненавидит кошачьих. И тому есть веская причина...

...Как-то глубокой ночью услышали, что кто-то скребется в дверь. Открыли, а там белый с рыжим комочек о четырех лапах. Скулит, будто плачет, и мелко-мелко дрожит. Неудивительно – в подъезде холодно, конец ноября на дворе.

Впрочем, «белый» можно было сказать лишь с натяжкой. Грязный, со скатавшейся в колтуны шерстью шенок. Не бросать же его в подъезде! Занесли в квартиру и прямиком в ванну. До самого утра отмывали теплой водой и детским шампунем, вылавливали блох, сушили полотенцем и феном.

В процессе поняли, что имеем дело с девочкой в возрасте месяцев трех. Решили, обогреем, откормим, сделаем все прививки, да и отдадим в хорошие руки. Оставлять у себя не планировали.

Тем более я это Лютику обещал.

...Пес прожил с нами больше десяти лет. Официально, по документам, звался Лютером, но какой Лютер из китайской голой хохлатой собачки с игривым и добрым характером? Вот и трансформировался в Лютика. С ним у нас была какая-то кармическая связь. Я мог валяться в спальне, а он – на кухне в другом конце квартиры. Но стоило мне захотеть – только захотеть, а не позвать, чтобы он пришел, – и Лютик появлялся, весело виляя хвостом.

Александр АРИСТОВ родился в 1962 г. в Ташкенте. Журналист. Генеральный директор совместного узбекско-азербайджанско-российского предприятия «Kimyohimoyata'minot». Член президиума Русского культурного центра Узбекистана. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

В последнее время он тяжело болел и, умирая у меня на руках, так печально, будто прощаясь, заглянул мне в глаза, что и теперь, вспоминая этот взгляд, я еле сдерживаюсь, чтобы предательский солоноватый ручеек не покатился по щеке. В тот момент я мысленно и себе, и ему пообещал, что в нашем доме больше никаких собак не будет. Но...

...Отмытая и высушенная собака всем видом своим старалась показать, что она хорошая и послушная. И с ней не будет никаких хлопот. Где посадишь – там и сидит. Где положишь – там и лежит. Не лает, не кусается. В туалет ходит в специально прикупленный для этого в зоомагазине лоток. Ну не собака, а чистый ангел. Все старается сделать, лишь бы ее никому не отдали.

Подросла немного, похорошела. Сделали ей прививки. Пора и пристраивать куда-нибудь. Но заводить об этом разговор так никто и не стал. Да еще и друзья с соседями в один голос стали говорить, мол, неспроста в преддверье Года собаки собака сама пришла к вашим дверям. Вот увидите, она вам счастье принесет. Согласитесь, очень веский аргумент.

Окрас нашего «двор-терьера» вызывал ассоциацию с коровой, красовавшейся на этикетке баночки с кремом под названием «Зорька». Потому-то поначалу мы и решили дать такую кличку собачке, но об эти «р» с мягким знаком «царапался» язык. И постепенно «Зорька» как-то сама собой превратилась в «Зойку». А уже к «Зое», непонятно как, приляпалось «Моисеевна». Псина к такому обращению быстро привыкла, и, бывало, если позовешь ее просто Зоя, может и не подойти. А вот если Зоя Моисеевна, то примчится гарантированно.

Как только прививки были сделаны, накупили нашей красавице всяких собачьих одежек, шлеек, поводочков и стали ее во дворе выгуливать. И вот идет наша Моисеевна гордая, башкой во все стороны вертит, к каждой брошенной бумажке принохивается. И тут неожиданно из кустов прямо на Зойкину спину, выпустив когти, прыгает разъяренная кошка – и давай ее царапать и трепать. Обескураженная и напуганная, собачонка взвыла не столько от боли, сколько от неожиданности и обиды.

Позже выяснилось, что кошка прятала в этих кустах недавно родившихся детенышей. У нее сработал материнский защитный рефлекс.

С тех пор наша тьявалка и ненавидит всю кошачью породу. Как Шариков из «Собачьего сердца», котов и кошек сердцем чует. Мимо них, чтоб не облаять, не пройдет.

Ну какой тут может быть Кузя?

...Я все время думаю: Кузя не похож на дворового кота. Ни характером, ни повадками. Совсем не боится людей. Ведь стоит приоткрыть дверь автомобиля, он тут же оказывается внутри. Не спеша обходит весь салон, обнюхивает сиденья. Да что там салон. Как-то я поднял капот, чтобы проверить уровень масла в моторе, и отвлекся на телефонный звонок. А когда обернулся, обомлел: на крышке мотора гордо восседал взявшийся неведь откуда Кузя.

А случилась с Кузей вот такая история. Еще котенком он был взят в одну семью. О нем хорошо заботились. И стал он откормленным вальяжным котом с серо-полосатой пушистой шерстью. У добрых людей жилось ему очень хорошо. Но сердобольные хозяева подобрали на улице увечного котенка. Почему он остался без лапы – не знает никто. Добрые люди его пожалели. Выходили. Так он и прижился в семье.

А Кузя вскорости ушел. Не захотел жить в одном доме с этим котенком. Не думаю, что он увидел в нем соперника и сделал это из ревности. Скорее, уступил место инвалиду. Потому что Кузя – благородный кот!

...Дворовая жизнь – не сахар и не сосиска в тесте. Голодно, холодно, простудные болезни... Далеко не каждый пушистик может пережить зиму, особенно, если она выдастся очень холодной. И хоть в нашем дворе четвероногих подкармливают, а опытные коты прячутся в подвалах, в кучах нападавшей за осень листвы, отсиживаются под машинами, пока моторы еще теплые, каждую весну мы не досчитываемся одного-двух хвостатых. А Кузя третью зиму пережил и к четвертой готовится. Ведь у него много друзей. Они ему пропасть не дадут.

У светлых стен султанского гарема

Владимир МАРФИН

Евнух

В таинственной дворцовой глубине у светлых стен султанского гарема
седой и мрачный евнух в полусне сидит, главу склоняя на колена.
За ним цветет почти что райский сад, и в нем, оплавав все свои потери,
навек сюда попавшие, как в ад, тоскуют ослепительные пери.
И, слушая печальный щебет их на разных языках и всех наречьях,
еще угрюмей морщится старик и все печальней опускает плечи.
А ведь и он когда-то был любим,
красив, могуч – громада мышц и нервов.
Недаром сам сиятельный Селим
гордился им, как лучшим из аскеров.
Среди придворных чопорных вельмож,
хоть всеми чтим, но вовсе не вельможен,
он был как схожий с ятаганом нож,
в порыве гнева вырванный из ножен.
А уж когда на празднествах не раз
он побеждал, с палванами сражаясь,
за ним следили сотни женских глаз,
ему в мечтах счастливо отдаваясь.
Был стар Осман. Былую страсть презрев,
он окроплял красавиц еле-еле,

Владимир МАРФИН родился в 1934 г. в Москве. Автор двадцати двух книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Волга», «Веси», «Дальний Восток», «Москва», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Русь», «Смена», альманахе «День поэзии». Заслуженный работник культуры РФ. Член союзов писателей России и Москвы, лауреат ряда литературных премий. Живет в Москве.

и сотни звездных сладострастных дев
без ласк мужских страдальчески старели.
Порой пытались евнухов привлечь:
пусть оскроплен, но, может, что-то сможет?
Хоть палача грозящий черный меч
довлел над каждым оскверненным ложем.
И если в грезах в томной тишине
сливалась с кем-то юная плутовка,
то за измену даже и во сне
могла слететь прелестная головка.

Но до султана доносился слух, летящий от Стамбула до Багдада
и далее, что он – плохой пастух: устал пасти свое девичье стадо.
И что пока он курит свой кальян и в немощной тоске изнемогает,
в большом гареме часто по ночам его аскер любимый заменяет.
Вскипел султан. И в первой же ночи
в предутреннее дремотное время
нагрянули с Селимом палачи,
резню надеясь учинить в гареме.
Но фантазерок оберел Аллах. Никто чужой не спал в чужой постели.
Лишь факелы дымились на стенах и евнухи у врат в гарем храпели.
Казалось бы, о чем теперь грустить?
В подлунном мире все тебе подвластно.
Но, не желая рогоносцем слыть,
решил султан усилить безопасность.
И, доведя задумку до конца, возненавидев молодость без меры,
он обратил в бессильного скопца когда-то столь любимого аскера.
И, словно бы оказывая честь,
назначил главным евнухом гаремной,
не думая о том, какую месть
взрастил в душе униженной и гневной.
Уже готов был яростный клинок
пронзить насквозь раскормленную тушу,
но тут владелец туши занемог
и второпях отдал Аллаху душу...
Его сменил на троне сын его, таких же нравов и таких же правил.
И стражем у гарема своего отцовского же евнуха поставил.

Ползли недели, месяцы, года, а евнух проводил там дни и ночи.
Седея, осыпалась борода, и сохло сердце, и тускнели очи.
И всякий раз, когда девичий смех
вдруг доносился ласточкой крылатой,
он проклинал в безумье женщин всех
так, как безумно их любил когда-то.

Наложница

Прекрасна, русокоса и юна, откинув кружевное покрывало,
она, как синеокая волна, на узкой оттоманке возлежала.
Вокруг нее томился праздный круг
таких же, как она, прелестных пленниц.
Здесь был гарем. И не было подруг
среди этих нежных пленниц и... соперниц.
Здесь вечно шла подспудная борьба, здесь девы были в зависти едины,
здесь вожаденно каждая раба мечтала о вниманье господина.
И уж когда вступал он в сей чертог, устав от государственных деяний, –
всеобщий муж, любовник, царь и бог – то все склонялись в жажде подаяний.
И лишь одна русалка всякий раз, мятежная дикарка и бунтарка,
не опускала перед ханом глаз и не желала принимать подарка.
В ее глазах опасных, как гюрза, пылали жаждой мести и проклятья
безжалостно сожженная Рязань, зарубленные мать, отец и братья,
и бешеный крымчак иль янычар, что, прилетев на аргамаче диком,
схватил ее и приволок как дар вот этому всевластному владыке.
Хан взял ее насильно в ту же ночь
в своем шатре под бурный рокот моря.
И было уже некому помочь
ей, сироте, в ее безмерном горе.
А он, вдруг к ней внезапно прикипев, мечтал о том, чтоб и она влюбилась,
и постоянно гнев менял на гнев, а милость бесконечную на милость.
Он жаждал ласки, он молил любви, он бил ее и плетью, и кинжалом,
но всякий раз, избитая, в крови, она пред ним, как мертвая, лежала.
И вот теперь опять ее увел под тихий ропот гневного гарема.
И пал пред ней, и обещал престол, и целовал прекрасные колена.
Но вновь она отвергла. Как всегда. И он, взбешенный выше всякой меры,
ее, почти что голую, отдал на растерзанье двум своим нукерам.

Затем, безмолвен, бледен, недвижим, не пробуя унять внезапной дрожи,
смотрел, как распинают перед ним ту, что была ему всего дороже.
И вдруг, схватив лежащий рядом меч,
опомнился. И диким тем гориллам
отсек мгновенно головы от плеч.
и бросился СПАСАТЬ! Но поздно было.
Недвижны были синие глаза.
Но в них все так же яро, как проклятья,
пылала разоренная Рязань,
в крови лежали мать, отец и братья...
И, будто разум потеряв совсем, рванулся хан в безумье и обиде
и, факелы схватив, поджег гарем, в единый миг весь мир возненавидя.
Его смогли с трудом остановить... и, прискакав, три брата и сестрица
осмелились насильно поместить в его же придворцовую темницу,
где он порой, любой закон поправ, сановников своих собрав до кучи,
рубил подряд (и прав кто и не прав!), как будущих врагов, на всякий случай.
А сам, сюда попав, стучал в замки,
ревел, рычал, хрипел до боли в глотке.
Но все засовы были так крепки,
как и стальные частые решетки...
И вдруг, поняв, что некому спасти,
что стал он жертвой родственной измены
и что ему отсюда не уйти,
он перегрыз себе в смятенье вены.
Струей фонтанной выхлестнулась кровь,
вся жизнь мелькнула пред померкшим взглядом.
И тут, как дар, как жданная любовь,
ему явилась русая наяда.
Она возникла в легких облаках – холодная, как будто бы с мороза,
и трепетали у нее в руках две черные изысканные розы.
Он потянулся к ней – и вдруг поник: жизнь предпоследней каплей истекала.
Но, наклонясь к нему, в последний миг она его, простив, поцеловала.
Когда наутро родичи пришли, чтоб объявить ему о новом хане,
лежал он у порога, весь в крови, почти уже остывший, без дыханья.
В глазах открытых, как искринки льдин, невыплаканно серебрились слезы...
И мертвенно мерцали на груди две черные увянувшие розы.

АФГАН! RETURN?!¹*Рассказ***Роберт ШИНДЕР****1. Афганистан. Май. 1988**

Влад Катин, военнослужащий Советской армии 1965 года рождения, неделю как получивший звание старшего сержанта, стоял на коленях в кругу, образованном из пятерых таких же, как он, молоденьких советских солдат, взятых в плен полчаса тому назад моджахедами здесь, на одном из афганских перевалов, где они выполняли свой интернациональный долг. Круг этот был смертельный в буквальном смысле слова: пленных расположили на концах большой, начерченной на земле штыком пятиконечной звезды, а в центре ходил Аджар. Умный, хитрый, внешне очень красивый, известный во всей округе своей жестокостью полевой командир, которого уже два года, по слухам, доходившим до Влада, не могли ликвидировать ни разведка, ни контрразведка, ни спецназ. Аджар медленно шел по кругу и отрубал головы непонятно откуда взявшейся казачьей шашкой. Было件нятно, что Влада он оставляет напоследок. Потому, наверное, что Влад командовал остатками взвода последние минуты в последнем теперь уже бою.

Он автоматически принял командование после того, как погиб командир взвода младший лейтенант Сальвар Салимов – классный двадцатичетырехлетний парень-мусульманин, которому было тяжело воевать со своими единовверцами, а еще тяжелее – умирать, услышав «Аллах Акбар!» и получив удар ножом в горло от седеющего афганца, который внешне очень напоминал его отца. У Влада в памяти промелькнула, как у всех это обычно бывает в такой момент, вся его короткая, как теперь получалось, жизнь. Самым обидным было то, как папа сделал ему паспорт.

По рождению Влад еврей – Славик Хатинский. Когда ему исполнилось шестнадцать, папа за очень большие по тем временам деньги записал его в паспорте русским, убрав из фамилии четыре последние буквы и поменяв

¹ Return (англ.) – возвращение.

Роберт ШИНДЕР родился в 1958 г. в Одессе. В 1983 г. окончил эстрадное отделение Одесского музыкального училища. Работает диджеем и мастером конференса в одной из нью-йоркских компаний сферы развлечений. Лауреат фестивалей «Юморина – 1987» и «Серебряный Дюк – 2014». Его прозаические произведения опубликованы в коллективном сборнике «Нам не дано предугадать» (Нью-Йорк, 2005). Автор книги рассказов «Что такое любовь» (2020). Живет в Нью-Йорке.

первую. Владислав – Славик – стал Владом, а фамилия Хатинский трансформировалась в Катин, а Владу Катину, русскому, было легче поступить в институт. Он и поступил после школы в скучный политех, но после второго курса, несмотря на спортивные успехи в составе институтской команды по дзюдо и боевому самбо, был отчислен за прогулы и, как говорили тогда, загремел в армию, в афганский набор. Состояние здоровья, физическая подготовка, а главное, национальность позволяли направить его на эту бессмысленную и бесперспективную войну...

Три месяца была «учебка», где он, как человек с незаконченным высшим, получил звание сержанта и стал замкомом – заместителем командира взвода. Фактически старшим над такими же, как он, ребятами, которые, кроме школы и этой войны, ничего в своей жизни не видели, а теперь увидели перед собой этого безжалостного душмана, хладнокровно отрубавшего головы. Аджар, мастерски владея шашкой, специально действовал так, чтобы кровь предыдущей жертвы попадала на лицо следующей:

– Вы грязные свиньи, и я убиваю вас вашей же казацкой шашкой, чтобы не марать священный для меня дедовский нож, – Аджар говорил по-русски почти без акцента, а на поясе у него действительно висел очень длинный и очень старый по виду нож.

Влад не понял, откуда взялись силы поднять голову, он был ранен в плечо навывлет, вся гимнастерка окрасилась грязно-багряным цветом.

Боль к этому моменту как-то вдруг утихла, и его глаза встретились с глазами Аджара, необычайно серыми и от этого еще более холодными. Такие глаза Влад видел полгода назад у капитана-особиста, который носил почему-то погоны летчика и вербовал солдат и сержантов стучать на своих офицеров. Эти ребята, только что закончившие военные училища, воевали рядом с Владом, отдавали ему и другим приказы, погибали, как многие другие. Выжившие между боями хлестали спирт, курили траву и, как все, скупали у афганцев всякое барахло. А ночью стреляли в тех же афганцев, у которых днем что-то покупали, и падали от пуль тех же, мирных днем, торговцев. Вот такая это была война; и Влад не собирался работать на особый отдел, хотя вслух пообещал, что если узнает что-либо, то сразу доложит. Капитан не был, как видно, законченной сволочью, работу свою делал, как говорится, «без огонька», поэтому, наверное, не заставил Влада подписывать соответствующие такому моменту документы. А Влад через два дня уехал со своим взводом служить на один из афганских перевалов. Теперь это все заканчивалось. Все – это жизнь...

Аджар замахнулся. Влад закрыл глаза и отчетливо увидел лицо своей мамы, получающей похоронку, как в фильмах про Великую Отечественную войну, и только теперь его охватил ужас.

«Господи, как умирать не хочется!» – подумал он и потерял сознание.

Очнулся Влад буквально через секунду от громкой стрельбы и увидел, как разрывной патрон, выпущенный из крупнокалиберного пулемета, попал прямо в руку Аджара, и шашка вместе с кистью отлетели метров на десять. С севера приближались три «вертушки» с красными звездами на бортах, поливая шквальным огнем все, что было под ними.

Прикрывая собой тяжело раненного Аджара и беспорядочно отстреливаясь,

духи побежали в сторону ущелья, откуда они появились часа три назад, чтобы уничтожить эту огневую точку русских, случайно оставить в живых одного Влада, заставить его пережить и запомнить навсегда все, что только что произошло...

На операционном столе под наркозом Владу привиделся большой круглый стол на даче у маленькой сгорбленной одинокой старушки тети Зины, у которой его родители снимали каждое лето комнату. Гордостью тети Зины был большой яблоневый сад, а посреди сада – этот стол, покрытый дефицитной по тем временам клеенкой; малолетний Влад любил не сгибаясь проходить под этим столом, когда родители обедали...

Через три месяца в госпитале при выписке какой-то холерный полковник из политотдела дивизии вручил ему медаль «За боевые заслуги» и документы об увольнении из армии в звании младшего лейтенанта запаса.

2. Бруклин. Октябрь. 2001

Влад стоял в центре большого швейного цеха одной из многочисленных фабрик промзоны Бруклина. Здесь с утра до ночи трудились, два-три раза за день прячась от проверок эмиграционной службы, около сорока нелегалов из Латинской Америки. Изо дня в день, включая субботы, а иногда и воскресенья, они тяжело работали, прятались, потом опять трудились, а в конце недели получали копейки, на которые жили. Их обманывали, штрафовали, но они снова приходили, чтобы что-то заработать. Он числился здесь менеджером, по сути же был разнорабочим и сейчас подметал цех после трудового дня. Из окон был виден нижний Манхэттен и два мощных луча света больших прожекторов, устремленных в небо – напоминание о 9/11. Влад видел тот кошмар собственными глазами. Он приходил первым, открывал цех и, как обычно, любовался видом из окна – отблеском воды и возвышающейся над этой красотой статуей Свободы... А теперь каждое утро он не отрываясь смотрел на дым, поднимающийся над местом, где еще совсем недавно стояли башни-близнецы, и вспоминал Афган. Сегодня эти воспоминания нахлынули вечером, когда стемнело и в небо устремились два луча – как в блокадном Ленинграде. Америка как будто говорила всем: «Это война, и не мы ее начали!»

– Ну, и о чем мы мечтаем? – нарушил тишину пьяный голос двадцатичетырехлетнего ленивого и наглого балбеса по имени Виктор. Виктор тоже был выходцем из России, которому отец, крупный, по бруклинским меркам, бизнесмен, купил эту фабрику, чтобы его единственный отпрыск не шлялся по кабакам, не разбивал по пьянке дорогие тачки, а занимался делом. – Там наши «спанюки» засрали туалет так, что зайти нельзя. Пойди убери...

Влад был неприятно удивлен: раньше таких указаний никогда не поступало.

– Послушай, Виктор, я не могу...

– Это еще почему? – Виктор курил вонючую сигару, стряхивая пепел на пол, что раздражало Влада.

– Пойми, я боевой офицер, я воевал вот с этими, – Влад показал рукой на окно.

– То есть тебе запахло? Хорошо, я завтра найму какую-нибудь мексиканку, а деньги на оплату ей вычту из твоей зарплаты.

– Из того, что ты называешь зарплатой, вычитать нечего.

– Я найду что, а впрочем... ты уволен.

Влад оторвал огромную швабру от пола и сжал в руках так, что стало ясно: сейчас он поломает ее о голову Виктора. Перед глазами промелькнули картины из жизни последних двух лет: вот он приезжает сюда с женой и четырехлетним сыном из родного города и долго не может найти приличную работу; вот работает за копейки где придется, а жена берет сына и уходит к обеспеченному пожилому вдовцу из местных; вот устраивается сюда за минимальную в Америке плату в час...

Он приподнял швабру на уровень груди, резко поломал ее о колено и обломки запустил изо всей силы в зеркальное с внешней стороны окно офиса, за которым Виктор целый день пил коньяк и следил за тем, что происходит в цеху. Большое дорогое стекло разбилось вдребезги.

Влад резко выскочил за дверь, а обалдевший Виктор инстинктивно потянулся к мобильному телефону...

Влад пробежал пару кварталов в сторону метро. Через минуту, поняв, что моросит отвратительный дождь, а он без куртки, которая осталась в раздевалке цеха, он повернул назад и через пару мгновений увидел у дверей фабрики полицейскую машину. Влад удивился тому, как оперативно они приехали. Зачем они здесь, было ясно без лишних размышлений.

«Адреса моего Виктор не знает, платил всегда только наличными, значит, данных моих у него нет. Жалко, ключи от съемной квартиры остались в куртке, зато документы... удачно лежат в заднем кармане брюк, брюки на мне! Что Виктор наплетет полиции – неизвестно...»

Подумав секунд тридцать, Влад развернулся и быстрым шагом направился к ближайшей станции метро...

Совершенно промокший, морально разбитый, он сидел в вагоне и думал о том, что жить не хочется, что ситуация патовая, идти некуда... Мысли путались. Вдруг он вспомнил, что пат – это не поражение, это ничья, но реальность была такой, что это он ничей и никому не нужен. Мать умерла от сердечного приступа, когда он попал в госпиталь в Афгане. Через год ушел за ней и отец. Здесь он потерял все, что имел: жену, сына, а теперь и работу, и квартиру... На глаза попала реклама агентства по набору в армию.

«Не поздновато ли в тридцать шесть?» – подумал он, но отметил про себя, что офис, указанный в рекламе, на следующей остановке...

Офис работал допоздна.

«Повезло», – с горькой иронией подумал Влад, подсев в конце короткой, но все-таки очереди. Хотя Влад и выглядел лет на шесть моложе своего возраста, было видно, что он старше остальных в очереди. Наконец, подошла очередь Влада.

За столом сидел мужчина лет сорока пяти с выправкой военного, но в штатском. Не отрываясь от бумаг, он взял в руки протянутый Владом ID и предложил жестом присесть. Прочитав имя, фамилию и дату рождения, он поднял глаза сначала на мокрый свитер, потом на лицо Влада. Во взгляде читался вопрос: это еще кто, какого черта, куда и зачем?

Первым заговорил Влад.

– Я хочу конкретно в Афганистан. Я служил там в Советской армии

в конце 80-х.

Пока Влад, тщательно подбирая английские слова, старался убедить сидевшего напротив человека, тот что-то набирал на клавиатуре компьютера...

– У меня с ними свои счеты, – необычно грубым для себя голосом закончил Влад.

Как будто не слушавший его мужчина резко откинулся на стуле.

– Во-первых, твоя личная вендетта не повод зачислять тебя в часть, ведущую боевые действия на территории другого государства; во-вторых, Советы в Афганистан евреев, – он многозначительно показал рукой на экран компьютера, – не призывали; а в-третьих, ты старый.

Влад понял, что лаконичным и убедительным может быть ответ сразу на третий вопрос.

– С национальностью – это длинная и печальная история, а вот насчет возраста... Я не старый и готов доказать это хоть сейчас, – сказал он и резким движением снял непросохший свитер вместе с нижней футболкой, обнажив при этом спортивную фигуру, накачанный торс, пресс в крупную шашечку, приличные по размеру бицепсы и шрам над правой ключицей тринадцатилетней давности.

Впечатление он произвел на всех, кроме сидевшего напротив офицера.

– Арестуйте его за недостойное поведение, – сказал рекрутер стоявшему в углу зала сержанту лет двадцати пяти ростом под 190 сантиметров и весом примерно девяносто килограммов...

«А я зарядку три дня не делал», – подумал Влад и тут же получил удар в спину. Сержантов в зале оказалось двое. Падая, Влад успел заметить, что они вооружены дубинками, значит, скорее всего, из какой-нибудь военной полиции и натренированы на задержание нарушителей порядка, что не предвешало ничего хорошего. Он схватил металлический стул, на котором сидел минуту назад, и бросил его навстречу первому сержанту, уже открывавшему наручники; потом вскочил на ноги популярным в Голливуде движением и до команды «Stop!» успел нанести своему обидчику удар ногой в бедро, заставив его припасть на колено. Затем подошел к столу, оделся и сказал:

– Я могу служить кем угодно, хочу воевать.

3. Афганистан. Май. 2002

Влад в форме американского пехотинца сидел на небольшом камне возле костра и что-то чертил на мокрой земле. Прошедший днем дождь был большой редкостью в этих местах. Территория по всему периметру хорошо охранялась, поэтому костры жечь разрешалось. Он добился своего и служил в одной из частей, воевавших в Афганистане, в должности подсобного рабочего при складе боеприпасов.

На плато, где находилось их подразделение, когда-то базировались советские вертолеты, которые сбивали американскими «Стингерами». Теперь эти «Стингеры» сбивали самих американцев, и молодые ребята опять гибли, как тогда, в 80-х. В двух милях севернее был тот самый перевал, где погиб весь его взвод, а в полумиле южнее в горах было родное село того самого Аджара, захваченное талибами. На протяжении последних трех недель ни

местные, ни иностранные войска не могли уничтожить этот отряд. Село было одним из самых больших в этой части Афганистана, что усложняло задачу, а еще происходило странное: утром село подверглось артобстрелу, потом его штурмовала пехота, но талибов там не оказывалось. Только погибшие, так называемые мирные жители, во всяком случае, без оружия в руках. Ночью талибы возвращались и отбивали село. Так было уже несколько раз, и сейчас командование разрабатывало новую тактику. В штабной палатке, недалеко от того места, где сидел Влад, последние полтора часа шло совешание. Влад не прислушивался к отдельным фразам, долетавшим оттуда, но понимал, что однозначные решения так долго не принимаются. Единственное, что он знал наверняка, – кто командует талибами. Три дня назад из последнего рейда в это проклятое село к ним в полевой госпиталь доставили мальчишку лет тринадцати, стрелявшего в американского солдата из допотопного ружья, которое разорвалось у пацана в руках. На вопрос, зачем он это сделал, мальчик твердил, как в бреду:

– Я воин и буду таким, как Аджар.

Спецотдел запросил данные: подтвердилось, что полевой командир Аджар действительно родился в этом селе, но не факт, что именно он командует отрядом. Влад понимал, что таких совпадений не бывает, что их встреча неизбежна, и решил ускорить этот момент...

Из палатки начали выходить офицеры. Тот, кого ждал Влад, удачно направился в его сторону. Это был майор Мартин Кинг, прозванный за свои знаменитые имя и фамилию «I have a dream»¹, хотя ничего общего с автором этой известной фразы он не имел. Майор был противоположных и взглядов, и цвета кожи, но о нем всегда говорили: «I have a dream идет».

Влад уже вторые сутки присматривался к этому офицеру. Для своего звания Мартин Кинг был староват, значит, не карьерист; хмурый, но с солдатами не грубый; глаза умные и уставшие, но всегда подтянут и свеж. А главное – сам часто ходит на боевые задания.

– Сэр, разрешите обратиться, – поднялся ему навстречу Влад и многозначительно показал на свой чертеж.

– Что рисуем, рядовой? – майор быстро присел и начал разглядывать довольно четкий план, начерченный Владом.

– Я только что видел что-то подобное в штабе. Ты, часом, не шпион?

– Я воевал здесь в 1986 году, сэр. Вы совершенно правы, это – мы, – Влад показал на звездочку на земле, – а это – село Аджара, – Влад ткнул палкой в полумесяц... – А это, – Влад прочертил кривую линию на юг, – подземный оросительный канал, так называемый кириз, пересохший лет сто назад и превращенный в туннель, о котором теперь знают трое: Аджар, я и вы, сэр.

– А с чего ты взял, что именно там засел Аджар? Точных разведанных пока нет...

– Вот именно, сэр, а у него наверняка есть. Поэтому о нашем разговоре не должен знать никто. А по почерку – это сто процентов он.

– Что значит «есть данные»?

– Три недели для него более чем достаточно, чтобы завербовать кого-нибудь. Я уверен, что у него есть среди нас информатор. Единственная надежда,

¹ I have a dream (англ.) – У меня есть мечта.

что не штабной, тогда все впустую и потерь не избежать.

– Ты с ума сошел, рядовой, каким образом Аджар, если это он, мог завербовать кого-то из нашей части?

– Не знаю, каким на этот раз, но раньше он использовал женщин, наркотики и деньги. Именно в такой последовательности. Причем второе и третье у Аджара всегда было в неограниченном количестве.

– Да, это может подействовать на закипающие мозги наших ребят. Тем более что они часто отлучаются с позиций, а мы на это закрываем глаза, главное, чтоб не ходили по одному...

– Да хоть впятером! Рано или поздно кто-то из них останется один на один с расставленной сетью.

– Сколько времени ты пробыл здесь в прошлый раз?

– Почти два года, сэр.

– А как ты думаешь, чего он так зацепился за это село?

– Это его дом, сэр. Не только конкретно это село, а вся эта земля. Нам эту войну не выиграть. И они это знают лучше нас. Они воюют здесь много веков, и никто не смог их завоевать. Они знают, что победить не могут, поэтому будут просто уничтожать нас, пока сами живы, – это их цель.

– Нерадостные перспективы ты рисуешь, рядовой.

– А самое страшное, что они не боятся смерти. Им это внушают с детства отцы, матери и имамы. Сегодня автоматы Калашникова держат в руках молодые люди, которые родились после вторжения Советской армии на их землю. Они росли под пулями и снарядами и, естественно, ненавидят тех, кто приходит на эту землю с оружием в руках. Им нельзя простить гибель наших ребят, но понять их можно...

– Тебе бы лекции читать в университетах с либеральным уклоном где-нибудь в Калифорнии.

– Я бы с удовольствием, сэр, но, во-первых, у меня плохой английский, а во-вторых, коль уж так сложилось, я должен помочь опознать Аджара и, если получится, отомстить за ужасную смерть моих друзей. Но если он узнает, что я здесь – а он меня запомнил на всю жизнь – то постарается уничтожить любыми путями, и тогда вы никогда не узнаете, кто из них Аджар.

– А с чего ты взял, что он нам нужен?

– А зачем туда ходит пехота после артобстрелов? Если только затем чтобы погибнуть, то кому-то из офицеров давно пора застрелиться.

– Меня спросят, откуда информация, и будут проверять...

– Вот это уже ближе к делу. Скажите, что информацию сегодня ночью перед бегством в Пакистан вам передал местный торговец Абдул Саттар, у которого Аджар пятнадцать лет назад вырезал всю семью за сотрудничество с нами.

– С кем?

– Ну, с Советской армией. Все это чистая правда, и если начнут проверять, то подтвердится обязательно. Абдул потом подорвался на нашей же mine на моих глазах, но доложить об этом я не успел, так что у России информации наверняка нет.

– Да они вообще неохотно делятся информацией. Вот... фото Аджара не дают!

– Потому что у них нет такого фото. Местные его никогда не сдадут и помогать составлять фоторобот не будут; в бою Аджар всегда закрывает лицо платком, а врагов – тех, кто видел его лицо, – не оставляет в живых, мне повезло... и я его обязательно узнаю.

– А если он сделал пластику?

– Я узнаю. Дайте только шанс.

4. Афганистан. Неделю спустя

Чтобы не раскрывать свои планы и не спугнуть талибов раньше времени, штаб решил повторить старую схему атаки: артобстрел, штурм пехоты, но дополнительно сделать засаду на выходе из туннеля. Риск был большой. Во-первых, операцию задержал спецотдел для проверки полученных от майора Кинга данных, это могло насторожить противника; во-вторых, за эти годы афганцы могли прорыть еще много подземных ходов, и неизвестно было, какими путями Аджар и его люди уходили из села.

Никто во взводе не знал, куда их послали, да и в штабе в эту часть операции были посвящены немногие. Артобстрел начался десять минут назад и должен был продолжиться еще минут десять. После чего пехота должна была войти в село на час раньше обычного, то есть с восходом солнца...

– Он, скорее всего, пойдет третьим, – говорил Влад на ухо майору, но казалось, что этот шепот эхом разносится в горах.

– С чего ты взял?

– В прошлый раз его прикрывали двое.

Из туннеля на секунду вырвался луч мощного фонаря и сразу погас. Еще через несколько секунд оттуда появилось небольшое облако пыли, а из облака, как из дымовой завесы, появились трое. Их удалось бесшумно скрутить и уложить на землю. Влад быстро проверил правую руку каждого – кисти были у всех. Прошло еще минуты полторы, которые показались вечностью, и с криками «Аллах Акбар!» из черной дыры туннеля стали выбегать боевики, попадая под шквальный огонь тяжелых пулеметов. Они выбегали и падали, выбегали и падали...

Ленты в пулеметах менять не пришлось: боевиков было всего человек тридцать, и стрельба закончилась быстро. Из туннеля больше никто не появлялся, но выход был все равно под прицелом. Влад и еще два сержанта обходили трупы и проверяли наличие правой кисти, как вдруг из туннеля на хорошем английском послышалось:

– Не стреляйте, это Аджар, я сдаюсь.

Бойцы моментально вскинули автоматы и направили их на голос. Из туннеля вышел человек с платком на лице и пистолетом в левой руке. Солнце уже вставало и светило ему в спину. Он остановился и, не дожидаясь команды, бросил пистолет на землю перед собой. Первым к нему подскочил Влад и сорвал платок с лица.

– А, это ты, шурави, недобитый счастливчик, – Аджар посмотрел на свою правую кисть. Это был протез в черной перчатке, сделанный точно по размеру его левой кисти. Он постарел, появились не очень длинная, но уже седеющая борода и глубокий шрам на лбу; а голос и особенно глаза были прежними.

– Вот так встреча, теперь я понимаю, откуда эта засада, – говорил он по-русски, – этот пес Абдул рассказал тебе про туннель перед той нашей встречей, – и он опять посмотрел на свою правую руку. Потом, как бы сравнивая, посмотрел на левую руку, на часы, которые были на ней, сделал шаг в сторону и обратился громко по-английски к майору, стоявшему в двух метрах.

– Ваша взяла, майор, я сдаюсь.

В этот момент из темноты туннеля вылетели четыре гранаты, следом выбежали два боевика, схватили Аджара и скрылись за ближайшей скалой.

– Ложись! – крикнул Кинг, прыгая в сторону Влада...

Госпиталь в Кабуле. Три недели спустя

На операционном столе под наркозом Владу опять привиделся большой круглый стол на той же даче, но пешком под него ходил уже его сын. Влад с женой так же, как и его родители, каждое лето после рождения сына снимали комнату у той самой тети Зины, совсем уже старенькой, еле ходившей, но по-прежнему дружелюбной ко всем. Как и раньше, ели за тем же столом, стоявшим в яблоневом саду и летом и зимой. Та же клеенка прилипла к нему намертво, ее только протирали влажной тряпкой и накрывали чем-то дополнительно, перед тем как накрывать на стол. В конце того лета стол развалился...

Влад впервые попал в американский госпиталь. Там, в Союзе, когда он лежал раненный, все было ужасно: отношение, обстановка, грязь. И такое лечение, конечно же, не способствовало быстрому выздоровлению солдат. Может, в офицерских палатах было по-другому. По-другому было и когда ему вручали награду.

Палату помыли каким-то приятно пахнущим порошком; на тумбочке появились цветы, Владу выдали новую пижаму, в которой он предстал, вернее, «предлёт» перед начальством... Здесь была не Америка, но госпиталь – американский. Вокруг специальной, говоря современным языком, дико навороченной койки Влада постоянно менялись какие-то приборы и аппаратура для измерения всего, что только есть в человеческом организме. Причем каждый прибор привозил, использовал и увозил специально обученный человек. Тогда, в Советском госпитале образца 80-х, у них были одна медсестра на все отделение и сержант, который вылетел за пьянку из медучилища в Одессе и «прилетел» в госпиталь в Кабул. Влад лежал практически в том же госпитале и вспомнил того сержанта с мрачно-символичной для Афганистана фамилией Тюльпанов (вертолеты, на которых вывозили гробы, назывались «Черными тюльпанами») и его рассказ о том, как он, сержант по званию, но салага по сроку службы, впервые летал на вертолете за ранеными на поле боя, точнее, на небольшую площадку в горах, которую обстреливали со всех сторон душманы, с нее в вертолет загрузили восемь человек, а в госпиталь приняли девять, включая его, сопровождавшего сержанта медицинской службы. Нет, он не был ранен – он был в глубоком обмороке от всего пережитого...

Сутки после контузии и операции по удалению осколков Влад был без сознания и дышал с помощью аппарата искусственного дыхания. Первое, что он почувствовал, придя в себя, – каждые тридцать секунд его ноги сжимали какие-то жгуты, похожие на рукава для измерения давления, но сжимали

несильно, даже нежно. До того как симпатичная медсестра объяснила, что это для лучшей циркуляции крови, Влад думал, что это чьи-то заботливо-профессиональные руки. Теперь, когда он уже три дня не пользуется «уткой» и сам ходит в туалет, даже побрился сам, Влад по ночам скучал по этому своеобразному массажу. Сейчас, как ему сообщили на утреннем обходе, его должен посетить штабной офицер с какой-то важной миссией... Контузия, по определению врачей, была тяжелой, но соображал он вроде нормально, только слышал пока плохо.

Рука была наполовину в гипсе. Хирург сказал, что осколками раздробило плечо, так что к старому шраму добавились еще три. Сегодня с утра он старался вспомнить последний бой, но, кроме лица Аджара и крика майора Кинга «Ложись!», не мог вспомнить ничего...

– Ну здравствуй, герой, – перед кроватью Влада стоял полковник в идеально выглаженной полевой форме. Влад постарался встать, но от запаха парфюма, исходящего от офицера, у него закружилась голова.

– Лежи, лежи. В твоем состоянии можно принимать награды и лежа, – полковник открыл коробочку, которую держал за спиной. – Командование от имени правительства Соединенных Штатов награждает теперь уже сержанта Влада Катина медалью Почета и назначает ему пенсию...

– А можно вопрос?

Полковник, по-видимому, приготовил торжественную речь, как подобает в таких случаях, и был явно недоволен, что его прервали, но виду не подал.

– Что за вопрос?

– Что с майором Кингом?

Полковник многозначительно покачал головой:

– Он умер еще в вертолете, который вас забирал.

– А Аджар?

– Не знаю, о ком вы говорите, сержант, – полковник резко перешел на официальный тон. – Просьбы, пожелания? – он явно засобирился уходить.

– Не отправляйте меня в Штаты. Я еще здесь пригожусь, – голос Влада прозвучал хрипло, но убедительно.

– Подумаем, что можно сделать. Выздоровливай, – последнюю фразу полковник произнес на пониженных тонах. Потом повернулся и медленно пошел к выходу. Возле двери остановился и еще раз посмотрел на Влада, но уже совсем другим взглядом. В его глазах были и мудрость, и хитрость, и даже немного тепла.

5. Афганистан. Февраль. 2003

Полковник оказался человеком слова, и Влад после выздоровления был зачислен в разведроту десятой горной дивизии США, усиленной двумя взводами рейнджеров, которая проводила операции на границе с Пакистаном. Формально они должны были перекрывать пути отхода талибам в горы Пакистана, но на самом деле все было гораздо сложнее. Велась непрерывная разведывательная работа с обеих сторон, и пока в ней преуспевали талибы.

Скорее всего, это происходило по той же причине, о которой Влад рассказал майору Кингу год назад возле костра. Тогда их объединила одна цель,

но так ненадолго. Фактически Влад был обязан майору жизнью, и это уже второй случай и похожие ситуации в этой стране, что давало понять: пора заканчивать игры со смертью. Но не затихала жажда мести, и это тупое чувство гнало Влада навстречу судьбе, и роковая встреча была как раз за ближайшими горами...

Рота тихо и медленно продвигалась на юго-запад. Впереди шел проводник из местных, который выглядел беспокойным, но уверенным. Задача была простая: перекрыть дорогу через ущелье на границе до начала массивной атаки с севера и не дать банде талибов уйти в Пакистан. По предварительным, не до конца проверенным, данным, численность талибов была приличной – две-две с половиной сотни хорошо вооруженных бойцов. Но штабное начальство рассчитывало, что половина их погибнет до того, как дойдет до границы, а оставшиеся в живых должны будут столкнуться с подразделением Влада. Плюс эффект внезапности...

Судя по канонаде, долетавшей с северо-востока, милья в десяти-двенадцати отсюда начался артобстрел – начало операции. Рота уже минут десять должна была находиться в засаде совсем в другом месте. Влад был в нескольких метрах от головы колонны и через мгновение стал свидетелем неожиданной картины: проводник стоял на коленях, а шедший рядом с ним за минуту до происходящего офицер, взведя у его виска курок, спросил:

– Зачем ты это сделал?

– Я должен был увести вас подальше. Аджар взял в заложники мою жену и дочь.

Этот ответ пронзил голову Влада острой болью. Такие приступы бывали у него после контузии, правда, последнее время все реже и не с такой силой. Все остальное Влад видел как в тумане: разворот роты на сто восемьдесят градусов, сумасшедший бег с максимально допустимой в этих условиях скоростью, автоматные очереди откуда-то слева и команда «Ложись, к бою...»

Голову отпустило, и последние пятнадцать минут Влад стрелял уже обдуманно и достаточно прицельно. Он инстинктивно посмотрел на часы: около шести утра. Талибы двигались с востока, и солнце светило им в спину. Это было плохо для тех, кто преграждал им путь, но имелись обстоятельства и пострашнее. Стало ясно, что прорывающихся в Пакистан боевиков гораздо больше, чем предполагалось. Они вооружены минометами разных марок и калибров. Рота Влада несла серьезные потери, радист постоянно вызывал поддержку с воздуха, но поддержки не было, обстановка с каждой минутой становилась все сложнее. Остатки роты отступали, пока их не прижали к скалам. Влад и его товарищи видели, что десятки боевиков под прикрытием шквального огня уходили через границу метрах в тридцати отсюда. Значит, операция была провалена. Недалеко от того места, где залег Влад, два талиба вели огонь из крупнокалиберного пулемета, не давая поднять голову американцам. За валунами просматривался кусок тропы, ведущей в Пакистан, туда, куда рвались боевики, переступая через трупы ребят американского спецназа...

У Влада оставалось две гранаты и полмагазина патронов, и он начал вести огонь одиночными выстрелами, стремясь стрелять продуктивно. «Всех сразу не уложить», – мелькнула мысль, и он резко метнул гранату в сторону тропы. Под прикрытием дыма Влад преодолел несколько метров, отделявших его от

позиции талибов, и, пока те не очнулись, успел выпустить последнюю очередь в спины пулеметного расчета. Он все жал на курок, хотя патронов уже не было, да это и ни к чему было – вокруг лежало пять трупов, включая тех троих, которых Влад засек через оптику. За прошедший год он повидал немало мертвечов и всегда смотрел не на головы, а на руки, точнее, на правую руку – в наличии ли она? И вот теперь перед ним лежал высокий, с длинными седыми волосами человек, лицо которого было скрыто косынкой. На правой руке была хорошо знакомая Владу перчатка, в левой – пистолет...

«Неужели он? Неужели я его достал? Неужели отомстил?» – подумал Влад, только сейчас поняв, что ранен и истекает кровью. У него было почти оторвано ухо, кровь ручьем стекала по шее за бронежилет. Влад почувствовал, что теряет сознание, но все же дотянулся и дулом автомата сдвинул косынку с лица лежащего перед ним человека.

– Аджар. Вне сомнений – он. Все кончено, и это сделал я, – из груди Влада рвалось наружу чувство злой удовлетворенности, придающее ему сил. Он сделал полшага вперед, чтобы по инструкции откинуть ногой пистолет подальше от тела, и тут получил сильнейший удар в пах...

Влад на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, почувствовал у себя на шее чей-то локоть, а на правой руке колено. Как ни странно, от боли разрывалось не то место, куда он получил удар, а голова. Видно, при падении сильно ударился о камень. Усилием воли он открыл глаза. Лицо Аджара вблизи было совсем другим, но глаза те же, и голос тот же. А вот то, что этот голос вешал, было иным:

– Мне даже жаль убивать тебя, шурави, – в левой руке Аджара сверкал тот самый нож. Влад впервые видел его лезвие. Оно было красиво гравировано и хорошо наточено, что подтверждали лучи солнца, игравшие на нем.

«Он, кажется, собирается оказать мне честь и убить как человека», – странная для такого момента мысль мелькнула в голове Влада. Аджар явно не по ситуации был медлителен и необычно многословен...

– Твое присутствие на Земле и наши встречи привносили в мою жизнь особый привкус. У меня много врагов, желающих моей смерти, и каждый из них добавляет адреналина, но ты особенный.

Ты и твоя ненависть следуют за мной годы через войну, боль и страх. Но сейчас мы расстанемся навеки и, если успеешь, помолись. Хотя ты наверняка безбожник... Прощай!

– Прощай! – сказал Влад, рванув свободной рукой кольцо последней гранаты...

«Господи, как умирать не хочется!» – пронеслась в голове последняя мысль.

С душой распахнутой иду...

Сергей НАСЫРОВ

Моменты одиночества

Моменты одиночества,
Когда один по улице...
Кругом машины носятся
И парочки целуются.

Заглядывает в форточки
Луна в туманной тоге...
И фонари как звездочки,
И длинная дорога...

Деревьев голых контуры
Видны в вечерней дымке.
С них листья ветром сорваны
В неравном поединке.

Декабрь, но не холодно.
И снега нет пока еще...
Зима в родном мне городе
Нашла себе пристанище.

И новогодних праздников
Дыхание доносится,
Будя воспоминания,
Что так на волю просятся.

Моменты одиночества...
Я так люблю их чувствовать:
И слиться с миром хочется,
И хочется безумствовать!

Ноктюрн

Звук льющейся воды...
И в тишине ночи
Гитарные лады...
И музыка звучит...

Собаки теплый бок
Я глажу не спеша.
Я с ней не одинок –
Родная мне душа.

И ветра тихий свист
Поет гитаре в тон.
Какой-то древний твист
Нам напевает он.

А мы сидим, молчим,
Любуясь светом звезд,
Два друга средь ночи –
Я и мой старый пес.

Сергей НАСЫРОВ родился в 1975 г. в Ташкенте. Работает горным гидом-инструктором. Публиковался в коллективных сборниках и антологиях, журнале «Звезда Востока».

Зимний пейзаж

Посвящение Сергею Есенину

Чистое поле снегом укрыто – Ровное, белое, как одеяло. Лишь горизонтом края его смыты, Серое небо в него там упало...	Ветер тихонько веет над полем, Поет свою заунывную песню... Где-то, озябнув, – слышно, как воет Пес из деревни... – там, за полесьем.
--	--

Черные птицы в небе кружатся –
Черным по серому – мелкими кляксами.
Вниз не слетают – будто боятся
В поле остаться под снежными настами.

Зимний пейзаж. Немая картинка, Словно застывшее старое фото. Смотришь на это – и под сурдинку Тоже завывать, как собаке, охота...	Ветер крепчает, белой поземкой Гонит по полю облако снега, Прямо вокруг меня кружит воронкой... Слезы из глаз, голова стала пегой.
--	---

Что я здесь делаю? Что потерял тут?
И почему среди поля очнулся?
Нет ответа... Только собака
Издали воет мне, чтобы вернулся...

Время радостных песен

Середина апреля... Середина весны... Снова птицы запели, Снова странные сны...	А весна пробуждает Мое злое либидо: Жажду всех женщин мира, Но скрываю – из вида...
---	--

Снова хочется счастья И любви безграничной, Чтоб исчезло ненастье, Чтоб все было отлично!	Снова ночью не спится, И кругом так красиво! Как бы только не спиться, Ведь так хочется пива!
--	--

Снова зелень деревьев Шелестит мне о чем-то... Снова мысль о работе Села крепко в печенках!	Время ярких желаний, Глупых, но очень сильных – От простых и реальных До порочных и стильных.
--	--

Снова хочется к морю... – Волны, чайки – вот прелесть! Я там не был, не спорю, Но и раньше хотелось!	Время радостных песен В тон сердечного стука... Мир без них пуст и пресен, Жизнь без них – просто скука!
---	---

* * *

Ташкент. Апрель. Сирень в цвету.
И птиц веселый гомон...
В такую пору я бегу
Куда-нибудь из дому,
Чтобы нырнуть в весну душой,
Впитать ее всем телом,
Поняв опять: в наш мир большой
Вдруг счастье залетело...

После весеннего дождя
Все радуется солнцу!

Я улыбаюсь, проходя,
Любому незнакомцу.
И сочный цвет зеленых трав...
И воздух свеж и сладок...
Весна, тоску зимы поправ,
Наводит свой порядок!

Мой город... Он красив всегда –
В различных стилях, лицах!
Попав единожды сюда,
Не сможешь не влюбиться!

Но вот весной, когда цветет
Природа ярким цветом,
Особенно он дорог мне
И лучше его нету.

Ташкент. Апрель. Сирень в цвету...
На сердце – звуки, краски!
С душой распахнутой иду
Навстречу жизни-сказке.

* * *

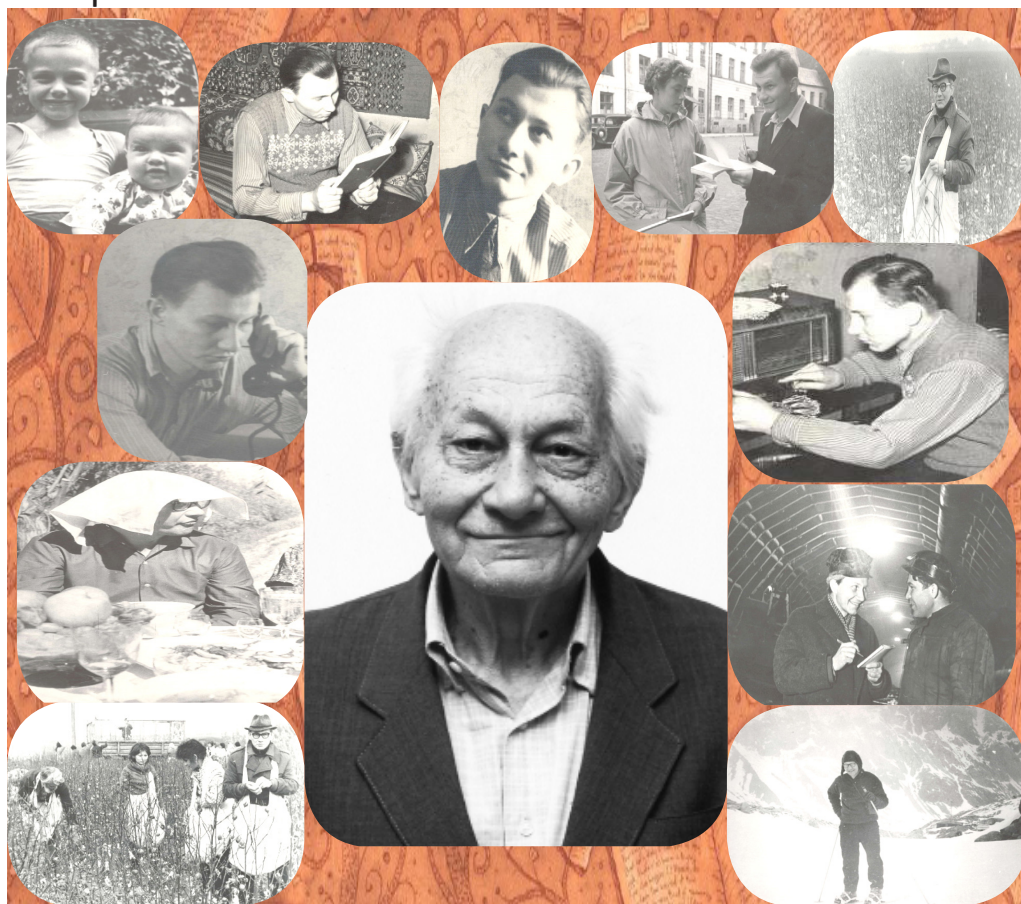
Ах, как хочется разуться-раздеться –
Потянуться душою и телом!
И в босое отправиться детство,
Где нет бурь, потерь и метелей.

Где отец и мать – молодые,
И любовь из глаз их лучится,
Где я знал: ничего рядом с ними
Неприятного вдруг не случится.

Я бы в детстве побыл и вернулся
Отдохнувшим и с радостью в сердце,
И к тебе бы слегка прикоснулся,
Чтоб помочь тебе тоже согреться,

Чтоб усталость твоя растворилась
Оттого лишь, что мы с тобой вместе,
Чтоб сидели вдвоем в темноте мы
И я пел бы тебе эту песню...

возвращение к читателю

ВРЕМЯ ЖИТЬ И ТВОРИТЬ

Патриарху журнала «Звезда Востока»

Очеркист Ершов поэтом факта
Стал бесспорно. Лыко вплел в строку.
Соблюдая чувство меры, такта,
Съел пуд соли на своем веку.
В солнечный простор Узбекистана
Прибыл он с балтийских берегов
И в «Звезде Востока» неустанно
Собирал ученых-знатоков.
Не писал он скучные доклады,
А пером и сердцем бил в набат:
Знал, о чем грохочут водопады
Или горы строгие молчат.

В жизни – весь открыт ветрам летящим –
Не снижал в полете высоты,
Быть на «вы» умея с настоящим,
С будущим беседа на «ты».
У вершин, в степях, в седой пустыне
Путь, однажды выбранный, торя,
Не устал он, и похож поныне
На былинного богатыря.
Жить, творить – нет выше привилегий!
Он в пути встречает свой рассвет...
И не верят юные коллеги,
Что Ершову девяносто лет!

Раим ФАРХАДИ

*Редакция и общественный совет
журнала «Звезда Востока» поздравляют
Анатолия Ершова, журналиста, писателя–фантаста,
многие годы заведовавшего отделом публицистики
журнала, со славным юбилеем и желают ему
здоровья и долголетия!*

Анатолий ЕРШОВ

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

ИГРА ДВОРЦОВ И БАЗАРОВ

Происхождение самой интеллектуальной игры – шахмат – перестало быть тайной. Раскрыть ее удалось в Узбекистане. До истины наши ученые буквально докопались. Речь идет, конечно, об археологических раскопках, в результате которых был собран полный комплект древнейших шахматных фигур. Подобного набора не имеет ни один музей мира.

Первые шахматные фигуры, которые двигались по клеточной доске еще во втором веке, были обнаружены в 1973 году в древнем городище Дальверзинтепа на крайнем юге Узбекистана экспедицией Ташкентского института искусствознания.

Находка совершена при раскопках развалин дома под двухметровым слоем пыли, штукатурки и глины. Перед взглядом ученых предстали две фигурки: слон и горбатый бык – зебу. Их из слоновой кости искусно вырезал вместе с прямоугольными подставками древнейший мастер. Первое, что сделали с фигурками археологи – пропитали специальным химическим составом, чтобы навсегда сохранить «пришельцев» из второго века. Роль слона на клеточной доске понятна, а в отношении быка зебу специалисты предположили, что он мог выступать в качестве ладьи.

Материал миниатюрных фигурок пожелтел от времени. Сами же поделки выглядели реалистично и имели все анатомические черты изображенных животных. Высота слона – 24 миллиметра, зебу – 18 миллиметров. К этим фигуркам рука человека не прикасалась почти двадцать веков.

Находка оказалась настоящей сенсацией. Достаточно вспомнить, что в классической «Истории шахмат» английского востоковеда Г. Мюррея, изданной в 1913 году в Оксфорде, зарождение шахматной игры датируется V веком. В качестве места происхождения в книге называется Индия. Из этой страны, считал английский ученый, игра в VI веке перекочевала в Иран, а далее, в VII веке, ее привезли в Центральную Азию арабы. Найденные фигурки свидетельствовали:

Анатолий ЕРШОВ родился в 1932 г. в Нарве (Эстония). Окончил кораблестроительный факультет Таллинского политехнического института. Работал корреспондентом ТАСС. Заведовал отделом публицистики журнала «Звезда Востока». Написал десять сценариев научно-популярных фильмов. Автор пятнадцати книг в жанре научной фантастики и многочисленных публицистических статей.

дату зарождения шахматной игры надо отнести, по крайней мере, на три века в глубь истории. Очевидной была и непричастность арабов к появлению на древней узбекской земле шахмат.

Настоящей сенсацией для миллионов поклонников интеллектуальной игры стала и находка в самой древней части Самарканда – Афросиабе – сразу семи достаточно хорошо сохранившихся шахматных фигурок из слоновой кости работы неизвестного древнего мастера. Редкая удача выпала на долю сотрудника Института археологии Академии наук Узбекистана Юрия Бурякова, ныне профессора Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека.

Из культурного слоя вместе с уникальным набором шахматных фигур Юрий Буряков извлек и чеканившиеся в Самарканде в середине VII века монеты. Они с высокой достоверностью указали на время, когда шахматы попали в землю. Фигурки, судя по сильной потертости, использовались долгое время – не один десяток лет.

Набор включал фигурки двух припавших на колени пехотинцев, вооруженных короткими мечами, и слона с опущенным бивнем. Еще две фигурки изображали всадников на конях. Вооружение у всадников было таким же, как и у пехотинцев. Еще две фигуры имели более крупный размер. Одна изображала сидящего на тройке лошадей возницу, а зади нее на украшенной рельефом колеснице сидел вооруженный всадник. Вторая фигура – всадник на тройке, но у него вместо оружия символ власти – булава. Последняя, как это очевидно, изображала короля, а предыдущая – ферзя.

Глубокие исследования показали, что ферзь – советник короля – был не очень-то сильной фигурой. Обратимся к поэме Фирдоуси «Шахнаме»: «...Наставник в сражении близ шаха, только на клетку уходит вперед... А рухов не может никто обогнать... все поле насквозь им дано пролететь...» Следовательно, могучая колесница являлась рухом – ладьей.

Удивление исследователей вызвали оказавшиеся разных размеров кони. Один был вырезан очень реалистично, а всадник на нем был в доспехах. При изготовлении второй фигуры мастер как будто проявил небрежность – конь получился более крупного размера и с округлой львиной гривой. Львиная маска была и на лице всадника, а голова его оказалась срезанной. Все это выглядело бы стилизацией, если бы не аналогичная фигурка в музее «Метрополитен» в США, которая попала туда из Ирана. Лев в восточных странах – фигура не случайная, у тюркско-монгольских народов он долго выполнял функцию ферзя. Стало понятным, что в коллекции из Афросиаба эта фигура была ферзем, и, таким образом, коллекция представляла из себя полный набор древнейших шахмат Центральной Азии.

Уникальная находка помогла уточнить датировку отдельных шахматных фигур, разбросанных по разным музеям Европы и Америки, явилась серьезным аргументом в пользу теории о зарождении шахматной игры в виде военного сражения двух армий.

– А где же зародилась шахматная игра?

На этот вопрос компетентно ответил, конечно, академик Юрий Буряков. После своей счастливой находки ученый много времени отдал изучению истории шахмат, интересоваться его мнением в этой области и консультироваться с ним в связи с новыми находками стали музеи и известные специалисты. И вполне закономерно, что нашего ученого стали приглашать и на международные конгрессы по истории шахмат.

– Некоторые ученые родиной шахмат считали Китай, – начинает вводить

в курс дела академик Ю. Буряков. – Древнейшие письменные источники этой страны сообщают о священных играх и гаданиях, напоминающих шахматы. Основой там были круг, магическое зеркало и двенадцать фигурок-дошечек, светлых и темных, олицетворяющих звезды и планеты. В начале игры дошечки бросали, как кости. Очки символизировали «волю неба». Последующие ходы осуществляли встряхиванием. Новые «позиции» определяли судьбу человека. Древние индийские игры, проходившие также с участием божеств, по составу фигур были ближе к шахматам и олицетворяли военные сражения. Одной из ранних предшественниц шахмат была игра вперегонки – аштапада. Играли вчетвером на доске, имевшей, как и в шахматах, шестьдесят четыре поля. У каждого игрока была только одна фигурка – ратха, а еще – «воля богов». Движение фигур определялось с помощью игральных костей, которые выражали волю неба или судьбу – карму.

Развитием аштапады и дальнейшим шагом к шахматам стала индийская чатуранга. Она представляла из себя настоящее сражение четырех армий, в состав которых входили почти все будущие фигуры шахматной игры – правитель, всадник на коне, боевой слон, боевая колесница – ратха и пехотинцы. Игра велась до полного уничтожения армии противника. В шахматах четыре армии сливаются в две, имеющие тот же состав фигур. Один из королей превращается в советника, удваивается количество пехотинцев.

– А в чем еще шахматы отличаются от чатуранги?

– Это отличие принципиальное. В чатуранге передвижение фигур подчинено количеству очков, выпавших от игральных костей и определяющих «волю богов» или судьбу. В шахматах нет никаких очков, разум и воля игрока раскрепощены, он по своему усмотрению использует мощь фигур. Идеологическая основа игры становится качественно иной.

– Где же сформировалась шахматная игра в ее современном виде?

– Есть все основания считать, что таким местом была Центральная Азия и, в частности, древняя узбекская земля. В Маверауннахре, междуречье Амударьи и Сырдарьи, шахматные фигурки довольно часто находят под развалинами домов, во дворах ремесленников и даже в банях. Это является убедительным свидетельством популярности шахмат в самых широких слоях населения. В них играли все – от высокопоставленной знати до ремесленника. Не случайно, что такое состязание умов называли «игрой дворцов и базаров». Подтверждают этот вывод и находки фигурок не только из слоновой кости, но и из самых простых материалов: ребра домашних животных, керамики, стекла, металла.

– Странники гипотезы происхождения шахмат в Индии связывают игру с буддизмом и объясняют ее распространение деятельностью буддийских монахов. Как вы относитесь к этому?

– Это противоречит фактам. Идеологию буддизма отличают уход от активной борьбы и сосредоточенность на самосовершенствовании. При раскопках буддийских храмов, следует отметить, археологи редко находят шахматные фигурки. Предпосылкой для возникновения и развития этой игры в раннем Средневековье, убежден я, стало распространение идеологии зародившегося на берегах великой центральноазиатской реки Амударьи зороастризма, религии вечной борьбы двух начал – Добра и Зла. Активными же распространителями шахмат прежде всего были купцы из древних центров цивилизации на Великом шелковом пути – Самарканда, Бухары, Хивы и других городов нашего края, основавшие свои колонии и представительства по всему

Востоку, включая территорию юга Сибири и Китая, а на западе – вплоть до Египта. Еще в XIX веке специалисты обратили внимание на шахматные наборы монголов, тувинцев, бурят, в которых были фигуры львов, кабанов, верблюдов и сюжетные композиции с человеческими фигурками. В монгольских наборах тигро-львы изображали ферзей. В названные регионы эти фигурки с торговыми караванами попали еще в доисламское время и сохранились в местных условиях при отсутствии запрета на изобразительные сюжеты.

– А как шахматы из Центральной Азии попали в Европу?

– В Европу шахматы попали, считаю я, минуя Византию. Произошло это благодаря болгарам, переселившимся со своей прародины – Поволжья. С этим краем, как известно, Самарканд, Бухара и Хива в течение многих столетий имели тесные экономические связи. Подтверждением служит староболгарская книга «Кормчията», датированная X веком. Ее автор употребляет заимствованное из восточных языков слово «шахматы» – «шаху смерть», а не их византийское наименование «затракион». Через Поволжье шахматы попали и в Древнюю Русь.

Дорогами Великого шелкового пути к началу IX века шахматы достигли крайнего запада Европы – Испании. В Кастилии, свидетельствуют исторические источники, в шахматы играли король Альфонсо X, его супруга Виоланта, придворные кавалеры и дамы, солдаты и монахи, вельможи и крестьяне, мусульмане, христиане и иудеи.

Польский писатель Ежи Гижинский в книге «С шахматами через века и страны» спрашивал, удастся ли нам доказать когда-нибудь, что дата возникновения шахмат относится к более ранним временам. Ответ на этот вопрос дали раскопки узбекских археологов. Их исследования открыли и многие другие загадки игры интеллектуалов.

Эпоха Ренессанса в Западной Европе для шахмат стала временем дальнейшего обновления и внесения в их правила изменений. В 1851 году в Лондоне состоялся первый международный турнир шахматистов. Началась новая эра развития шахматной мысли. В нее свой вклад вносят и узбекистанцы. В 2004 году семнадцатым чемпионом мира в этом виде спорта стал наш соотечественник Рустам Касымджанов.

Талант Рустама Касымджанова проявился рано. В десять лет он становится чемпионом Узбекистана, в пятнадцать – чемпионом Азиатского континента, а в двадцать четыре года – чемпионом мира. Свои бойцовские качества Рустам подтвердил и в 2010 году – он был удостоен золотой медали XVI летних Азиатских игр.

Рустам Касымджанов своими победами и вкладом в развитие шахматной мысли доказал, что он достойный наследник великих предков узбекского народа – аль-Хорезми, Ахмада Фергани, Беруни, Ибн Сины, Мирзо Улугбека... Знаменательно, что Рустам Касымджанов за выдающиеся достижения в области шахмат удостоен ордена, носящего имя великого полководца и государственного деятеля Амира Темура. Наш предок славился мастерством и в шахматной игре. Темуру, утверждают историки, принадлежит честь усовершенствования игры интеллектуалов.

В нынешнем Узбекистане, как и во многие века, шахматы продолжают пользоваться исключительной популярностью. Подрастает новое поколение чемпионов в игре интеллектуалов.

ТАШКЕНТ – МЕСТО ВСТРЕЧИ ВЕКОВ

Совершить в столице Узбекистана путешествие сквозь столетия – не фантастика. Даже не потребуется выручающая писателей машина времени. Для такого вояжа в Ташкенте достаточно посетить уникальное научное учреждение – Институт востоковедения Академии наук Узбекистана. Образно и в мельчайших деталях погрузиться в бездну времени помогают собранные в одном месте изумительные творения человека – каллиграфические книги. Самой древней из них свыше тысячи лет.

Сокровенное место этого научного центра – хранилище манускриптов. Здесь в особых климатических условиях сберегается бесценное духовное достояние узбекского народа – наследника 2500-летней непрерывной традиции письменной и книжной культуры. Мой гид в глубины истории – **вице-президент Академии наук республики, директор института Бахром Абдухалимов.**

– В фонде рукописных книг сохраняется более 26 тысяч экземпляров, – начинает вводить меня в курс дела Бахром Абдурахимович, – еще имеется свыше 39 тысяч печатных книг на арабской графике. Фонд постоянно пополняется редкими книгами. По количеству, разнообразию тематики и научной значимости собрание рукописей института – одно из крупнейших и ценнейших в мире. Это и послужило для ЮНЕСКО основанием включить его в 2000 году в Список всемирного культурного наследия, а в 2009 году при содействии названной авторитетной международной организации правительство Королевства Саудовской Аравии выделило для улучшения условий хранения и реставрации нашего рукописного фонда грант на 361 тысячу долларов.

ЮНЕСКО поддержало и работы по реализации гранта. Тщательную экспертизу технического состояния условий хранения и реставрации рукописных книг провел **консультант ЮНЕСКО, сотрудник Союза музеев Франции, эксперт международного класса Антонио Мирабиле.** До Узбекистана он занимался вопросами сохранения и восстановления старинных книг в Бразилии, Йемене, Египте, Монголии и ряде других стран.

– Изучение ташкентского хранилища восточных рукописей, – поделился со мной впечатлением Антонио Мирабиле, – выявило его сильные и слабые стороны. Хочу отметить хорошо организованную систему безопасности хранения этого не имеющего аналогов собрания восточных манускриптов.

Само собрание рукописей представил мне уже названный профессор Бахром Абдухалимов. Кстати, его диссертация на звание доктора исторических наук была посвящена деятельности ученых из Центральной Азии в «Доме мудрости» – своеобразной академии наук Востока в период IX – XI веков в Багдаде.

– Выходцы из нашего края, получившие начальное образование на родине, имели возможность совершенствоваться в науках в Багдаде, и их труды стали крупным вкладом в достижения цивилизации, – пояснил профессор Абдухалимов. – В эпоху Ренессанса книги ученых Востока были переведены на латынь и другие европейские языки, легли в фундамент мировой сокровищницы знаний.

На примере работавших в Багдаде пятнадцати ученых, выходцев из Центральной Азии, Бахром Абдурахимович в своей диссертации аргументированно показал вклад наших земляков в развитие естественных наук. Среди этих ученых были ныне всемирно известные Абу Абдуллах Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми и Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Мухаммад аль-Фергани.

Уроженцу Хорезма человечество обязано формированием и развитием арифметики и алгебры, введением в научный обиход десятичной позиционной системы исчисления, которая получает широкое распространение во всем мире. С именем аль-Хорезми в науку вошли ныне всем известные термины «алгебра» и «алгоритм». По трактату аль-Фергани «Элементы астрономии» велось преподавание этой науки в университетах Европы.

Некоторые труды выдающихся уроженцев древней узбекской земли профессор Абдухалимов показал мне во время посещения хранилища рукописных книг. В этом помещении всегда соблюдаются определенный температурный режим и влажность. Вход сюда ограничен. При особой необходимости разрешен, как в клинике, в белом халате.

На узбекской земле в средние века тиражирование книг путем переписки представляло собой довольно крупную отрасль производства. Она была призвана пополнять книгами библиотеки правителей, мечетей, домов знатных людей. Для отдельных библиотек, как свидетельствуют исторические источники, ежегодно переписывалось по 18 тысяч книг. Некоторые библиотеки рассылали по странам агентов, которые скупали новинки. В крупных городах Центральной Азии число библиотек общественного пользования, как писал известный средневековый географ Йакут, превышало десятков. Из них ученые могли брать на дом, не внося залога, и держать у себя сразу до двухсот весьма дорогостоящих экземпляров. В европейских библиотеках того периода, свидетельствуют историки, книги во избежание похищения предпочитали приковывать цепями.

Время не пощадило книжные богатства библиотек нашего края. Войны, пожары, землетрясения, наводнения и другие бедствия нанесли непоправимый урон. Чудом уцелевшие экземпляры собирают ученые.

Для этого приходится даже организовывать специальные экспедиции в затерянные в горах селения. Собранные книги даже по отдельным уцелевшим страницам трудов авторов минувших веков и составили уникальный фонд.

– Сохраняемые здесь раритеты охватывают все отрасли науки и литературы Средневековья и написаны на фарси, урду, пушту, узбекском, арабском, таджикском, азербайджанском, турецком, татарском, туркменском, уйгурском и других языках народов Востока, – сообщает Бахром Абдурахимович. – Эти раритеты имеют важное значение для изучения истории Узбекистана и соседствующих с ним государств Центральной Азии, а также арабского Востока, Афганистана, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, Турции.

Мне удалось увидеть отдельные редкие фолианты и некоторые документы минувших веков. Бережно сохраняются труды основоположника научной медицины Абу Али ибн Сины, выдающегося ученого-энциклопедиста Абу Райхана Беруни, основоположника узбекской литературы Алишера Навои. Сохраняются не только труды, но и документы, письма. Среди них составленный по поручению великого поэта «Сборник писем». Он подготовлен в основном из адресованных Навои писем. Это собрание имеет исключительный интерес не только ввиду своей уникальности, но и потому, что характеризует культурные интересы составителя и той среды, к которой он принадлежал.

В числе сохраняемых раритетов – произведения классиков восточной литературы Омара Хайяма, Рудаки, Фирдоуси, Хосрова Дехлави, Фузули, Саади Ширази, Фаридаддина Атгара, Джалалиддина Руми, Низами, Абдулкадира Бедия.

Самые уникальные книги хранятся в отдельной витрине под стеклом. Среди

них список Корана IX века, переписанный почерком куфи. Здесь же представлены книги Алишера Навои, выдающихся ученых древней узбекской земли Абу Али ибн Сины и Абу Райхана Беруни. Имя последнего носит институт, а памятник этому корифею науки возвышается перед входом в исследовательский центр. Их вклад в науку велик. Беруни был предложен изящный способ определения длины градуса земного меридиана. Ошибка в вычислении составила всего 620 метров. Ученый из Хорезма, где его именем назван город, построил также первую в мире модель земного шара – глобус, внес свой вклад в геологию и другие отрасли естественных наук. Труд основоположника научной медицины ибн Сины «Канон врачебной науки» стал настольной книгой для двадцати поколений врачей, и в течение шести столетий по нему велось преподавание медицины во всех старейших университетах Европы.

Сотрудники института не только бережно сохраняют редчайшие фолианты, но и большое внимание уделяют их реставрации с учетом опыта зарубежных коллег. И в этом деле узбекские специалисты получают ощутимую помощь со стороны ЮНЕСКО. Упомянутый Антонио Мирабиле не только обследовал условия хранения старинных книг, но и показал мастер-класс по их «лечению». По его же рекомендации для реставрационной лаборатории института были заказаны и получены из Италии реактивы и специальное техническое оборудование. Среди приобретений новейшая аппаратура для точного соблюдения температурного режима в хранилище, стол с безопасной для манускриптов системой освещения, прибор для измерения кислотности бумаги рукописей, техника для микрофильмирования.

Из Японии была доставлена специальная, особой прозрачности, бумага. Она обеспечит прочтение текстов в поврежденных местах реставрированной рукописи.

Я, конечно, воспользовался возможностью понаблюдать за ювелирной работой реставраторов. Такой случай представился во время посещения Ташкента экспертом ЮНЕСКО – Марко Ди Белла, под руководством которого был проведен пятнадцатидневный тренинг для узбекских реставраторов. Они же имели возможность еще пройти сорокадневную стажировку в Центре по изучению ислама имени короля ал-Фейсала Королевства Саудовской Аравии.

Реставрация книги дело совсем не простое. Не только из-за бумаги – такой сейчас не вырабатывают. Из положения имеется выход – использовать чистые листы из старинных рукописей. Их производство было непростым делом. Ремесленники, занятые изготовлением рукописных книг, имели узкую специализацию. В коллективном труде участвовали бумажных дел мастера, переписчики текстов – каллиграфы, оформители рукописи, художники-миниатюристы и художники-переплетчики. Важную операцию выполнял мастер по лушению бумаги – мухракаши. Каждый из мастеров стремился достигнуть в своей профессии совершенства. Неудивительно, что созданные ими шедевры каллиграфии сохраняются веками и поражают своей красотой. Уместно напомнить, что само слово «каллиграфия» означает буквально «прекрасное письмо». Отреставрированные книги поступают в распоряжение ученых. Изучение рукописных источников – не менее кропотливое дело. В этом активное участие принимают исследователи из многих научных центров. Регулярно проводятся международные конференции. В таких форумах участвуют наряду с учеными Узбекистана востоковеды Японии, США, Франции, Германии и других стран.

– Если раньше внимание участников конференций преимущественно

привлекали отдельные манускрипты, то теперь в центре внимания все больше оказываются исторические документы, – сообщил мой собеседник, профессор Абдухалимов. – Их изучение наряду с рукописями позволяет глубже и точнее воссоздать прошлое Центральной Азии. Для того чтобы наш фонд стал доступнее для всех интересующихся историей и культурой Востока, мы начали его перевод в электронную форму. О сканированных рукописях информация регулярно поступает на наш сайт в Интернете, и все заинтересованные конкретным произведением или документом смогут их получить в электронной форме. Проект проведенных в Институте востоковедения работ по хранению редчайших рукописных книг завершен. Его частью стало и издание специального путеводителя по уникальному фонду.

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД С БАБКЕЙ...

Жили-были дед с бабкой. Год прожили, три прожили. А потом и считать перестали. Глядишь, а уже и шестнадцать годков набежало, и семнадцатый пошел... Бабка – это моя семейная кличка. Так меня Анатолий Андреевич Ершов прозвал для смеху. На бабку я тогда еще по виду не тянула, да и по возрасту тоже. Но уж очень Анатолий Андреевич посмеяться любит. У него самого тоже есть семейное прозвище – Хоттабыч. Так его мой сын окрестил. И ведь есть за что! О любой проблеме, прямо-таки семейной катастрофе он выслушивает с каменным лицом. Смотрит мимо тебя. Не утешает, не поддакивает... Только что писал статью, а вот уже листочки в папку положил, уже в дверях, обувь надевает.

– Ты куда?

– Да дела есть.

– В редакцию, что ли?

– И туда тоже.

Приходит часа через три-четыре и денег пачку из папки достает...

– Где ты их взял?

– В налоговой.

– Как это?!

– Ну, отчисляет бухгалтерия наша туда денежки каждый месяц. Перестраховывается. Вот и накапал излишек. Я сходил, мне и выдали в конце года.

И все это говорит просто, тихим невыразительным голосом, без помпы.

Помнится, никак мы дочь не могли на практику пристроить. Ни устроить, ни справку получить... В колледже смеются: все уже выход нашли, выкрутились, только им не под силу. Я туда, я сюда... Конфет с коньяком знакомым перетаскали немерено. Все обещают, все уверяют, а воз и ныне там.

Как-то за обедом Ершов о нашей беде услышал.

– Сможешь, – спрашивает у дочери, – сегодня первую пару прогулять?

– Смогу, наверное, – отвечает Эстер и на меня смотрит недоуменно.

Через час-полтора вопит мне в трубку:

– Мама, мне Хоттабыч за пятнадцать минут практику отметил! И чего я полгода по знакомым моталась, когда в доме свой волшебник есть?

А я ведь должна была догадаться, к кому с бедами идти. Ну точно – бабка, раз

из ума выжила! А ведь знакома-то я была с Ершовым целую жизнь до того, как мы с ним семьей стали (до сих пор не сосчитали – тридцать годков с «хвостиком» или же без «хвостика»).

Давно это было, много воды с тех пор утекло. Познакомились мы, помнится, в Союзе писателей, который располагался тогда на улице Пушкина, рядом со станцией метро, напротив гостиницы «Узбекистан», возле сквера Революции, которым всегда очень гордились ташкентцы. Здание приятного желтого цвета было большим, просторным, в три этажа. Писателей в нем, как казалось мне, Бабке, находилось тьма-тьмушая. Бабка была тогда совсем «зеленой» – в здание СП Узбекистана заходила с робостью, характерной для юного дарования. Ну а Хоттабыч – Анатолий Ершов – тогда был известным, несмотря на молодость, уже был членом Союза писателей и Союза журналистов. Однажды кто-то в каком-то кабинете (а их в то время в СПУз было великое множество) представил меня Анатолию Ершову и Константину Волкову как начинающего поэта.

– Анатолий Андреевич, – вежливо представился Ершов, мимолетно взглянул без улыбки поверх очков и вдруг растворился в воздухе, будто катапультировался в параллельное пространство.

– О! Видали? – улыбнулся Волков, глядя в окно. – Уже до метро добежал! Оперативненько... Учитесь, девушка!

Девушка онемела. Она и глазом моргнуть не успела, даже не запомнила, как он назвался – Анатолием Андреевичем или Андреем Анатольевичем. Спрашивать, конечно же, было неудобно. Тогда не запомнить имя нового знакомого считалось крайне невежливым. Тем более он-то мое имя запомнил, хоть я еще и была для него просто девушкой Никто.

Прочие мои встречи с Ершовым были не менее мимолетны. Он то бежал куда-то с неизменным портфелем, то беседовал с каким-нибудь аксакалом. Словом, он был очень деловитым, но простым, демократичным и, как это ни странно, недоступным. Дел общих у нас не было. В редакции журнала «Звезда Востока», где он работал, я проходила мимо его двери. Он являлся заведующим отделом публицистики, а у меня об этом жанре тогда было достаточно смутное представление. В коридорах мы здоровались, на улице раскланивались на бегу. Я, кстати, тогда работала на трех работах и тоже по городу бегала – во все его стороны одновременно...

И вдруг жизнь изменилась, да так круто! Перемены почему-то всегда случаются «вдруг». И даже самые умные и догадливые были застигнуты врасплох девяностыми. Мы с Ершовым стали зависать на остановках трамваев и автобусов, обмениваясь информацией о том или ином писателе, переехавшем то в дальнее, то в ближнее зарубежье. Случалось ехать нам в одну сторону в транспорте, тогда разговоры получались более длительными. Телефонные беседы все же оставались краткими: вопрос – ответ. «Я не готов, перезвоните через час... через день-два. Я соберу материал и буду готов ответить вам». Не человек, а машина. Компьютер. Хотя тогда я едва знала это слово. И так прошло лет пятнадцать... За это время случались всякие казусы. Я работала тогда в рекламном книжном объединении «Осиё» инструктором, обучала книжной рекламе молодых ребят. Как-то при встрече Ершов придвинулся поближе и спросил чуть ли не на ухо вместо приветствия:

– Сколько у тебя сейчас любовников?

Я так оторопела, что не могла даже слова вымолвить. «Да как он смеет?! Что он себе позволяет?! Что за хамство! Что значит – сколько?»

А он уже исчез – растворился, катапультировался в параллельное пространство.

Я остолбенела, соображая, хорошо ли, что я промолчала из уважения к нему или, наоборот, плохо, что не отчитала его как следует.

– Слушай, Андреич, – спросила я его через пару лет, – как ты посмел тогда со мною так говорить?

– Как так? – невинно ответил он вопросом на вопрос.

– А вот так... – напомнила я ему.

– Так я с тобой заигрывал, – рассмеялся Ершов, теперь уже мой муж, – а ты не поняла это, что ли? Какая тупая! Ну какая тупая!

– Да кто так заигрывает-то?! «Сколько у тебя любовников?..» А не боялся схлопотать? Хорошо еще, что ты маститым был и старше меня намного. А то бы...

– И что «а то бы»? Ну и схлопотал бы. Глядишь, и отношения бы изменились. С космической скоростью.

– Ну ты ведь и не ухаживал за мной никогда.

– Как это не ухаживал?! Вот спросил же, сколько любовников, – хохотал Ершов.

– Да кто же так ухаживает?

– А как ухаживают?

– Ну, пригласил бы меня куда-нибудь. В театр или в кафе, например.

– Ну я же не знал, что ты у меня такая бабка несовременная, прямо-таки до-историческая...

– Да ну тебя! Не знал... Что ты знал обо мне тогда вообще? Впрочем, а что я о тебе знала?

...Да, ничего я тогда о нем не знала. Ни о его семейном положении, ни об искрометном юморе, ни об умении (до пристрастия) поиграть словами-перевертышами, ни о виртуозной способности сквернословить, ловко оставаясь в границах дозволенного. Только читала его гениальные опусы и слышала восхищенные отзывы о его профессионализме, собранности, оперативности в работе. С незнакомцами он был немногословным, держался официально, чопорно, за его преувеличенной вежливостью проглядывало некоторое высокомерие – чуть-чуть, еле заметное. Со временем я поняла, что это была своеобразная стена, воздвигнутая между ним и графоманами, каких во все времена бывает, к сожалению, великое множество.

В Ташкент Анатолий Ершов приехал в 1961 году двадцати девяти лет от роду переводом из Таллина, где работал корреспондентом ТАСС после окончания кораблестроительного факультета Политехнического института. Молодой и талантливый ТАССовец стремился на Восток. Его манили горы. Имя «Анатолий» означает «восточный», этим Ершов и объяснял себе неодолимую тягу к Узбекистану.

Проезжая в поезде мимо Байконура, он видел эшелоны с грузами для космодрома. Это готовился первый в мире полет человека в космос. Спустя некоторое время весь мир узнал имя этого человека – Юрий Алексеевич Гагарин. Примечательно, что за несколько месяцев до этого грандиозного события молодой ТАССовец Анатолий Ершов дал в мировую печать сенсационное сообщение о готовящемся в СССР полете человека в космос. Сообщение вызвало переполох и сумятицу. Именно после этого сенсационного сообщения в СССР была введена специальная, строгая цензура для публикаций на космическую

тематику.

Весьма примечательна история прихода Ершова в журнал «Звезда Востока» на должность заведомо публицистики. Она, как ни странно, также косвенно связана с Юрием Алексеевичем Гагариным. Ершов в ту пору трудился одновременно в ТАСС и Узбекском телеграфном агентстве (УзТАге) и был включен московским начальством в группу, занимавшуюся поиском места катастрофы, связанной с исчезновением Гагарина. Это место было вскоре обнаружено. Ершов позвонил в Ташкент заместителю директора УзТАга Алышеву с просьбой передать директору УзТАга Наджимову, что вынужден задержаться на сутки. Об этом звонке своевременно не сообщили Наджимову, и он отдал распоряжение удержать из зарплаты Ершова стоимость одного рабочего дня «за опоздание». И, уязвленный, Ершов уходит из агентства в журнал «Звезда Востока» на оклад в три раза меньше, чем был у него на прежнем месте.

Главный редактор журнала Г. П. Владимиров на вопрос о необходимости собеседования отмахнулся:

– Какое еще собеседование, если я читал его очерк об Устюрте?.. Принимаем, конечно.

Примечательно, что год основания журнала – 1932-й – это и год рождения его нового на тот момент заведомо публицистики Анатолия Ершова. Удивительное совпадение! Подобными совпадениями изобилует насыщенная творчеством жизнь этого замечательного человека, автора многочисленных публикаций в самых разных журналах тогдашней необъятной страны, зарубежья.

Ершов – автор более полутора десятка книг, в числе которых и научно-популярные, сотен статей для СМИ, нескольких повестей, ряда фантастических рассказов и очерков, по которым снято более десятка научно-популярных фильмов.

Чтобы отметить его вклад в художественную литературу и журналистику Узбекистана, потребуется написать не одно исследование, а жизнь его так интересна, что могла бы стать основой ершововедения.

* * *

– Андреич! Я не понимаю вообще, когда ты шутишь, а когда серьезничаешь. Опять меня разыгрываешь?!

– Я совершенно серьезен, – торжественно отвечает аксакал. – Ну, малость приврал... Я же писатель-фантаст. Мне по статусу положено...

– Ой, не пей из этой чашки! В нее котенок свою лапку сунул!

– Так это же он для меня сахар размешивал...

– Андреич! Пей чай с вареньем, что ты «голый» чай хлебаешь?

– Ну, конечно, буду пить только одетым. Спасибо за угощение. Все, попил, поел – крыша полетел...

– Погоди, а как насчет гор? Ты действительно из-за них в Узбекистан приехал?

– Нет конечно, – шутит Андреич, – из-за тебя. Где бы я тебя встретил, если бы в Ташкент не приехал?!

– Ага, только поджидал лет тридцать!.. – фыркаю я.

– Судьба, дорогая! Помнишь, как у Пушкина: «И прав судьбы закон...» Не переживай, мы с тобой еще долго проживем! Не веришь? – спрашивает он, замечая в моих глазах сомнение. – А ты верь! На Востоке женщина всегда должна мужу верить!

И я поверила. Что это за бабка, если деду не верит?

Дорогой мой Андреич, милый Толик! Как я горда и счастлива, что рядом со мной такой замечательный писатель, благородный и интересный человек! Долгих тебе лет и отменного здоровья!

Лариса ЮСУПОВА

ПИСЬМО ДРУГУ

Дорогой Анатолий Андреевич!

Наступила твоя не просто круглая – замечательная дата, победная дата! И решила я написать о тебе статью. О творческом пути, о многолетней работе в журнале «Звезда Востока». Но вот сам по себе этот жанр – публицистическая статья... Думала, думала, ломала голову и поняла, что никакого юбилейного звона не получится. Зря буду искать слова, а они-то как раз и разбегутся при малейшем намеке на официоз. Тогда я решила поступить просто: потряхнуть стариной и написать письмо. Обыкновенное письмо с обращением непосредственно к тебе.

Ты спросишь, почему я говорю «тряхнуть стариной»? Просто сегодня длинных писем никто не пишет. Не те времена. На то есть Telegram. Черкнул пару строк, нажал на кнопку, и дело с концом. А жаль. Жаль, что умер эпистолярный жанр, хотя его никто и не отменял. Ты помнишь, какие длинные и обстоятельные письма люди писали друг другу? Вот ты усаживаешься за письменный стол и... строчишь страницу за страницей. Про все. Что было, что будет, о чем душа поет или поет. Потом надо было переписать все это с черновика на чистовик, взять заранее купленный конверт, вложить в него исписанные листки, заклеить, надписать адрес, выйти из дома, найти синий, прикрепленный к какому-нибудь столбику почтовый ящик, в его узкую щель вбросить письмо и долго ждать потом, когда же придет ответ. При этом ты обязательно ругаешь медлительную почту, мол, и самолетом послал (для авиапочты существовал специальный конверт), а все равно ответное письмо шло чуть ли не три недели!

Это в прошлом, а мы, в достаточной степени взрослые, умудренные жизненным опытом люди, чтобы попусту не ворчать и не бранить двадцать первый век, начнем, пожалуй.

Я думаю, ты прекрасно помнишь, с чего началось наше знакомство. Это был 1980 год. Как тут не сказать: «Боже мой, как давно! И, Боже мой, как молоды мы были!» Случайной или не случайной была наша встреча, но произошла она так: сотрудничать с журналом «Звезда Востока» пригласил меня редактор отдела поэзии Б. А. Геронимус. С ним-то я была знакома еще со студенческих лет. Он вел у нас спецкурс... Я написала для него небольшую филологическую статью, вскоре ее опубликовали, и вот Борис Авигдорович сидит напротив меня

Лариса ЮСУПОВА родилась в 1954 г. в Ташкенте. В 1978 г. окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Публиковалась в журнале «Звезда Востока». Автор нескольких детских книг, переводчик. Член Союза писателей Узбекистана.

в тесном и прохладном, потому что находится в северной стороне здания, кабинете, и в свойственной ему медлительной манере размышляет:

– Что же нам с вами делать дальше? – молчит некоторое время, потом продолжает. – А вот что!.. Пойдемте, я познакомлю вас с Ершовым.

Мы выходим из кабинета, пересекаем темный коридор, мой провожатый открывает дверь напротив. В окна просторной комнаты шпарит полуденное азиатское солнце, я на какой-то миг зажмуриваюсь. Успеваю заметить несколько письменных столов, людей, сидящих за ними, но особенно вглядываться некогда. Геронимус подводит меня к столу слева от входа. Вижу человека, низко-низко склонившегося над исписанной до половины страницей. Успеваю подумать, зачем он чуть ли не клюет носом бумагу, когда рядом лежат на столе очки? Пока думала, ты успел поднять голову, надеть те самые, лежавшие без применения очки, внимательно посмотреть на меня сквозь стекла, строго и без улыбки. Я окончательно смутилась и пропустила момент, когда моего нового редактора назвали по имени-отчеству. Борис Авигдорович представил меня, рассыпался в комплиментах, ушел. Мы остались с глазу на глаз, хотя в комнате было довольно много народу. Никто не обращал на меня внимания, все были заняты своими делами.

Первый наш с тобой разговор был недолог и носил сугубо официальный характер. Я еще подумала: сухарь какой-то. Ох, не получится у меня написать для него хоть что-нибудь. Ты предложил мне сесть, опустил глаза, для чего-то потрогал стопку чистой бумаги, снова взглянул на меня, изучая, помолчал. Я терпеливо ждала. Потом ты спросил, не соглашусь ли я написать очерк о горных лесах Узбекистана? Для этого надо будет пойти в Институт лесного хозяйства, найти там нужных людей, собрать материал. Я кивнула головой, соглашаясь, а про себя подумала: удеру. Какой лесной институт? Кого я там найду? Я даже не знаю, где он находится.

Было сказано несколько напутственных слов, после них говорить было больше не о чем. Поднялась, попрощалась, направилась к двери и, пока шла, один раз обернулась. Ты успел снять очки и снова уткнуться в работу. Как будто меня и не было. Даже обидно стало. Решение сбежать окрепло.

В коридоре засомневалась, замедлила шаг. Ведь я подведу Геронимуса, а он так усердно меня рекомендовал, так нахваливал! Неужели придется писать? Вспомнила, что так и не знаю твоего имени. Вернулась, заглянула в кабинет к Геронимусу:

– Борис Авигдорович, – тихонько шепнула я, – как зовут этого вашего Ершова? Я не расслышала.

– Анатолий Андреевич. Вы с ним о чем-нибудь договорились?

– Договорились, – вздохнула я, – хочет, чтобы я написала для него очерк о лесах Узбекистана.

– Которых нет? – хмыкнул он, – ну-ну, желаю успеха.

Геронимус ошибался – леса были. Роскошные горные леса с тополями, тальниками по берегам шустрых прозрачных потоков, с вековыми орешинами и темными мохнатыми арчовниками. Но так получилось, что о них мне писать не довелось. Следуя твоему пожеланию, я нашла Институт лесного хозяйства, и там мне несказанно повезло. Я познакомилась с чудесным (другого слова не нахожу) человеком – Юрием Григорьевичем Булукувым. Не ты – он вдохновил меня и сделал все возможное, чтобы появился на свет очерк под названием «Леса, которых не было». Булукув предложил съездить с ним и группой его

сотрудников в Сукок, и там я увидела опытные участки с высаженными на каменистых склонах молоденькими деревцами. То были будущие леса. Вот о них и людях, занимающихся каторжной работой под палящим солнцем – выхаживанием крохотных саженцев, чудом укоренившихся среди раскаленных камней на расчищенных под террасы склонах, мне и надо было писать. В один день все осмотреть и проникнуться настроением не успела. Булукуков устроил на ночлег в доме отдыха «Сукок», в результате я провела на горной опытной станции два дня. Надышалась прохладой, насмотрелась на горные пейзажи, вернулась домой, в ташкентскую жару, и села писать очерк для «Звезды Востока».

Не стану рассказывать тебе, Анатолий Андреевич, как мучилась я над первыми фразами, как писала и переписывала целые страницы, – все это тебе знакомо. Я не хочу углубляться в творческий процесс, и письмо мое совершенно о другом. Скажу только, что после того как я принесла тебе готовый материал, потом легко согласилась внести правки и учесть замечания, отношения наши стали налаживаться. Я уже не считала тебя таким уж сухарем, а ты в разговорах со мной стал иногда улыбаться. Очерк был опубликован в ближайшем номере. Потом для твоего отдела я написала еще один, а затем стала сотрудничать, по твоей же наводке, с другим редактором в другом отделе. Ты сам сказал тогда: «Авторы приходят и уходят, редакторы остаются». В качестве автора, да, ушла, но за время совместной работы, а она длилась около года, наши отношения успели перерасти в дружбу.

Совершенно не помню, как это получилось, но через какое-то время мы стали дружить семьями. Не помню, кто к кому первым пришел в гости. Зато ясно вижу, как ты сидишь у окна на нашей террасе, а твоя жена возле стеллажа с книгами листает толстенный том. О чем-то мы говорим, но за толщей времени разговор не слышен.

О чем могли говорить люди, захотевшие сблизиться и лучше узнать друг друга? О жизни, о застое. Стараясь не особенно погружаться в бытовые проблемы, о том, как трудно приходится сводить концы с концами; о купленных по случаю интересных книгах и, конечно же, о работе.

А вот другой эпизод. Теперь мы с мужем у вас, в вашей уютной и странной двухъярусной квартире. На первом этаже кухня и зал, на втором – спальня и кабинет. После «экскурсии» по комнатам вчетвером мы вышли на широкий балкон, и вы, ты и твоя жена, показали нам то, что являлось гордостью вашего дома, – цветник, вознесенный на пятый этаж, высоко над землей. Конечно, это был цветник-пленник, высаженный в деревянные длинные ящики, но, что самое трогательное, весь проем на улицу был затенен вьюнками, ползушими по туго натянутым нитям. Листочки их лихо трепетали на ветру, граммофончики цветков храбро смотрели вниз. А ты с гордостью рассказывал, каких трудов тебе стоило просверлить в бетоне каждую из дырок, вбить каждый гвоздь, натянуть шпагат – и все это с риском загреметь с пятого этажа. Помню, мой муж, тоже мастер на все руки, прекрасно понимая сложность выполненной задачи, с большим уважением посмотрел на тебя.

В иные разы, бывало, мы приходили, когда у вас собирались гости – то ли это был чей-нибудь день рождения, то ли какой-то праздник – и тогда в просторной гостиной становилось тесно и шумно...

А вот помнишь ли ты такой случай? Нет, в тот день не было никаких гостей, только мы вчетвером. Кто его знает, почему разговор зашел о неопознанных

летающих объектах и разного рода пришельцах. Впрочем, в те годы это была модная тема. Не только пришельцы волновали народ, а и экстрасенсы, ясно-видящие, целители, Джуна, баба Ванга... Но в тот раз мы говорили именно о пришельцах и доставлявших их на нашу Землю летающих тарелках. Говорили, спорили, рассуждали, вспоминали разные публикации и фотографии неопознанных золотых шаров в «Науке и жизни» (замечательный был журнал!), вдруг у меня само собой, но от всего сердца, вырвалось:

– Жаль, что все это сплошная чепуха.

И вдруг... Да-да, вдруг... Ершов, реалист, показавшийся мне в первую нашу встречу неисправимым сухарем и педантом, внимательно посмотрел на меня и твердо, убедительно, с логическим ударением на втором слове произнес:

– Это не чепуха.

Мой муж удивленно вздернул правую бровь, бросил на меня тоскующий взгляд, мол, и этот туда же, опустил глаза, но промолчал. Я с большим недоверием в голосе спросила:

– Ты, что же, веришь?

– Я не просто верю, я знаю, – тихо и убежденно ответил ты.

И вот Анатолий Андреевич Ершов, публицист, писатель, редактор ответственного отдела в знаменитом толстом журнале «Звезда Востока», отец семейства, стал говорить не отвлеченно о каких-то там сомнительных фотографиях внеземных кораблей, а о собственном опыте. О том, как довелось ему побывать в составе большой экспедиции и не на фотографии, а наяву увидеть и потрогать обломки такого корабля, разбившегося совсем недавно где-то неподалеку в предгорьях Тянь-Шаня. Все это серьезно, не моргнув глазом, без малейшего намека на улыбку.

Еще не веря, я набрасывалась на тебя: «Где, где это произошло?» А ты важно повествовал, что не можешь сказать, где именно, поскольку местонахождение объекта есть строжайшая государственная тайна, и все в таком роде. Тебя невежливо перебивали, дескать, все это слова, слова, слова, а где доказательства? «Ты можешь предъявить доказательства? У тебя, что же, нет ни одной фотографии с места события? Ты же прекрасный фотограф!»

– Я снимал, – ответил ты, – но, увы, все пленки оказались засвеченными.

Мой муж по-прежнему тихо сидел в кресле, подперев голову кулаком, прикрыв ресницами глаза. Твоя жена мечтательно улыбалась и разглядывала потолок. Я продолжала гнуть свою линию.

– Тогда ты не можешь ничего доказать!

Убежденно и твердо ты бросил в ответ одно единственное слово:

– Могу! Следуй за мной.

И предложил следовать за тобой.

Ты повел меня, готовую умереть от любопытства, по ажурной винтовой лесенке на второй этаж, привел в кабинет. Там выдвинул ящик письменного стола, стал рыться в нем, доставать какие-то мелочи в виде коробки со скрепками, карандашей, резинок, записной книжки и, наконец, извлек на свет настольной лампы химическую пробирку и протянул мне.

Пробирка была плотно закрыта пробкой, а внутри сквозь начищенное стекло посверкивали серебристые кусочки какого-то вещества. Больше всего это походило на свежую металлическую стружку. Но стружка в скором времени темнеет, а это «нечто» ярко сверкало и переливалось в электрическом освещении.

– Что это? – спросила я.

– Это вот... то самое. Частицы разбитого корабля. Положи пробирку на стол. Я положила.

– Поднеси к ней руку. Не касайся.

Я поднесла руку, стараясь не коснуться.

– Чувствуешь тепло?

Я почувствовала тепло. Даже зашекотало ладонь. Нет, я честно говорю: я почувствовала... И внезапно поверила! Глянула на тебя робким кроликом, спросила, не боишься ли ты держать в доме осколки НЛО, мало ли что они могут излучать. Тогда ты стал рассказывать, мол, было такое дело, разрешили тебе взять с «того места» для изучения солидный осколок. Принес домой, сунул под кровать, но после этого по ночам стала сниться всякая чертовщина, и ты избавился от него, отправил специалистам. А в пробирке – что? Это мелочь. Вряд ли это может оказать какое-то воздействие.

Я стала смотреть на тебя совершенно другими глазами.

Мы ушли от вас поздно вечером. Автобусная остановка была далеко, но мы никуда не спешили. Вечер был прохладен и свеж. Давно взошла и успела засеребриться полная луна. Мы так наговорились в гостях, я так переполнилась впечатлениями! Хотелось молчать и бродить, взявшись за руки, по вечернему затихающему городу. А еще хотелось время от времени поглядывать в небеса в надежде, не мелькнет ли в зените неопознанный летающий объект, не вспыхнут ли по разные стороны от него загадочные золотые шары.

– Все-таки интересно, – нарушил таинство тишины мой муж, – для чего понадобилось Ершову морочить нам голову?

Анатолий Андреевич, скажи, ты зачем морочил нам голову?

Однажды... ты, конечно, помнишь, мы всем скопом поехали к нам на дачу, на пикник. Честно говоря, полноценной дачей наш несуразный, вытянутый в длину узкий участок назвать было нельзя. На нем не было никаких строений, если не считать кое-как сколоченного сарайчика. Хотя к тому времени успели подняться и начать плодоносить молодые деревья, разросся виноградник. Мы честно предупредили, чтобы ничего особенного ни ты, ни твои женщины (в тот раз с нами была и твоя дочь) не ждали.

Мы рассчитывали отправиться на нашем автомобиле вшестером. Вас трое с дочкой и нас трое с дочкой. Девчонки маленькие – как-нибудь разместимся. До кольцевой дороги недалеко, никакой дяденька милиционер навстречу не попадет. Но тут наш сын заявил, что он тоже хочет ехать, а как разместить в горбатом «Запорожье» не шесть, а уже семь человек? Непростая задача. Но мы ее разрешили. Мы договорились, что в случае опасности девчонки будут опускаться на корточки и прятать головы. Договорились, поехали и спустя какое-то время оказались на месте.

Загнали машину на свободное пространство, выгрузили заранее приготовленную еду, женская половина занялась бытовыми проблемами. Чтобы было на чем сидеть, вынесли под дерево пружинную, немного заржавленную кровать, матрасы и ватные одеяла, извлеченные из сундука. Сын занялся заготовкой дров для костра, а муж мой повел тебя осматривать наши владения. Ты помнишь, что именно ты увидел?

Со всех сторон нас окружали дачи, и только западная, самая протяженная, сторона смотрела в степь, в необъятную, всхолмленную степь, и это был уже

Казахстан. Редкие столбики с натянутыми на них тремя рядами алюминиевой проволоки обозначали не только границу нашего участка, но и границу между двумя республиками. Но это никого не волновало. Сказать бы нам тогда, что пройдет совсем немного времени и все дачи с домами, садами и огородами снесут, землю распашут, на место хилых загоронок поставят пограничные столбы – и черта с два ты пересечешь теперь запретную линию.

Не удержалась, достала старый альбом, нашла, что искала, – целую серию прекрасно отпечатанных фотографий. Смотрела на них и будто вдыхала воздух того дня.

Была поздняя весна, видимо, не очень теплая. Мы все в кофтах поверх летних открытых платьев. Фоном служит еще не запыленная молодая листва на деревьях, ветки сплошь заслоняют небо. Лишь кое-где оно проглядывает белыми пятнами, не голубыми, как оно сияло тогда, потому что фотографии черно-белые. Помню, ты долго ходил вокруг дерева, топтал траву, приспособившись, чтобы и дети, и только что распутившиеся бутоны попали в кадр. Не вышло. Зато девчонки возле куста с цветущими розами смотрятся отлично.

А вот групповой снимок. Мы с трудом умещаемся на узкой кровати, и только наш сын разлегся за нашими спинами и выглядывает из-за отцовского плеча. На лице скука и скепсис. Тот самый возраст, трудный, подростковый. Девчонки сидят, зажатые с двух сторон, хохочут, видимо, их слегка придавили, когда я присела на самый край кровати с кастрюлей в руках. Жаль, тебя ни на одной фотографии нет. Это ты вел хронику того дня, искал ракурсы и шелкал затвором.

После веселого обеда на траве вокруг расстеленного покрывала, поднырнув под проволоку условной изгороди, мы отправились гулять по холмам в степь. Трава еще не успела высохнуть, кое-где попадались полевые цветы. Невидимые, пели птицы, солнце стало припекать, и мы, наконец, поснимали теплые кофты. Воздух был поистине свеж.

Все хорошее когда-нибудь кончается. Солнце покатило на запад, настала пора собираться домой. Покидали в машину вещи и благополучно добрались до дома, оставили своих детей и поехали дальше – отвозить вас. Через весь город, в район аэропорта.

Мы провели чудный день. Надышались степным воздухом, съели до крошки вкусную еду, нагулялись по просторам соседнего Казахстана, и, видно, поэтому каждого из нас, исключая строгого водителя, наполнила до краев, как наполняют веселые пузырьки стакан с газированной водой, эйфория. Не задираясь, не пытаюсь обгонять изредка пролетающие мимо нас автомобили, скромный «Запорожец» потихоньку трюхал вперед и вперед, а мы развеселились, зарезвились, завели шумный разговор. О чем-то спорили, что-то веселое вспоминали, и только водитель наш оставался недовольным из-за шумного поведения пассажиров.

– Ох, вы у меня допрыгаетесь, – бормотал он, напряженно глядя на дорогу.

А нам что!

– Давай! Давай! – подгоняли мы ледащий мотор. – Быстрей! Димка, жми на железку!

Подчинившись общему настроению, Димка «нажал»: машина побежала шибче. Колеса крутились, дорога была свободна, настроение – лучше не бывает, в салоне грянул хор. «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер!» – и так почти до самого конца. Слова знали все, включая юную

Ершову. «Кто весел – тот смеется, кто хочет – тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет!»

Нет, ты можешь сегодня представить, чтобы на ташкентских улицах, битком забитых иномарками, из комфортных салонов доносились живые голоса и соответствующая ритму движения песня? Разве что проедет мимо весельчак с включенным на полную катушку магнитофоном: «Бум! Бум! Бум!» Как только ему, бедолаге, черепную коробку не сносит?!

То было наше время и мы, несмотря ни на что, пели. Спели одну песню, за ней другую, свернули с Софийского проспекта, миновали пожарное депо, проехали перекресток. И как раз на том месте, где сейчас высится угловое монументальное здание из красного кирпича, а тогда был пустырь, в моторе что-то легонько стукнуло, машина затряслась, как в лихорадке, и, только-только водитель успел довести ее до обочины, встала как вкопанная.

Песня оборвалась, напряженная тишина воцарилась в салоне. «Кто ищет приключений – тот всегда найдет», – пробормотал водитель и стал выбираться из машины. Ты отправился следом за ним, и что уж вы там колдовали с отказавшим карбюратором (это нам потом объяснили причину неисправности), не знаю. Мы, женщины, остались на месте, испуганно шептались, и только у самой юной пассажирки в глазах продолжали прыгать веселые чертенята.

Солнце окончательно укатилось за дальний край Ташкента, но до темноты было далеко, небо еще не угасло, как не угасала наша надежда на скорое устранение так некстати произошедшей поломки.

Надежды оправдались. Не так скоро, как хотелось, но наступил момент, когда стало ясно, что мы едем дальше. Мне пришлось выбраться из машины, чтобы пропустить тебя в салон. Все разместились, и машина тронулась с места. Мы сидели, послушные-послушные, тихие, как мыши. Но, видно, соскучившись, через какое-то время, спрятав хулиганскую нотку в голосе, ты невинно спросил:

– Может, споем?

– Я вам, кажется, попою! – отозвался сердитый водитель.

Все смолкло. Но украдкой мы продолжали переглядываться и весело стрелять глазами ему в спину. Песню-то мы все равно уже спели!

Вот пока все, о чем я хотела тебе написать. Я могла бы вспомнить еще не одну встречу, не один эпизод из далекого времени – близкого времени, да вот суть моего письма не в этом. Главное в том, что живет на земле человек, с которым я могу говорить на одном языке, вместе с ним вспоминать и радоваться воспоминанию. Живи долго, дорогой Анатолий Андреевич! Пусть пройдет еще много лет, чтобы при встрече мы все еще могли бы задать друг другу этот согревающий душу вопрос: «Ты помнишь?..»

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

Ариадна ВАСИЛЬЕВА родилась в 1942 г. в Париже. В 1967 г. окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала учителем русского языка и литературы, журналистом, помощником главного режиссера по литературной части Ташкентского ТЮЗа. Автор романов, рассказов, пьес, сказок. Член СП Узбекистана.

ХИЛНА**Фрагмент романа
«Меня убьют четвертым выстрелом»****Виктор ГОРОШИН**

Служба заканчивалась. Часть прихожан уже выстроилась к причастию. Другие терпеливо ожидали напутственного слова священника. Церковнослужители приготовились к исполнению таинства.

Этот храм, по преданию, был основан еще в 59 году от Рождества Христова. Находился он в городе Хомс, и до войны был одним из самых притягательных мест для паломников всего мира: в церкви был найден и хранился Пояс Пресвятой Богородицы. Произошло это в далеком 1953 году. А значит, пролежал он в тайниках около полутора тысячи лет. Согласно легенде, после ухода Девы Марии поясом владел апостол Фома до самой своей мученической гибели в Индии. После этого Пояс еще почти четыре века находился в Азии, пока не был перевезен в Сирию и спрятан в сирояковитской церкви Ум аль-Зуннар. Там он и затерялся вплоть до своего чудесного возвращения. Он представлял из себя полоску верблюжьей шерсти, расшитую золотыми узорами. Когда к городу подходили бойцы Халифата и вероятность захвата храма была очень велика, Пояс из Хомса вывезли и спрятали в окрестностях Дамаска, где он и хранился.

Несколько месяцев назад служения в храме прекратились. Солдаты ислама стояли буквально в километре от окраины Хомса. Их вооруженные отряды могли прорваться в любой момент. А судьбы сирийских христиан, попавших в руки исламистов, были известны всему миру. Но сейчас на фронте уже несколько недель было затишье, правительственные войска вели переговоры с повстанцами и боевиками ИГИЛ. Казалось, что опасность несколько отступила. Настоятели церкви решились провести службу.

Почти все прихожане храма были жителями Хомса и расположенных неподалеку деревень. В лучшие времена их насчитывалось около пяти тысяч человек. Теперь не осталось и десятой доли. Многие погибли, остальные предпочли искать убежище в более спокойных районах страны или за границей.

Сегодня на службу пришли человек двести. Многие привели с собой детей. Голландский священник, прослуживший здесь уже почти сорок лет, восхищался мужеством и силой веры своих прихожан. Они молились уже несколько часов, как будто хотели наверстать то время, когда не имели этой возможности. Перед

Виктор ГОРОШИН родился в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне – НУУз). Писатель, журналист, теле- и радиоведущий. Один из основателей и главный редактор газеты «Читай!» Создатель и ведущий программы «Галопом по Америкам» на «Russian town radio» (г. Атланта). Автор сборника рассказов и детективной повести «Непонятное дело Полины Томпсон». Живет в Атланте (США).

причастием большинство из них успели исповедаться.

Когда раздались первые выстрелы, христиане сразу поняли, что перемирие закончилось и воины Аллаха ворвались в город. Причастие не прерывалось ни на секунду. Ни один человек не попытался выйти из церкви. Молодой помощник священника подошел к двери, чтобы запереть храм. Не удержавшись, выглянул наружу, чтобы узнать, что происходит. И моментально был сражен автоматной очередью.

Через мгновение полтора десятка вооруженных людей с гортанными криками ворвались в церковь. Прикладами они начали отделять мужчин от женщин, детей от стариков. Всех развели по разным углам. Голландский священник попытался было возвысить голос в защиту своей паствы, но сразу же был убит равнодушным выстрелом. Мужчины слабо пробовали сопротивляться. Их, смеясь, убивали. Дети плакали. Нападавшие пальцами подзывали к себе молодых женщин. Одна отвернулась, ей прикладом разбили голову. Пятилетний малыш из детского угла бросился на помощь матери, но был убит выстрелом в спину. Стрелял, видимо, главный. У него не было автомата, но он держал в каждой руке по пистолету.

– А ну, быстро заткнули свои вонючие глотки! – заорал он. Крики ужаса не прекращались. Вожак кивнул одному из автоматчиков. Тот немедленно выпустил очередь по группе стоявших мужчин. Несколько человек упали замертво.

– Я сказал: заткнулись! – опять рявкнул командир. Шум прекратился. В тишине раздался плач маленькой девочки. Убийца, не глядя, отвел руку назад и выстрелил по группе детей.

Хилана стояла не шелохнувшись. Ей только вчера исполнилось шестнадцать лет, и она очень хотела жить. Было страшно. Она знала, что делают бойцы халифата с христианами и как мучают девушек перед тем, как убить. Ее мама стояла рядом, держа ее за руку. Отец находился в другой стороне церкви, с молодыми мужчинами. Обе не знали: жив ли он еще.

– А теперь слушайте меня, подонки, – заговорил главный. – Скоро мы подожжем этот сарай, и плевать нам, сколько ему лет и какое старье вы в нем храните. Вопрос только в том, подожжем мы его вместе с вами или нет. Поэтому сейчас мы поиграем в одну увлекательную игру. Для этого мне понадобится помощница.

Он повернулся к группе женщин, высматривая себе жертву. Христианки опустили головы.

– Что глаза прячете, шлюхи гяурские? Эй, ты, – он указал пальцем на Жармин – одноклассницу Хиланы, – иди-ка сюда.

Жармин испуганно огляделась и попыталась вжаться в стену позади себя. Через мгновение она была мертва. Пистолетная пуля пробилась ей в глаз.

– Я же сказал: не надо с нами шутить. А чтобы было понятнее, за ее грех мы накажем кого-нибудь еще.

Командир огляделся по сторонам. Остановил взгляд на группе стариков. Указал на одного из них пальцем.

– Давай, собака, сделай шаг вперед.

Старик замялся.

– Будешь тянуть – убью двоих.

Старик перекрестился и шагнул вперед. Это был последний шаг в его жизни.

– Не нужно ему было креститься перед смертью, – пояснил главарь. – За это должны быть наказаны многие.

Он кивнул автоматчикам. Те вскинули оружие и за несколько мгновений расстреляли всех пожилых людей. Упало с полсотни человек. Когда бойня

закончилась, кто-то из стариков, видимо, раненный, попытался вылезти из-под груды тел. По знаку главаря один из бойцов подошел и попытался его поднять. Ноги старика были перебиты. Он упал.

– Что? Не умирается? Может, тоже хочешь обратиться к своему беспомощному Богу? Попробуй! И мои ребята с удовольствием прикончат еще одну группу. Вон тех, например, – командир кивнул на стоявших детей. Потом дал знак своим бандитам. Те направили на малышей автоматы. – Ну, крестись, чего ждешь?

– Не буду, – покорно сказал раненый.

– Ну и молодец, – похвалил главарь. – Тебе, наверное, больно. Хочешь умереть?

– Хочу.

– Тогда попроси, как следует.

– Убей меня, – хрипло сказал старик.

– Невежливо. Попробуй еще раз.

– Убей меня... пожалуйста.

– Совсем другое дело.

Палач вскинул руку с пистолетом. Пуля попала старику точно в середину лба. Солдаты одобрительно загудели.

– Прекрасный выстрел, Вазир, – сказал один.

– Какая быстрая, легкая смерть, – поддержал другой.

– Точно, – согласился Вазир. – И ни одна сволочь не напишет, что мы выполняем любую просьбу этих неверных. Попросил легкую смерть – получи от щедрот Аллаха. Кто-нибудь еще хочет воспользоваться нашей добротой?

Люди молчали. Даже маленькие дети боялись заплакать. Некоторые беззвучно молились.

– Никто не хочет, – подвел итог главарь. – Тогда вернемся к нашей игре. Я сегодня добрый и хочу дать вам возможность отойти от своей варварской религии и принять религию истинную. Единственную в мире, которая позволит вам, вонючки, сохранить свои поганые жизни. – Он снова посмотрел на группу молодых женщин. Уставился на Хилану. – Иди сюда, красавица.

Помня о судьбе Жармин, Хилана сделала шаг вперед.

– Иди-иди, не бойся. Подойди сюда. Я сказал – ближе.

Хилана подошла и встала почти вплотную к Вазире. Тот сунул в кобуру один пистолет. Другой направил на Хилану. Дотронулся рукой до ее груди. Потом внезапно очень больно ее ждал. Девушка боялась издать хотя бы звук. Вожак смотрел ей прямо в глаза. Его рука скользнула ниже по ее телу. Залезла между ног. Хилана дрожала. Главарь наслаждался ее испугом. Солдаты ловили взглядом каждое его движение и присматривали себе будущие жертвы. Им было очень весело.

– Что ты делаешь, негодяй! Ей же всего шестнадцать лет! – закричала мама Хиланы. Больше она не успела сказать ни слова. Автоматная очередь убила ее и двух стоявших рядом молодых женщин.

– Аккуратней стреляй, – попенял Вазир. – Ты нам так всех баб перебьешь. Кого потом драть будем? Этих, что ли? – Он кивнул в сторону мужчин. Воины Аллаха дружно засмеялись. Вожак снисходительно переждал этот знак одобрения.

– Итак, игра, – сказал он. – Правила простые. Ты, – он снова направил на Хилану пистолет, – начинаешь бегать по кругу. Пока ты бегаешь, у всех этих людей есть возможность подойти ко мне, поцеловать мне руку, потом руки моих солдат и тем самым признать полное господство Аллаха. Кто это сделает – останется жить. Остальные подохнут, как собаки. Время на размышление – пока

ты бежишь. Как только ты останавливаешься или падаешь, эти люди умирают. Кроме тех, разумеется, кто окажется умным. Поняли? Ну, что смотришь, беги.

Хилана не двигалась с места.

– Не хочет, – обиженно сказал Вазир. – Ладно... С кого бы нам начать? – Он вновь посмотрел на стоявших чуть в стороне детей.

Хилана побежала.

– Берите детей, – закричала она, – идите к нему, делайте, что он говорит.

Мужчины не двигались с места. Женщины плакали. Автоматчики держали оружие наизготовку, готовые в любой момент начать бойню. Некоторые заключали между собой пари, согласится или нет кто-нибудь выполнить условия их командира.

Хилана побежала. Уже через несколько минут она поняла, что долго не продержится. Девушка уже не отличала лиц бандитов от лиц своих единоверцев. Все смешалось. Она слышала только грубый смех боевиков и плач маленьких детей, оторванных от родителей. И все время повторяла про себя, что только от нее зависит, как долго проживут эти люди. Кружилась голова, заплетались ноги. На девятом круге она поняла, что скоро не выдержит и упадет. И тогда все эти люди погибнут.

– Детей спасайте, – задыхаясь, кричала Хилана, – спасайте детей!..

Две молодые женщины бросились к детской группе. Схватили своих и, торопясь, подбежали к Вазире. Главарь небрежно протянул им руку для поцелуя. Женщины поднесли к руке малышей. Те не понимали, что они должны делать и плакали.

– Целуй руку, целуй вот так, – уговаривала женщина трехлетнюю дочку. – Вот так делай... как я.

Она прикоснулась губами к руке Вазира.

Девочка плакала и пыталась вырваться из рук матери. Вазир выстрелил. Пуля раздробила малышке голову. Женщина с обезумевшими глазами бросилась на него. Ее остановила автоматная очередь.

– Я же сказал – не стрелять по этим молодым шлюхам, – разозлился Вазир. – Или ты хочешь занять их место?

Бойцы снова весело рассмеялись.

Хилана, спотыкаясь, продолжала бежать, зная, что, как только она остановится, будут перебиты все дети и мужчины. Христиане уже понимали, что молодых девушек и женщин ожидает более страшная участь.

Внезапно от группы мужчин отделился молодой парень. Подбежав к женщинам, он схватил за руку одну из них и вместе с ней кинулся на автоматчиков.

– Только его! – успел крикнуть Вазир. Парень упал замертво. Женщина, рыдая, упала на тело мужа. На нее никто не обращал внимания.

Хилана бежала из последних сил. Она задыхалась. Ее тошнило от сладковатого запаха гашиша, ей хотелось умереть. А еще девушка понимала, что никого не удастся спасти. Подбежав к детям, она схватила за руку мальчика-подростка, подбежала с ним к Вазире и, не останавливаясь, поставила ребенка перед вооруженным бандитом.

– Целуй ему руку! – отбегая, крикнула она. – Делай так, как он хочет. Спасай свою жизнь.

Мальчик поднял на Вазира глаза, плюнул ему под ноги и ровным шагом вернулся к детской группе. Один из бойцов посмотрел на главаря. Тот отрицательно покачал головой.

– Еще успеешь.

Пробегая мимо алтарной двери, Хилана успела заметить большой кусок разбитого витража, валявшийся на полу. На нем отчетливо сохранилось изображение креста. Сделав вид, что споткнулась, девушка успела зажать его в руке. Совсем не осталось сил. Но Хилана твердила себе, что нужно сделать всего одно, последнее, самое важное усилие в своей жизни. И тогда ее ждет быстрое освобождение. Без мучений и позора.

В очередной раз пробегая мимо Вазира, она вдруг круто свернула и бросилась к нему, пытаясь вонзить острый край стекла ему в горло. Нет, Хилана даже не надеялась его убить. Она понимала, что сил на это у нее не хватит. Но она рассчитывала на быструю смерть от пуль боевиков.

Вазир легко перехватил руку девушки и сильно стиснул. Пальцы разжались, стеклянный крест упал на пол и разлетелся на тысячи мелких осколков.

– Что, легкой смерти захотелось? – Вазир больно сжал руку девушки. – А об этих людях ты подумала? Ты же лишила их последней надежды на спасение.

– Да кто ты такой, подонок, чтобы говорить о спасении? – крикнула из угла одна из женщин. – Гореть тебе в аду, мразь! Давай, приказывай своим ублюдкам стрелять по женщинам и детям. Это все, на что вы способны.

Вазир повернулся на этот крик. Внимательно посмотрел на кричавшую женщину. Потом равнодушно пожал плечами.

– Как пожелаете, госпожа...

Он повернулся к своим бойцам и кивнул головой. Боевики вскинули автоматы. Очередь длилась не больше минуты. Потом стихли крики и даже стоны раненых.

В живых убийцы оставили только молодых женщин и девушек, только что потерявших своих детей, мужей, отцов и матерей. С обезумевшими глазами смотрели они на груды окровавленных тел и понимали, что сейчас их ждет что-то еще более страшное.

– Ну что, ребята, – сказал Вазир, – думаю, вы заслужили право на отдых.

Бандиты с радостными нечеловеческими воплями бросились на женщин.

Издевались над ними весь день и всю ночь. Насиловали прямо на полу, на скамьях, в самых сокровенных помещениях церкви. Одна из женщин попыталась вскочить и с разбегу разбить себе голову о массивную алтарную дверь. Ее поймали и с веселым смехом бросили под ноги молодому парню.

– Бери, Хасан, пользуйся. Заслужил сегодня.

Хилана пыталась расцарапать лицо громадному, пахнушему потом и гарью боевику, скрутившему ее прямо под большим напольным киотом. Надеялась, что, может быть, этот, наконец, застрелит ее. Но он лишь сильно ударил ее по лицу. Когда она пришла в себя, бандит уже давил ее всем телом. Было очень больно. Девушка не знала, сколько насильников уже прошло. Она ждала смерти от каждого из них. Но они только передавали ее следующему.

Первой умерла двенадцатилетняя девочка. Под третьим боевиком у нее треснул позвоночник. Худенькую, окровавленную, ее даже не отташили в сторону. Хилана хотела было накрыть тельце ковром, но ее снова, больно ударив, куда-то поташили.

Одна из женщин вдруг встала и, не прикрывая свое нагое тело, прошла к углу, в котором лежали убитые дети. Отыскав среди них своего сына, она взяла его на руки и подошла вплотную к Вазиру. Это было сделано с таким поразительным спокойствием, что даже боевики удивились, наблюдая за происходящим.

– Смотри, ничтожество, – сказала женщина, – это все, что вы можете: убивать и насиловать беззащитных людей.

– Какие же вы люди? – удивился Вазир. – Люди строят рай на земле, которую

вы испоганили. Мы боремся с вами, шайтанами.

– Моему мальчику было восемь лет, – голос женщины дрогнул. – Это он шайтан?

– Все вы – неверные. – Он махнул рукой своим бандитам. – Заберите от меня эту дуру. Она в жизни ни одной фетвы не прочитала.

Бойцы совсем развеселились и снова начали делать ставки. На этот раз спорили, сколько сможет продержаться та или иная девушка. Один показывал пальцем на Хилану и уверял, что под ним она уж точно сохнет.

– А если – нет?

– Тогда придется потратить на нее пулю.

– Зачем пулю? Неужели задушить ее не сможешь?

Бандит пальцем поманил Хилану к себе. Девушка, прикрываясь какими-то обрывками материи, скорчилась на полу. Она не двинулась с места.

– Посмотри на эту шлюху, – рассердился боевик, – строит из себя невинность. Ну хорошо, потаскуха, не хочешь идти – я сам к тебе подойду. Только потом не жалуйся.

Расстегивая на ходу штаны, он начал медленно приближаться. Хилана отползала вглубь церкви. Зная, что девушка целиком в его власти, убийца не торопился.

– Ну куда же ты, дорогая? – усмехался он. – Не торопись. Я так долго ждал нашей встречи.

Хилана знала, что в нескольких шагах от нее есть достаточно глубокая ниша в стене, за ней находилась церковная кухня. До нее девушка и пыталась добраться. Боевик разгадал ее намерение.

– Ах, так ты скромничаешь, – глумился он. – Не хочешь, чтобы нас видели. Не могу отказать тебе в последнем желании.

Он схватил девушку за руку и кинул ее в проем. Хилана отползала все дальше и дальше, увлекая насильника за собой. Проход был глубиной около двух метров, и вскоре они оказались в маленькой комнатке, заставленной кухонной утварью.

– Какое уютное любовное гнездышко, – издевался боевик. – Что же ты мне его раньше не показала?

Он рывком поднял Хилану с пола, развернул ее к себе спиной. Больно схватив за голову, пригнул к полу.

– Подожди, – сказала Хилана, – дай мне обо что-нибудь опереться.

– С удобствами хочешь? Ну обопрись...

Девушка положила руки на кухонный стол. Насильник сзади набросился на нее.

Много раз принимала Хилана участие в приготовлении церковной трапезы и хорошо знала, где находятся все кухонные принадлежности. Прямо в ящике под ее руками хранились ножи для разделки мяса. Превозмогая боль и страх, девушка дотянулась до одного из них и зажала в руке. Опыренный своей властью, боевик ничего не замечал.

– Не торопись, – сказала ему Хилана, – дай мне повернуться к тебе...

– Что, понравилось? Или жить захотела? Ладно. Будешь себя хорошо вести, замолвлю за тебя словечко. Может, возьмем тебя с собой.

Хилана ударила его ножом прямо в сердце. Он умер, даже не успев прикрыть глаза. Его удивленный взгляд остановился на висевшем на стене распятии.

И в это самое мгновение где-то совсем рядом разорвался артиллерийский снаряд. Потом другой. Третий. Хилана услышала, как закричали боевики. Узнала голос Вазира, торопившего своих бандитов.

Через маленькое кухонное окошко Хилана видела, как деловито, короткими очередями убивали ее подруг. Она зажала рот руками, боясь закричать, и потеряла сознание.

Когда девушка очнулась, то сначала не поняла, где находится и что происходит. Тускло светила слабая лампочка церковной кухни. Стояла гробовая тишина. Хилане вдруг показалось, что все события прошедших суток были страшным ночным кошмаром. Потому что в реальности такого произойти не могло. Но страшная боль во всем теле и забытый бандитами мертвый боевик, лежавший перед ней, вернули ее к чудовишной действительности. Она сидела совершенно голая в какой-то вонючей луже. По комнате полз ужасный запах крови и мертвых тел. Хилану вырвало. Она попыталась встать, но сил не было. Она поняла, что сейчас умрет, и молила Бога только о том, чтобы это произошло как можно скорее. Так и не сумев двинуться, она скрючилась на полу. Было очень холодно и мокро, но Хилана не обращала на это внимания. Она молилась, и в какой-то момент ей показалось, что над ней сжалились, и жизнь, наконец, покидает ее. Но это была не долгожданная смерть, а лишь временное забытье, из которого Хилана через несколько мгновений вернулась.

Внезапно девушке показалось, что в тишине церкви раздался протяжный стон. Она прислушалась. Стон повторился. Было ясно, что стонал ребенок. Ему нужна была помощь.

Хилана попыталась подняться. Ноги и руки беспомощно скользили в грязной зловонной жиже. А стон становился все тише и тише. Каждый раз девушке казалось, что ребенок всхлипывает в последний раз и сейчас замолчит навсегда. На четвереньках она еле поползла к выходу из кухни.

Вечность понадобилась Хилане, чтобы преодолеть несколько метров. Когда глаза девушки немного освоились с ярким светом церковного зала, она увидела пятилетнего сына своей соседки с перебитыми ногами, который обнимал тело матери. Хилана попыталась доползти до него. Несколько раз она теряла сознание. Наконец ей все же удалось дотянуться рукой до его пятки. Мальчик был уже мертв.

Она не помнила, сколько времени провела в набитой мертвыми телами церкви. Не знала, сколько раз теряла сознание и снова возвращалась к жизни. Ей удалось найти тело своей мамы. Она сняла ее цепочку с распятием и надела себе на шею. Ее собственный крестик грубо сорвал один из боевиков. Тело отца было погребено под грудой других тел. Безнадежная попытка отыскать его закончилась очередной потерей сознания.

Терзаясь, прося прощения, Хилана надела платье мертвой подруги Жармин, раздев ее.

В церковной лавке Хилана взяла свечи, перенесла их в молеальный зал и расставила перед иконами. Самые большие поставила за упокой своих безвинно погибших подруг, соседей, единоверцев. Потом вспомнила, что ей нечем эти свечи зажечь. Встав на колени, начала молиться, пытаясь припомнить имена тех, кто сегодня принял мученическую смерть. И даже не удивилась, когда в середине молитвы увидела, как вспыхнуло теплое пламя в нескольких лампадах. Хилана зажгла все свечи и, снова встав на колени, попыталась продолжить молитву. Но вместо святых слов из нее вырвался отчаянный, нечеловеческий крик. Она кричала без остановки. На одной страшной ноте Хилана рассказывала небесам о том, что сегодня произошло в храме, который все эти растерзанные люди почитали за дом своего всемогущего Отца, и требовала объяснить, как это могло произойти, вновь и вновь моля о смерти для себя. Жить после того, что

с ней случилось, было невозможно. Но свечи разгорались все ярче, и девушка поняла, что жизнь ей дарована для того, чтобы она смогла рассказать правду, свидетельницей которой стала в этот страшный день.

Церковная дверь была раскрыта настежь. Подойдя к ней, Хилана увидела, что на востоке всходит солнце. Она вышла наружу, оставив свечи догорать в память об убитых. Пройдя несколько десятков шагов, опьяненная свежим воздухом, она снова потеряла сознание, упав прямо на дороге, и даже не слышала, как около нее остановилась машина. Из нее вышли мужчина и женщина. Следом за ними – молодой парень. Все они склонились над лежащей на дороге девушкой.

– Совсем молодая, – жалостливо сказала женщина. – И мы уже ничем не можем ей помочь.

– Давай хотя бы уберем ее с дороги, – отозвался мужчина. – Помоги, Маджид. Возьми ее за руки.

– Я не хочу дотрагиваться до трупа, – капризно сказал Маджид. – Неизвестно, сколько она здесь лежит.

Мужчина внимательно посмотрел на Хилану.

– Недолго, – произнес он. – Бери!

Он взялся за шиколотки девушки. Маджид взял ее за обе руки. Хилана застонала.

– Она жива! – закричал мужчина. – Маджид, быстро неси мой саквояж!

Парень бросился к машине. Женщина попыталась расстегнуть на Хилане платье, одновременно стараясь нащупать пульс.

– Есть пульс, – сказала она, – и достаточно ровный.

Мужчина уже доставал из чемоданчика стетоскоп.

– Подожди, Кифа, пусти меня. – Он легонько отодвинул женщину в сторонку, расстегнул одну пуговицу на платье и, увидев нательный крестик, с сомнением посмотрел на жену.

– Сорви его, Джераб, – спокойно сказала Кифа, – и отдай мне. Вот так. – Она завернула крестик в платок и положила в карман. – А теперь давай посадим ее в машину.

– Что ты хочешь делать?

– Поедем назад в больницу. Будем ее спасать.

– Нас могут за это убить. Ты же знаешь, что они прорвались в город.

– Сегодня прорвались – завтра уйдут.

– У нас может не оказаться завтра.

– У нее на лице не написано, что она христианка. Мало ли, кого мы могли найти на дороге.

– Если все выяснится – убьют не только нас, но и наших мальчиков.

– Перестань, – остановила его Кифа. – Ты же для себя уже все решил. И никогда не смог бы оставить ее здесь.

– Что скажешь, Маджид? – доктор повернулся к сыну.

– Конечно нужно увозить ее отсюда. Только, наверное, лучше не в больницу. Там слишком много людей, кто-нибудь может ее узнать. Отвезем домой.

– Не уверен, что дома мы сможем ей помочь, – с сомнением сказал Джераб. – Мы даже не знаем, что с ней.

– Так осматривайте, – раздраженно сказал Маджид. – Два врача на одну пациентку, по-моему, совсем неплохой расклад. А я пока добегу до их церкви. Может быть, кто-то знает, что с ней произошло.

Юноша поспешил к храму. Джераб снова склонился над неподвижным телом стонущей девушки. Увидел, что оно было безжалостно истерзано и покрыто

следами от ударов. Доктор сразу все понял и поднял глаза на жену.

– Думаю, там... дальше... по твоей части, – мрачно сказал он.

Кифа кивнула и подняла девушке юбку. Джераб отошел в сторону. Посмотрел на церковь. Оттуда, шатаясь, шел его сын. Пройдя несколько шагов, он остановился и скорчился. Его вырвало. Джераб старался не смотреть в его сторону. Наконец Маджид взял себя в руки и вернулся к машине.

– Там...

– Не нужно, – остановил его отец, – я понимаю. И мама тоже.

По его лицу текли слезы.

– Много? – спросил он.

– Полная церковь. Старики. Женщины... Детские трупки. – Его голос дрожал. – Подонки, мрази... Они это называют борьбой за рай на земле. Куда смотрит твой Аллах, папа? Вот ради этого ты пять раз в день расстилаешь свой коврик?

– Ты ничего не понимаешь...

– Это я не понимаю? Так объясни мне! Иди, загляни вон туда, а потом поблагодари великого и всемилостивейшего! Засвидетельствуй, что нет бога, кроме него.

– Он здесь ни при чем...

– Ни при чем? Кому ты молишься? На кого время тратишь, если он допускает такую бойню? Не может ее остановить. Или не хочет?

– У него свой план.

Маджид внимательно посмотрел на отца. Тот, не выдержав его взгляда, отвел глаза в сторону.

– Несомненно, папа, – вдруг тихо сказал Маджид, – у него есть свой план. Я только не понимаю, чем ему помешала эта умирающая девочка.

– Она не умрет, – сказала Кифа. – Мы посадим ее в машину и заберем с собой.

– В больницу?

– Нет, домой. В больнице сразу станет ясно, что с ней произошло. Значит, поймут, кто такая, придут и убьют. Для них она теперь не только христианка, но и опасная свидетельница.

– Можно подумать, они пытаются скрыть свои преступления, – возразил Маджид. – Наоборот, выставляют их напоказ, как высокую доблесть.

– И тем не менее, – Кифа посмотрела на мужа. – Ты согласен со мной?

– Я очень боюсь за тебя. И за мальчиков.

– Знаю. Но ты бы не смог жить, оставив ее здесь.

– Я мужчина.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Кифа. – Ты мой мужчина.

– Я останусь с ней дома, а ты с ребятами на время уедешь.

– Будешь готовить мне молодую замену?

– Буду спасать ее и вас.

– Давай уж попробуем вместе. С помощью Аллаха. Не усмехайся, Маджид. К тому же там есть специфические повреждения, с которыми не справится даже такой великий доктор, как ты.

Хилана очнулась в полной темноте. Какое-то время она была уверена, что уже мертва и находится в другом мире. Но было очень больно и очень страшно. А ей много раз приходилось слышать, что в раю нет ни боли, ни страха. Она попыталась ощупать себя. Каждое движение приносило невыносимые страдания. Попробовала осмотреться, но не увидела даже собственных рук. Не

доносилось ни звука. Она хотела произнести хоть слово, но из горла вырвался лишь тяжелый выдох. Хилана в ужасе закрыла глаза. Она поняла, что боевики похоронили ее заживо.

Пробуя определить границы своего склепа, Хилана с трудом вытянула в стороны руки и не наткнулась ни на какое препятствие. Дотронулась рукой до своего лица. Провела ладонью по шее. С ужасом обнаружила, что потеряла крестик, который сняла с тела убитой мамы. Это был прямой знак, что небеса от нее отвернулись. Она закрыла глаза и начала ждать смерти, моля, чтобы она наступила как можно быстрее. Хилана читала, что воины халифата зачастую хоронили живых людей. Но ей было все равно. Она уже смирилась с тем, что Бог посылает ей тяжелые испытания, проверяя, готова ли она во всем покориться его воле. Может, за что-то наказывает.

Девушка лежала в полной темноте, преодолевая острую боль, и ждала смерти, вспоминая свою короткую жизнь.

Откуда-то сверху слышались глухие шаги, Хилана даже подумала, что за ней спешат ангелы. Но замок заскрежетал не с тем сладостным звуком, с которым Петр впускает души в царствие небесное. Хилана закричала от ужаса. Она поняла, что солдаты заперли ее здесь, чтобы продолжать мучить. Но где-то сверху вдруг поднялся люк, и показалась узкая полоска света.

– Не кричи, ты нас всех погубишь, – услышала она мужской голос.

В помещении зажглась яркая лампочка. Хилана плотно прикрыла глаза.

– Мы уж думали, что ты никогда не проснешься. Родители сначала говорили, ты можешь пролежать без сознания сутки. Потом – три дня. Потом – пять. Но через семь даже они засомневались, что ты когда-нибудь оживешь.

Судя по голосу, говорил молодой парень. Хилана боялась пошевелиться. Она не знала, чего ожидать от человека, появившегося в комнате.

– Можешь открыть глаза?

Девушка отрицательно помотала головой.

– Понятно, – сказал парень. – Не волнуйся. Через несколько минут привыкнешь к свету. Кушать хочешь?

Хилана молчала. Голос казался доброжелательным, но это ни о чем не говорило. Вазир тоже разговаривал с людьми негромко и даже вежливо перед тем, как убить.

– Так ты хочешь есть? – повторил свой вопрос молодой человек. Девушка не отвечала. – Понятно. На языке папы с мамой это называется посттравматическим синдромом. Помнишь, что с тобой произошло?

По щекам девушки потекли слезы.

– Вижу, помнишь, – констатировал парень. – Значит, находишься в полном сознании. Ладно. Полежи еще немного, я позову маму. Хорошо, что она сегодня дома.

Скрипнула и закрылась дверка в потолок. Девушка попыталась открыть глаза. Безжалостный свет резал их ножом. Она попробовала потереть глаза руками. Было больно, но она терпела. Понадобилось несколько мучительных минут для того, чтобы увидеть, где она находится. Это была небольшая комнатка с раскладушкой, на которой Хилана и лежала. Стены и потолок были выкрашены в белый цвет. Дверей и окон не было. Она уже знала, что в потолке небольшой люк. Хилана поняла, что находится в подвале. С огромным трудом она присела на своей лежанке. Тело сводила судорога. Сильно кружилась голова.

Дверка люка снова приоткрылась, и в проеме показалось лицо женщины. Она была настолько красива, что Хилана поняла: за ней явился самый настоящий

ангел. Она упала на раскладушку, закрыла глаза и приготовилась к встрече с Богом.

Но женщина быстро спустилась по лестнице, прошла по комнате и, подойдя к Хилане, обхватила пальцами ее руку.

– Наконец-то ты очнулась, дорогая, – мягко сказала она. – Как ты себя чувствуешь?

Не дожидаясь ответа, обхватила голову Хиланы и начала легонько надавливать ей за ушами, постепенно опуская руки к шее.

– Так не больно? – спрашивала она.

Хилана не могла произнести ни слова. Она лишь неловко кивала головой.

Женщина улыбнулась.

– Это значит «да» или «нет»?

Хилане очень хотелось улыбнуться ей в ответ, но она не смогла.

– Не очень, – хрипло ответила она.

– Ну, вот ты уже и заговорила, милая, как здорово... – она продолжала внимательно изучать сохранившиеся на теле девушки ссадины и ушибы, дотронулась рукой до ее ключицы. – Здесь больно?

– Нет.

– Прекрасно. Скажешь мне, как тебя зовут?

– Хилана.

– Какое замечательное имя. А меня зовут Кифа. Я доктор. Не возражаешь, если я тебя еще немного осмотрю?

– Нет...

Женщина на мгновение замялась.

– Ты знаешь, я вообще-то женский доктор. Понимаешь? Ты ведь уже взрослая девушка. Мне нужно осмотреть тебя всю. Можно?

Хилана поняла. Она вновь покорно кивнула головой и закрыла глаза. Но как только Кифа к ней прикоснулась, весь кошмар, который пришлось вынести, вновь обрушился на нее. Она видела перед собой потные, грязные тела боевиков, ошущала их липкие руки. Ее трясло. Она забыла, что перед ней врач, чувствовала лишь руку на своем теле, и ее начало рвать. Несколько дней она ничего не ела, и сейчас из нее выходила только липкая жидкость, смешанная с кровью. Всю грязь и мерзость пережитого она выворачивала из себя с этой зловонной слизью, изрыгала страх, стыд, позор и боль. Она вспомнила, как убивали ее маму, Жармин, того маленького мальчика, чью жизнь она пыталась спасти. Приподнявшись, она обняла Кифу, прижалась к ней всем телом и, дрожа, зарыдала в полный голос, как тогда, в церкви, когда требовала у небес ответа за весь ужас, который пришлось пережить. Кифа обняла ее в ответ и попыталась прошептать что-нибудь утешительное. Но все слова казались ненужными и фальшивыми. И она зарыдала вместе с Хиланой. Так же громко, в полный голос, она рассказывала своему Богу о том страхе за детей, мужа, за себя, который ей приходится испытывать каждый день этой ужасной войны. Жаловалась, что устала казаться сильной и хладнокровной, когда приходилось вытаскивать осколки из внутренностей маленьких девочек или возвращать к жизни их истерзанных матерей. Она достала из кармана золотой крестик Хиланы и надела его девушке на шею. Так они и рыдали, прижавшись друг к другу. Долго-долго. Самая прекрасная женщина на свете, с прикрытыми легкой косыночкой волосами, и маленькая измученная девочка с золотым распятием на груди.

А потом Кифа рассказывала Хилане, как они с мужем и старшим сыном ехали

из больницы, в которой работали, и увидели ее на дороге. Как привезли сюда и неделю ждали, пока она придет в сознание. Как уже почти потеряли надежду. И как она, Кифа, обрадовалась, когда сын рассказал, что девушка очнулась. Кифа рассказала, что ее мужа зовут Джерабом и что он один из лучших хирургов страны. До войны его даже много раз посылали за границу на международные конференции. А их старшего сына зовут Маджидом. Он тоже пытался стать доктором, но война заставила его уйти из университета. Еще у них есть младший сын Валид. Он только в этом году закончил школу.

– Это он заходил сюда недавно. Чуть постарше тебя. Я уверена, что вы подружитесь. У меня прекрасные мальчишки. Хотя и разные. Маджид может весь день просидеть за книжками, а Валид весь день проиграть в футбол. А еще, знаешь, – Кифа понизила голос, – Маджид совершенно не верит в Бога. Говорит, что в мире так много зла, что трудно поверить, будто это происходит по воле Всевышнего. А Валид – наоборот. Любит ходить в мечеть, при каждом удобном случае беседует со священнослужителями. Как такое могло получиться в одной семье?!

Вечером с работы приехал Джераб. Он был усталым и озабоченным, но нашел время, чтобы спуститься в подвал и познакомиться с Хиланой.

– Ты не обижаешься на нас, что пока приходится жить здесь? – спросил он.

– Что вы? – запротестовала Хилана. – Я вам так благодарна за все, что вы для меня делаете. Я понимаю, как вы рискуете.

Джераб повернулся к жене.

– Маджид хотел рассказать соседям, что к нам скоро приедет погостить родственница из другого города. Но, по-моему, это нехорошая идея.

– Почему?

– Время такое. Сейчас люди не особенно ездят друг к другу в гости.

Здоровье Хиланы улучшалось. Затягивались раны, исчезали ссадины и синяки. Она уже могла вставать и ходить по своему убежищу, высчитывая пройденные шаги, но она все еще с криком просыпалась по ночам. Ей казалось, что к ней тянутся руки боевиков, а Вазир направляет на нее пистолет. Иногда ей в голову приходила мысль, что она не имеет права подвергать жизнь Кифы и ее близких опасности. За сокрытие христиан боевики жестоко наказывали и своих единоверцев. Несколько раз Хилана пыталась выбраться из своего подвала и убежать, но люк в потолке всегда был плотно закрыт.

Долгое время Хилана не знала, похоронены ли ее родители. Несколько раз спрашивала об этом у Кифы и Джераба, но они каждый раз уходили от ответа. Только через месяц признались, что церковь сожжена бойцами халифата. По всей видимости, вместе с телами убитых людей. Хилана тогда проплакала всю ночь.

Джераба и Кифу она видела нечасто. Они, как правило, сутками пропадали в клинике. Но иногда находили несколько минут, чтобы проверить ее состояние. Изредка с ними заходил и старший сын Маджид. А вот с Валидом она сдружилась и проводила с ним много времени. Ей нравился этот порывистый, всегда убежденный в своей правоте парень. Едва ли не с первого дня он начал убеждать ее в преимуществах ислама перед всеми другими религиями. У Хиланы не было ни сил, ни желания ему возражать. Она была согласна со своим духовным наставником, который говорил ей, что каждый верующий имеет право выбора. А уж Бог сам разберет, насколько этот выбор искренен и достоин ли человек спасения. Но говорить об этом Валиду было бесполезно. Он горячился, спорил, как правило, сам с собой, поскольку Хилана в эти споры не вступала. Но Валид

был настолько увлечен, что даже не замечал молчания девушки или принимал его за одобрение своей позиции.

– Конечно, – кипятился он, – в том, что с тобой случилось, ты обвиняешь мусульман...

– Я этого не говорила...

– ...но эти люди совершенно неправильно трактуют Коран. Так же, как те, кто убивал нас во время крестовых походов, неправильно трактовали вашу Библию. Ты же не будешь отрицать, что это было в истории?

– Не буду.

– Правильно. Потому что спорить бессмысленно. И если у вас были люди, извращающие вашу священную книгу, почему таких не может быть у нас? Что изменилось?

Хилана молчала. Ей совершенно не хотелось разговаривать, тем более обсуждать религиозные проблемы. Да она и не была готова к такому обсуждению. Все, что ей рассказывали в церкви о доброте, милости и всепрощении, было безжалостно уничтожено, залито кровью близких ей людей. Но даже там, в храме, во время неслыханного по своей жестокости убийства сотен ни в чем не повинных людей она ни разу мысленно не назвала убийц мусульманами.

Хилана выросла в мусульманской стране. С приятелями своего детства она посещала церкви и мечети, совершенно не задумываясь о разности вероисповеданий. Она и представить себе не могла, что ей может угрожать опасность только потому, что она христианка. Даже когда узнавала, что некоторые ее друзья и подруги примкнули к отрядам халифата, не могла в это поверить.

– Так что ты молчишь? – Валиду очень хотелось доказать свою правоту, хотя ее никто и не оспаривал. – Что изменилось с тех пор?

– Не знаю, – призналась Хилана. – Может быть, изменился мир... Люди... Столько лет прошло. Именем Христа уже несколько веков никто никого не убивает.

– А мы, по-твоему, остались теми же, что и тысячу лет назад?

– Я этого не говорила.

– Но подумала? – недоверчиво спросил Валид.

– Как я могла такое подумать о твоих маме и отце? Они спасают мою жизнь...

И ты тоже.

Прошло еще несколько недель. Воины т. н. Исламского государства все еще контролировали Хомс, хотя с разных сторон к нему подходили и правительственные войска, и отряды повстанцев. Город постоянно обстреливали из артиллерийских орудий. Жить в нем становилось все опаснее.

Джеерб и Кифа продолжали работать в больнице. Джеербу приходилось оперировать десятки раненных боевиков в день. Часто на его операционном столе оказывались пациенты, даже не говорящие на арабском, иногда с ярко выраженной европейской внешностью. Он понимал, что все они – обыкновенные наемные убийцы. Но сейчас они нуждались в его помощи. Стараясь не думать о том, что завтра они отберут жизнь у других, чаще всего совершенно невинных людей, он спасал их.

Однажды после четырнадцати часов непрерывных операций Джеерб решил съездить домой и немного передохнуть. Кифа оставалась на дежурстве в своем отделении. Он не успел отъехать и на километр от больницы, как его обогнала открытая машина с несколькими вооруженными людьми. Они махали ему руками, требуя остановиться. Джеерб прижался к обочине. Человек в униформе

с автоматом через плечо выпрыгнул из автомобиля, подбежал к нему, открыл пассажирскую дверь и тяжело плюхнулся на сиденье.

– Вы доктор Абдуллахи? – спросил он.

Джераб сразу понял, что привезли очередного раненного убийцу, и ему придется немедленно возвращаться.

– Какой вы догадливый, – устало сказал он, разворачивая машину.

Пациент, ожидавший его в операционной, не был ранен. Но его уже несколько дней мучили боли в животе, а сегодня они стали просто нестерпимыми. До приезда Джераба ему уже сделали анализ крови и рентгеновский снимок. После их изучения и нескольких минут пальпирования, доктор уже не сомневался в диагнозе.

– У вашего товарища острый аппендицит. Его может удалить любой хирург клиники. А я уже почти сутки простоял у стола. Так что желаю ему скорейшего выздоровления.

Он направился к выходу, но тот самый автоматчик, который ехал с ним в машине, преградил ему путь.

– И все-таки мы хотим, чтобы его оперировали именно вы, доктор. У вас мировая известность, громадный авторитет. К тому же, – он многозначительно посмотрел на Джераба, – красавица-жена и два прекрасных сына. Вам бы, конечно, не хотелось, чтобы с ними случилась беда? Да и нам, поверьте, тоже. Вы же знаете, мы не обижаем правоверных. Если они, конечно, не дают нам для этого повода.

Стоящие рядом трое бандитов явно наслаждались своей властью. Один из них, медленно поднося дуло своего автомата, направил его на Джераба.

– Поторопитесь, – сказал он. – Упаси Аллах вас и вашу семью, если наш командир не выздоровеет.

Джераб опустил голову. Ему было унижительно находиться в полной зависимости от этих тупых, самодовольных головорезов. Если бы Кифа и его сыновья находились в другой части страны, а еще лучше за границей, он бы бросился на бандитов с кулаками и умер, как подобает мужчине. Но его семья была здесь, целиком во власти тех, кто называл себя истинными мусульманами. Джераб почувствовал, как слезы отчаяния и бессилия застилают его глаза.

– Перестаньте, доктор. Мы только хотим, чтобы вы честно выполнили свой врачебный долг. Ничего больше.

Джераб увидел, как в другом конце длинного больничного коридора прошла Кифа. Повернулся к стоявшей неподалеку медсестре:

– Срочно готовьте больного.

Когда он вошел в операционную, двое боевиков проследовали за ним. Молоденькая медсестра попыталась преградить им дорогу:

– Вам сюда нельзя!

Ее грубо оттолкнули в сторону. Пациент, уже лежавший на операционном столе, усмехнулся.

– Мы постоим здесь, Вазир, – сказал один из бойцов. – Думаю, так тебе будет спокойнее.

– В данном случае важно, чтобы спокойнее было мне, – возразил Джераб. – Я не стану оперировать под дулами автоматов.

– Станете, доктор. Мы вам не помешаем. Тихо посидим в сторонке.

Джераб отошел от стола и демонстративно уселся на стул в дальнем углу операционной.

Автоматчик вопросительно взглянул на Вазира. Тот, немного подумав, кивнул

головой. Игиловцы неохотно покинули помещение. Уже в дверях один из них повернулся, угрожающе посмотрел на хирурга и дотронулся двумя пальцами до своего горла.

Джераб подошел к стенду и еще раз внимательно просмотрел рентгеновские снимки.

– Давайте анестезию, – сказал он.

С первого прокола стало ясно, что начался перитонит. Желтая слизь буквально вырвалась наружу. Несколько капель попали Джерабу на стекла очков. Опытный хирург сразу понял, что шансов на выживание у больного почти не было. Он сделал глубокий разрез. Брюшная полость была заполнена гноем. Непонятно, как в таком состоянии Вазир еще жив. Джерабу стало страшно. Он помнил угрозы бандитов и прекрасно понимал, что это не пустые слова. Смерть Вазира, несомненно, повлечет за собой расправу над его женой и детьми.

Он простоял у операционного стола девять часов. Иногда ему казалось, что вот-вот он потеряет сознание и упадет. Но позволить себе это было нельзя. Он спасал не только Вазира – спасал Кифу, своих сыновей.

Несколько раз сердце Вазира останавливалось. Джераб запускал его снова и снова, не переставая откачивать гнойную массу, заполнявшую внутренности главаря боевиков.

Через несколько часов в операционную ворвались обеспокоенные бандиты. Джерабу было все равно. Он знал, что медицина уже бессильна, и ему оставалось уповать только на чудо. Но остановиться не мог: знал, что пока операция продолжается, он продлевает жизнь своим родным. Если для этого пришлось бы оперировать вечность, он попытался бы это сделать. Силы покидали его. Пот заливал глаза. Руки начинали дрожать. Подкашивались ноги. Он попросил сестру измерить ему давление и пульс. Понял, что сам находится на грани сердечного приступа. Но продолжал упорно откачивать яд из внутренностей Вазира.

Наконец операция была закончена, наложен последний шов. Джераб без памяти свалился на холодный пол операционной.

В это самое время Валид спускался в подвал к Хилане, неся ей ужин. За несколько недель молодые люди успели хорошо узнать друг друга и подружиться. Поначалу Хилана старалась меньше разговаривать с Валидом и боялась вступать с ним в споры, на которые он ее провоцировал. Но постепенно сумела разглядеть доброту за его внешней грубоватостью и неглупые суждения за видимой простотой. С каждым днем их взаимный интерес рос. Визиты Валида в подвал становились продолжительнее. Он много и интересно рассказывал ей об исламе, проводя интересные параллели между законами шариата и историческими фактами. Особенно напирал на то, что если Коран – самая молодая из религиозных книг, то, значит, и самая прогрессивная. Хилана не всегда была согласна с его выводами, но не считала возможным возражать. Ей нравилось его слушать, когда он начинал горячиться.

Он был старше ее на два года, и однажды Хилана подумала, что очень хотела бы иметь такого старшего брата. Она бы рассказывала ему многое, чем не могла поделиться с родителями, и послушно следовала бы его советам.

Джераб и Кифа были постоянно заняты в клинике. Маджид тоже уезжал с ними, подрабатывал санитаром. Все заботы о девушке легли на плечи Валида. Хилана принимала эту заботу с благодарностью. Хотя и очень стеснялась, когда Валид выпускал ее из подвала в туалет или ванную комнату.

Они разговаривали о будущем. Думали, как будут жить, когда война

закончится. Хилана вспоминала своих родителей и плакала.

– Вот нет у вас, христиан, истинной веры, – упрекал ее Валид. – Ты сама не веришь, что твои родители сейчас в раю и им там очень хорошо.

– Верю, – всхлипывала Хилана, – только очень по ним скучаю.

Валид не стал огорчать девушку, зная, что только души правоверных окажутся на небесах. А души христиан ждет участь пострашнее самых закоренелых грешников. Он понимал, что девушке и так нелегко. Так зачем рассказывать ей о страшных мучениях, уготованных ее родителям?

Но и сам он был поставлен Аллахом перед тяжелым испытанием. Его влекло к Хилане. Каждое утро, едва проснувшись, он приводил себя в порядок и бежал в подвал. Благо, поводов было множество. Девушка постоянно нуждалась в его заботе. Ее нужно было кормить, поить, выводить на прогулки по дому. Он не понимал, что с ним происходит. Допустить, что он, истинный правоверный, влюбился в христианку, было невозможно. Но с каждым днем Валид стремился проводить с девушкой все больше и больше времени. Всякий раз, спускаясь к ней, он цеплялся за любую причину, чтобы задержаться. А едва выбравшись из подвала, искал повод вернуться.

Он не знал, как быть. И на всем свете не было ни одного человека, который бы мог ему помочь. Даже папа с мамой. Даже Маджид. Хилана была не только иноверкой. Согласно шариату, она была нечистой, опозоренной. Из разговоров родителей он знал, что ей пришлось пережить. И для него, истинного мусульманина, не имело значения, что это происходило не по ее воле.

Долгими бессонными ночами Валид спрашивал Аллаха, за какие грехи тот внушил ему любовь к этой женщине. И не получал ответа. Он уже было решился спросить совета у имама, но вовремя одумался: малейшее подозрение могло поставить под угрозу не только Хилану, но и его семью.

Однажды Валид долго размышлял над подносом с обедом для Хиланы, имеет ли он право ухаживать за ней, предлагать ей еду и питье. Но убедил себя, что Аллах милостив, и поспешил в подвал. Хилана сидела на раскладушке, ожидая его.

– Ты сегодня задержался, – сказала она.

– Проголодалась? – спросил Валид.

– Немножко, – смутилась Хилана. – А еще... чуть-чуть соскучилась...

* * *

Десять дней находился Вазир между жизнью и смертью. Джераб знал, что сделал все возможное для его спасения. Он по нескольку раз в день требовал проверять состояние его крови. Иногда казалось, что кризис миновал и что за жизнь своей семьи можно больше не беспокоиться. Но вскоре наступало ухудшение, и надежда безжалостно изгонялась холодным, безмолвным отчаянием.

Боевики с автоматами дежурили у палаты Вазира круглосуточно. Каждый раз, проходя мимо, Джераб наталкивался на их грозные взгляды.

– Он не умрет, правда, доктор? Вы ведь любите свою жену и детей?

Кифа знала, что у мужа очень тяжелый больной – один из лидеров боевиков, но не догадывалась, что от его выздоровления зависит ее собственная жизнь и жизнь их сыновей. Джераб несколько раз пытался уговорить жену немедленно забрать мальчиков и уехать из города, но она даже слышать об этом не хотела.

– Я останусь с тобой в любом случае.

– Давай хоть ребят отправим в другое место.

– Куда мы их отправим? – спрашивала Кифа.

– Попытаемся вывезти в Европу. Посмотри, сколько людей там уже обосновалось. У меня много друзей в самых разных странах. Помогут им на первых порах.

– Об этом нужно было думать раньше.

– Раньше не было войны.

Когда состояние Вазира, наконец, стабилизировалось, доктор решил на всякий случай еще несколько дней подержать его в больнице. Но тот неожиданно воспротивился.

– Мне необходимо быть в отряде. Я и так у вас тут залежался. Вы уверены, что мне больше ничего не угрожает?

– Вам угрожает очень многое, – ответил Джераб. – Идет война...

– Перестаньте умничать, доктор, – прервал его Вазир, – меня этому в университете тоже учили. Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

– И я... то же самое. Вам нужны строгая диета, ограничение физических нагрузок, режим. Необходимо соблюдать все правила гигиены, чтобы избежать повторного загноения... Вам смогут все это обеспечить?

– Нет, не смогут. Но ради нашей общей борьбы я готов рискнуть.

– Рискуйте, – согласился Джераб. – Только помните, что я вас предупреждал. И что достаточно много для вас сделал.

– Я знаю... и постараюсь не забыть, – он обернулся на своих бойцов, стоявших чуть в стороне, помахал им рукой. – Мне говорили, что вам угрожали. Простите их великодушно, перестарались ребята. Вы же знаете, мы своих не преследуем. А вы уже спасли много наших, доказали свою преданность. Поэтому с полной ответственностью заявляю, что реально вам и вашей семье ничего не угрожало. Можем заплатить за моральные издержки.

– Не нужно.

– Как хотите. Будем считать, что Аллах именно вас сделал орудием моего чудесного спасения. – Он приобнял Джераба за плечи, притянул к себе. – До свидания, брат! Береги себя.

* * *

Хилана очень боялась, что влюбилась. Чувство было новое, никогда раньше не испытанное. Но она изучала Библию, а там о любви говорилось очень много. Адам и Ева, наверное, любили друг друга, поэтому у них родились дети. Да и другие библейские герои... Царь Давид, например, так влюбился в Вирсавию, что даже мужа ее на войну отправил. Поступок, конечно, не самый красивый, но зато на свет появился такой великий человек, как Соломон. Мама не разрешала ей читать Песнь Песней, но Хилана тайком открывала запретные страницы и, краснея, перелистывала их.

Девушка знала, что никакого будущего с Валидом у нее быть не может. И не только из-за разности вероисповеданий. После того, что с ней произошло, ни один мужчина не захочет к ней даже прикоснуться. Тем более такой чистый и горячий, как Валид. Но по каким-то, едва уловимым признакам она угадывала, что юноша тоже ищет свои пути в отношениях с ней, хотя поощрить не смела его даже взглядом или намеком.

Спасаясь от своего чувства, она несколько раз просила Джераба и Кифу отпустить ее к родственникам в Дамаск. Те под разными предлогами отказывали. Сначала говорили, что Хилана еще очень слаба для такого путешествия. Потом уверяли, что дорога сейчас особенно тревожна. Наконец, однажды Джераб вернулся домой с работы и сообщил девушке, что один из его друзей завтра

утром собирается на машине в столицу и согласился взять ее с собой.

– Только я бы хотел попросить тебя, чтобы ты оставила у нас свой крестик, – нерешительно добавил он. – Он может оказаться опасным попутчиком. Обещаю, что мы его сохраним до конца войны. А когда снова встретимся, передадим его тебе. Согласна?

Хилана кивнула головой, не зная, радоваться ей или тосковать. Она не могла больше рисковать жизнями спасших ее людей, хотела убежать от нахлынувшей любви к Валиду, но в то же время понимала, что больше никогда его не увидит.

– Я вам так за все благодарна, – тихо сказала она. – Можно я вас перекрещу?

– Конечно, милая, если тебе так хочется, – сказала Кифа.

Хилана сняла с шеи распятие, направила его на Джераба и Кифу и нарисовала в воздухе крест.

– Вот, – улыбнулась она, – теперь я буду за вас спокойна.

Поцеловав распятие, она передала его Джерабу:

– Сохраните, пожалуйста.

– Непременно. У меня к тебе будет еще одна просьба. Вечером тебе придется тихонько посидеть у себя в подвале. Я недавно оперировал одного бандита, и он решил меня как-то отблагодарить. Они хотят заехать сегодня. Сначала я отказывался, но потом побоялся навлечь подозрение. Надеюсь, что это будет твоим последним испытанием. Завтра утром ты уедешь и будешь в безопасности.

Хилана спустилась в свой подвал. Она ждала Валида. Верила, что он придет, как только услышит о скором ее отъезде. Девушка уже отчетливо понимала, что безнадежно влюблена и что будущего у ее любви нет. Ей трудно было даже представить себе, что еще совсем недавно она просто не знала о существовании Валида. Казалось, что он был рядом всегда, хотя бы в ее мечтах. Девушка не знала, о чем они будут говорить, но это было и неважно. Главное, чтобы он пришел. Ей так хотелось увидеть его хотя бы еще один раз в жизни. Хилана вдруг подумала, что мама, может быть, и не возражала бы, если б она перешла в другую веру ради своей любви. Но после того, что с ней произошло, это не имело никакого смысла. Валид никогда не смог бы этого забыть.

Он появился довольно скоро. Растерянно остановился посередине подвала, не зная, что сказать. Хилана подошла к нему и взяла за руки. Валид низко опустил голову. Они были такими юными и такими изуродованными этой бесчеловечной войной! Хилана не отрывала глаз от своего любимого, пытаясь навечно сохранить в памяти каждую черточку его лица. Валид по-прежнему не решался поднять на нее взгляд. Но Хилана видела, как по его лицу текут слезы.

Через несколько минут он молча высвободил свои руки из ее горячих ладоней, тяжело поднялся по ступеням и прикрыл за собой люк.

Вазир с тремя друзьями появились в доме Джераба под вечер. Боевики начали выгружать из багажника пакеты с продуктами. Вазир подошел к хозяину дома.

– Не решились обременять вас, доктор, – сказал он. – Времена сейчас трудные. Поэтому привезли с собой все, что можно поставить на стол. Надеюсь, вас не очень интересует, где мы это добыли.

Он весело рассмеялся.

– Я рад, что имею возможность побаловать вас и ваших близких забытыми деликатесами. Хоть так выразить свою глубокую признательность.

У Джераба внутри все кипело, но ради своей семьи он старался держать себя в руках.

– Проходите в дом, – сказал он, – располагайтесь.

– Спасибо, доктор. Вижу, что наш визит почему-то заставляет вас нервничать. Сразу хочу сказать, что за ним ничего не стоит, кроме желания поблагодарить вас за мою спасенную жизнь.

Он подал знак своим товаришам. Те принялись расставлять еду на столе.

– Конечно, не мужское это дело – накрывать на стол, – опять засмеялся Вазир, – но сделаем исключение ввиду военного времени. Хотя я слышал о красоте вашей жены. Она дома?

– Да, – ответил Джераб, – у себя в комнате. Не стоит женщине сидеть за одним столом с мужчинами... Особенно в военное время.

– Приятно видеть, что вы не теряете чувство юмора, которым славились с юности.

– Что вы имеете в виду?

Вазир внимательно, с улыбкой смотрел на Джераба. Пауза затягивалась. Хирургу становилось не по себе.

– Ладно, доктор, – наконец разрядил обстановку Вазир, – не буду вас экзаменовать. В конце концов, вы мировая знаменитость и не обязаны помнить всех приятелей своей юности. Я учился на юридическом в университете в Дамаске, где вы постигали тайны медицины. А в свободное от занятий время мы с вами играли в футбол за наш родной университет. И, как вы, надеюсь, помните, небезуспешно. Ну, отбросьте лет двадцать, мысленно сбейте с меня бороду и вспомните тот великолепный гол, который вы забили в финале Универсиады. А кто вам тогда сделал подачу?

Джераб озадаченно смотрел на гостя. Сначала его лицо выражало полное непонимание. Слишком уж не вязался образ командира боевиков с его приятелями по университету и партнерами по футбольной команде. Но после минутного замешательства что-то знакомое промелькнуло в чертах его гостя.

– Вазир? – тихо спросил доктор.

– Узнал все-таки старого приятеля, – рассмеялся Вазир. – А я-то все думал, как тебе напомнить.

Он сделал пару шагов и приобнял Джераба за плечи:

– Неужели так сильно изменился?

– Двадцать лет прошло... – неопределенно сказал Джераб.

– Уточним – двадцать один. Мы в девяносто четвертом заканчивали.

– У меня было еще несколько лет медицинской интернатуры. Там же, в университете.

– А я сразу после выпуска уехал в Дамаск. Пригласили юристом в одну крупную компанию. Там все эти годы и строил себе карьеру. Дослужился до министерского советника.

– А потом?

– Потом началась вся эта заваруха. Нужно было делать свою ставку.

– Что значит – делать ставку? – не понял Джераб.

Вазир недоуменно развел руки.

– Даже не знаю, как тебе объяснить, если сам не понимаешь. Впрочем, ты у нас всегда был идеалистом. За это тебя, кстати, все и любили.

– Допустим, не все.

– Перестань скромничать. Отличник, атлет, гордость университета. Преданные друзья, забавные подружки и, наконец, венец творения – прекрасная Кифа. Мы ее увидим сегодня?

– Она не очень хорошо себя чувствует.

– Надеюсь, ей станет получше. У вас, я слышал, два сына. Уверен, такие же красавцы и умники, как их родители. Сколько им?

– Одному двадцать один, младшему – восемнадцать. А у тебя сколько детей?

Вазир внезапно помрачнел. Обернулся к своим бойцам. Те продолжали возиться около стола.

– Заканчивайте, ребята, – сказал он. – Возьмите себе еду и идите на кухню. Боевики суетливо засобирались.

– Я покажу вам, куда идти, – вызвался Джераб.

– Сами разберутся, – возразил Вазир. – У тебя здесь не президентский дворец.

– Давай хоть мальчиков позову, они им помогут.

– Не волнуйся за них. Эти пройдохи всегда найдут единственно верную дорогу. Правда, друзья мои?

Боевики услужливо заулыбались и вышли из комнаты. Вазир мрачно смотрел им вслед.

– Какое беспрекословное повиновение, – после достаточно долгой паузы заметил Джераб.

– Точно, – согласился Вазир. – Как на манеже. Факир играет на дудочке, и кобра пляшет перед ним в бессильной злобе.

– Почему в бессильной? – удивился Джераб.

– Вынуждена кривляться по его правилам за миску молока, – пояснил Вазир. – А то давно бы показала этому болвану, кто в цирке хозяин. Правда, зубы ей давно вырвали.

– А этим?

– Этим – пока нет. Вопрос ближайшего будущего. А пока приходится все чаще наполнять миску.

– И долго вы собираетесь этим заниматься?

Вазир невесело усмехнулся:

– Как обычно. Пока не представится приятная возможность объявить рай в какой-нибудь отдельно взятой части света.

– А потом?

Вазир изумленно уставился на хирурга. Но затем выражение его лица постепенно изменилось, и он расхохотался в полный голос.

– Все шутишь? Не прикидывайся, Джераб! Ты же все прекрасно понимаешь. Мы с тобой так много говорили в свое время и о русских, и о Кастро. Кто там еще боролся за построение светлого будущего? Ничего в этом мире не меняется. Одни обещают вечное счастье, другие за него умирают. Самое главное, чтобы потом первые не забыли разоружить вторых и пожить в свое удовольствие.

Он подошел к столу и достал из пакета бутылку виски.

– Где у тебя рюмки?

Джераб подошел к серванту, взял с полки один стакан, протянул его Вазиру.

– Неужели ты мне сейчас скажешь, что не пьешь, исполняя волю Пророка? – спросил Вазир.

– Я не пью, исполняя волю Пророка, – подтвердил Джераб.

– Помнится, в молодые годы тебя его воля не особо смущала. Сможем посчитать, сколько мы с тобой тогда нагрешили? Вот уж не думал, что доктор-материалист изменит своим принципам.

Джераб молча смотрел на старого друга. Он вдруг отчетливо вспомнил, как много лет назад они в сумерках бродили по древней Пальмире, восхищаясь красотой и строгостью сохранившихся памятников. Как мечтали, что когда-нибудь все это великолепии будет восстановлено, и они привезут в этот

прекрасный город своих детей. Он вспомнил, как потом они встретили двух девушек-туристок из Германии, и Вазир шутил с ними, рассказывая, что его родной дядя, будучи бесправным рабом, вынужден почти сутками шлифовать эти колонны. И если он будет лениться, то Вазира за его лень тоже отдадут в рабство. Девушки верили и угощали их немецким шнапсом. А потом они нашли какую-то дешевую гостиницу...

– Моему старшему сыну было два годика, когда он заболел. Мы с Кифой тогда были молодыми докторами, но уже понимали, что надежды нет. Наши коллеги отводили глаза, старались незаметно пройти мимо. И я пошел в мечеть. Совершенно не знал, как нужно молиться. Просто встал на колени и начал говорить о сыне, о Кифе... Рассказал о своих грехах, пообещал, что постараюсь больше их не множить. Неожиданно в мечети появилась маленькая птичка. Она порхала надо мной, а потом вдруг вылетела наружу. Я вышел следом. Она меня ждала и повела в больницу. Когда я зашел в палату, Кифа сказала, что наш мальчик задышал и заулыбался. Через два дня мы все были дома. Еще через год родился Валид. С тех пор я не пропустил ни одной молитвы.

Джераб замолчал. Вазир в это время наливал в стакан виски.

– А мой сын прожил всего двадцать минут. Жена – на два часа дольше. – Он отпил из стакана. – Так что я ему ничем не обязан.

– Тогда почему ты с ними?

– Уж во всяком случае не потому, что надеюсь получить в потустороннем будущем кучу неумелых девственниц. Здесь уже осточертели. Джераб, ну тебе ли я должен повторять, что все эти сказки про будущий земной рай – такая же мура, как коммунизм, культурная революция или третий рейх. Хотят они за них умирать – пусть себе умирают. Тебе есть до них дело?

– Они ведь не только умирают. Они ведь еще и убивают.

Вазир сделал большой глоток виски. Посмотрел на пустой стакан. Налил себе еще.

– Издержки, – сказал он. – Когда на кону бабло и власть, без них, увы, не обойтись. Как бы нам этого ни хотелось.

– А вам хочется?

– По-разному бывает. Иногда вдруг станет жалко какую-нибудь маленькую жертву большой заварухи. Но гонишь от себя эти дурацкие мыслишки. Потому что вон те ребята, – он кивнул в сторону двери, за которой скрылись его боевики, – сразу почувствуют твою слабинку и вопьются тебе в глотку. Мы же с тобой сами в юности балдели, помнишь, «Акела промахнулся!..»? И все... Нет больше Акелы... Так что, Джераб, ничего личного, обыкновенная жестокая игра на выживание. Думаешь, мало кто из них хочет на мое место?

– Не думаю.

– Потому что умный, – Вазир снова отпил из стакана. – Я все же хотел бы увидеть Кифу. Интересно, узнает она меня?

– Не нужно тебе ее видеть.

– Почему? – пьяно обиделся Вазир.

– Она думает, что ты сделал большую карьеру в политических или научных кругах. Не стоит ее разочаровывать.

– А я сделал большую карьеру на войне. Понимаешь, Джераб? Ради этого я был готов не только умереть, но и убивать. Много и часто. Ты не представляешь, насколько это тяжелее. – Он снова выпил. – Но так было нужно. Кому-то достаточно одного убить, чтобы войти в историю. Вот Понтию Пилату, например... Другим приходилось косить легионы, как Робеспьеру... И ничего.

История его как бы даже и оправдала.

– Ты в историю хочешь?

– Перестань, – поморщился Вазир. – Я человек скромный. Мне вполне достаточно теплого местечка в каком-нибудь правительстве.

– И что ты там будешь делать?

– Привыкать. К теплу. Меня же в конце ждет весьма жаркое помещение, если вам верить.

– Кому – «вам»? – не понял Джераб.

– Вам! Которые называют себя истинными миролюбивыми мусульманами. Я с такими тоже разбирался.

– Они-то тебе что плохого сделали?

– Да не мне, Джераб, не мне. Идеи. Если мы говорим, что люди должны убивать по воле Аллаха, значит, так и должно быть. А эти гуманисты орут во весь голос о его доброте и веротерпимости. Ломают нам планы, путают карты.

– А тебе бы хотелось рубить головы чистыми руками.

– Мне бы вообще не хотелось, правда, Джераб. Отдайте нам то, что полагается, не лезьте в наши дела, и мы тихонько займемся построением своего мира.

– Как Пол Пот, например?

– Вам-то какое дело?

– Это моя земля в такой же мере, как и твоя, Вазир.

– Ты готов за нее убивать? Или хотя бы умереть? – Джераб опустил глаза. – То-то и оно. А куски мяса и женщины достаются тем, кто готов и на то, и на другое. – Он продолжал пить виски. – Вон моим ребятам, например.

– Под твоим чутким руководством.

– Не будь наивным, Джераб. В такие исторические моменты всегда находились мудрые руководители. И не только у нас. Пилоты по своей охоте бомбы не сбрасывают.

– Может быть, конечные цели разные?

– Конечная цель всегда одна. Я тебе сегодня ее уже озвучил. Могу повторить: власть и деньги. Разница в масштабах. Одни хотят получить власть над миром, другим достаточно стянуть побрякушку с шеи убитой христианки.

– А тебе?

– Я где-то посередине, – Вазир налил себе спиртного. – Хватит об этом, Джераб. Я ведь действительно пришел, чтобы только увидеть и поблагодарить тебя.

Джераб молчал, опустив глаза. Вазир долго с мрачной улыбкой рассматривал бывшего друга.

– Ты никогда не умел скрывать своих чувств, – наконец сказал он. – Весь твой вид сейчас говорит, что ты прирезал бы меня на своем столе, даже если бы узнал. Мое счастье, что ребята тебя вовремя предупредили. – Он поднялся со своего места и подошел вплотную к Джерабу. Долго в упор смотрел на него. – А знаешь, я на тебя не в обиде.

– Почему? – тихо спросил доктор.

– Потому что ты искренен. И в своих заблуждениях тоже. Ты ведь совершенно уверен, что мы варвары, а дети в Ираке гибнут под бомбами ради высших гуманистических соображений.

– Я так не думаю.

– Думаешь, – отмахнулся Вазир. – Насмотрелся я на таких, как ты. Продавали диваны перед западными телеканалами и размечтались, придурки, о всеобщей

мировой гармонии. – Он снова выпил. – Только вы, ребята, понять не хотите, что ради этой вашей иллюзии тоже придется полшарика обезглавить. А то девственниц на всех не хватит.

– Твои головорезы расхватывают.

– А что? Не заслужили? Иди попробуй встать на их место. Сделай хоть часть черной работы. И при этом прослыви подлым убийцей, а не борцом за всеобщее счастье.

– Не ври, Вазир! Ты прекрасно знаешь цену своим солдатам. Не черную работу они делают, а удовольствие получают. И ты это понимаешь не хуже меня. Если вы и добьетесь чего-нибудь, то потом начнете с таким же упоением резать друг друга.

– Возможно, – согласился Вазир, – я тебе даже могу примерно сказать, кто нам даст для этого оружие.

– Мне не интересно.

– Да? А почему?

– Потому что я не ишу теплого местечка ни в одном будущем правительстве. В отличие от тебя, Вазир. А если бы даже и искал, то пошел совсем другой дорогой и с другой целью.

– И уткнулся бы в глухую стену.

– Мне даже страшно подумать, в какую стену упруешься ты. Коран давно держал в руках последний раз?

– Ограничиваюсь проповедями.

– Уверен, что можешь доверять тем, кто тебе их читает?

Вазир пьяно смотрел на своего приятеля. Джераб спокойно ждал ответа.

– Меня они вполне устраивают.

Внезапно дверь открылась и в нее ворвался один из боевиков. Он тоже был изрядно пьян.

– Вазир, мы тут тебе маленький сюрприз подготовили, – торжественно объявил он. – Надеемся, что вполне можем рассчитывать на награду.

– Что у вас еще? – мрачно спросил главарь.

– Представляешь, бродили по дому и увидели какую-то дверь в подпол. Ну, заинтересовались... Попросили мальчиков открыть. А они как-то подозрительно засмушались. Хасан тогда прикладом замок сбил. Никогда не догадаешься, кого мы там нашли.

– Неужели Башара Асада?

– А вот ты у него спроси, – боевик кивнул на Джераба, – кого он от нас прячет в подвале.

– Джераб, кого ты от нас прячешь в подвале?

– Это дальняя родственница Кифы. Она не в своем уме. Все время пытается убежать. Приходится держать ее взаперти.

– Насмешил, костоправ... Дальняя родственница. Вазир, приготовься к приятному сюрпризу. Думаю, будет у нас сегодня потеха. Давайте ее сюда, ребята.

Двое бандитов, крепко держа Хилану за руки, ввели ее в комнату. Следом вошли Маджид с Валидом.

– А-а, бегунья, – беззлобно узнал Вазир. – Представить не мог, что мы с тобой еще увидимся. Тем более на этом свете. – Он повернулся к Джерабу. – Так ты уверяешь нас, что это родственница Кифы?

Джераб молчал.

– Приведи сюда маму, мальчик, – приказал Вазир Маджиду. – Да побыстрее.

Маджид вышел из комнаты. Вазир оставался задумчивым и безучастным.

– Что будем с ней делать, командир? – похабно улыбнулся один из автоматчиков.

Вазир не отвечал. Он смотрел на Хилану и не понимал, как ей удалось спастись. В голову ему пришла суеверная мысль, что только всемогущая сила могла удержать эту девушку на земле после той кошмарной ночи в церкви. Вазиру стало страшно. Впервые за много лет. Он вдруг почувствовал, что руки его дрожат и покрываются потом. Он подошел к столу, налил себе полный стакан спиртного и выпил. Легче не стало. Он постарался взять себя в руки, увидев, что Маджид вернулся в комнату вместе с матерью.

– Здравствуй, Кифа! – сказал Вазир.

– Здравствуй, Вазир! – казалось, что Кифа совершенно не была удивлена неожиданной встрече.

– Узнала... Приятно... Не скажешь нам, кто эта девушка?

– Это юная христианка, которую мы прятали от вас в своем доме.

– Зачем?

– Ты всегда был подловатым, Вазир, но никогда не был идиотом. Что за вопрос – зачем? Только для того, чтобы вы ее не убили. Этого мало?

– И ты не боялась, что из-за этой прихоти могут пострадать и твои дети?

– Прихоти? Ты называешь это прихотью? Спасти жизнь шестнадцатилетней девочки, которую вы обрекли на позор и муку, ты считаешь прихотью?

Вазир молча разглядывал Кифу, думая, что она так же прекрасна, как и двадцать лет назад.

– Ты почти не удивилась, увидев меня, – вдруг сказал он по-английски. – Почему?

– Всегда знала, что ты будешь где-нибудь среди вот этих, – Кифа кивнула на боевиков.

– Перестаньте разговаривать на варварском языке! – возмутился один из боевиков. – Вазир, почему ты ей это позволяешь?

– Точно, Вазир, – поддержал его товарищ, – давай их за это накажем.

– Выйдите отсюда, – сказал Вазир.

– Что? – не поняли бандиты.

– Я сказал – пошли вон отсюда!

Солдаты замялись.

– Хорошо, Вазир, как скажешь, – угрожающе произнес один из них. – Мы выйдем. Надеемся, ты не собираешься оставлять без наказания эту неверную и этих предателей.

Они нехотя начали выходить из комнаты.

– Подождите, – остановил их Вазир. Бандиты остановились. – Выгоните из домов соседей и ждите на улице.

– Совсем другое дело, командир, – заулыбались боевики. – Значит, все-таки будет потеха?

Боевики вышли на улицу. Через несколько мгновений оттуда раздались крики и одиночные выстрелы.

Вазир пьяно рассматривал стоявших перед ним людей.

– Что вы наделали? – сказал он. – Что же вы наделали?

Он достал пистолет. Направил его на Кифу.

– Самое лучшее, что я мог бы сейчас сделать – это перестрелять вас прямо здесь.

– Отпусти моих детей, Вазир, – сказала Кифа, – они понятия не имели о том,

что мы делали.

– Попробуй объяснить это вон тем ребятам, – он снова поднял пистолет. – Выходите на улицу. И без фокусов.

– Подожди...

Кифа подошла к Хилане, достала из кармана золотую цепочку, надела ее девушке на шею:

– Так тебе будет легче.

Они вышли из дома. Улица уже была заполнена соседями. Друзья Вазира стояли чуть в стороне с автоматами на изготовку. Главарь указал обреченным на стену одного из домов.

– Встаньте там.

Боевики с автоматами подошли поближе.

– Вазир, может, женщин все же оставим? Ненадолго...

Вазир не обратил внимания на его слова.

– В чем провинились эти люди? – крикнул кто-то из толпы.

– Мы знаем их много лет! Они настоящие правоверные! Доктор спасал наших детей!

Улица загудела. Вазир сделал знак. В небо улетела длинная автоматная очередь. Люди испуганно замолчали.

– Вы все были предупреждены, – начал Вазир, – что прятать в своих домах христиан – тягчайшее преступление. И все знали, какое наказание за этим последует. В том числе и эти ваши соседи. А теперь скажите мне, что я делаю вопреки закону и воле Аллаха. Ну? Кто-нибудь еще хочет вступиться за предателей нашей священной веры?

Соседи, опустив глаза, жались к стенам своих домов.

– Дай уйти моим детям, палач, – снова потребовала Кифа. – Они совершенно безвинны.

Вазир обернулся к своим боевикам. Те лишь равнодушно качали головами. Было очевидно, что им просто очень хочется убивать. Все равно кого. И чем больше, тем лучше.

– Отпустить просишь? А как я могу быть уверен, что завтра они не поднимут оружие против нас? – он посмотрел на Валида. – Вот ты сможешь это доказать?

Вазир подошел вплотную к юноше. Долго смотрел ему в глаза. Потом достал пистолет, взял его за дуло и рукояткой протянул Валиду.

– Убей неверную. И я отпущу всю вашу семью.

Валид задрожал. Почувствовал, что теряет сознание. В поисках поддержки он повернулся к отцу. Увидел, что в глазах у него стояли слезы.

– Не делай этого, сынок, – тихо сказал Джераб.

– Я буду считать до десяти. Если на счете десять эта христианка все еще будет жива, то вы полетите к ее богу вместе с ней... Один!..

– Я не смогу!

– Два!..

Руки Валида тряслись. Пистолет был готов в любую секунду вывалиться из его рук.

– Три!.. Четыре!..

– Валид, делай, что он приказывает, – сказала Хилана. – Мне все равно уже не жить. Спасайтесь! Я вас люблю!

– Пять!.. Шесть!..

Валид посмотрел на Кифу. Невыразимая мука стояла в глазах этой прекрасной женщины. Но она нашла в себе силы отрицательно покачать головой.

– Семь!.. – кричал Вазир.

Боевики подняли автоматы. Жить всем этим людям оставалось считанные секунды.

– Стреляй! – кричала Хилана.

– Я не могу этого сделать... – рыдал Валид.

– Восемь!.. Девять!..

Глаза Хиланы затуманились. Сделав шаг вперед, она схватила руку своего любимого, поднесла ее к своей груди и нажала на курок.

– Хилана!!! – закричал Валид.

Но этого она уже не слышала. Золотое распятие, возвращенное ей Кифой, легко и радостно вознесло ее высоко-высоко над землей. Она поднималась туда, откуда ей было видно все то, что Бог до поры до времени от людей скрывает. Хилана видела, как прошло несколько лет, и мама с доброй, чуть грустной улыбкой благословила ее любовь к Валиду. А папа сначала нервно курил в стороне, а потом тоже улыбнулся и согласился на свадьбу. И самая лучшая подруга на свете, Жармин, ввела ее в новую семью. А Хилана, перейдя в другую веру, подарила ей свой золотой крестик. И Валид был нежен, заботлив и внимателен. «Да лобзает он меня лобзанием ласк своих. Ибо ласки твои лучше вина». И у них родились дети. Пятеро. Первой была девочка. Они с Кифой знали это заранее, но Валиду решили пока не говорить. Он так хотел сына! Но все равно был счастлив. Тем более что следующие четверо были мальчишки. И все они выросли добрыми, честными и очень талантливыми людьми. А потом у них родились свои дети. Когда Хилане исполнилось пятьдесят лет, за столом сидели человек тридцать. И еще с десятков маленьких детишек носились по комнатам. И промчалась еще четверть века. Со всех концов земли слетелись дети, внуки и правнуки на юбилей бабушки Хиланы. Она уже не могла запомнить имена всех, но знала, что вон тот внук женился, кажется, на японке... Или китайке? Да это и неважно. А вон та вроде бы только что прилетела с международного медицинского конгресса. Вот сейчас Кифа на небесах радуется! Пожить бы ей еще хоть немного, чтобы узнать, как у них все сложится. И дожила Хилана до своего столетнего юбилея. И сохранил Бог на земле всех пятерых ее детей, и двадцать пять внуков, и сто двадцать пять правнуков. И были среди них аж целых три нобелевских лауреата, четыре знаменитых кинорежиссера, восемь всемирно известных писателей и сто докторов и адвокатов. Жили они в самых разных странах. И дети их были самых разных национальностей. И молились разным богам. Но всех их объединяла она – бабушка Хилана. Как жалко, что Валид умер три года назад, как раз на следующий день после своего столетия. Вот бы и ей так же. И Бог услышал ее молитвы. Он забрал ее к себе, когда в доме были все ее потомки, слетевшиеся на день рождения. Они похоронили ее на мусульманском кладбище, как она и просила. И долго-долго сидели за столом, вспоминая и рассказывая друг другу легенды о ее жизни. Но Хилана была уже далеко. Она оказалась на такой высоте, откуда была видна лишь маленькая улочка провинциального сирийского городка, расходящиеся по домам соседи, автоматчики, уезжающие на полувоенном джипе, и четыре человека, застывшие над неподвижным худеньким телом шестнадцатилетней девочки.

возвращение к читателю

17 января исполнился год с тех пор, как ушла из жизни Раиса Николаевна Крапаней – поэт, блогер, покровитель, популяризатор литераторов и представителей изобразительного искусства, многим из которых она помогла сделать творческий старт. Раиса Николаевна неустанно искала таланты и открывала их обществу. До последних дней она писала стихи, стараясь поделиться тем, что происходит в ее душе. Раиса Николаевна Крапаней была членом общественного совета «Звезды Востока», оказывая неоценимую помощь в подборе материалов для рубрики «Новые имена». Публикуемая подборка стихотворений, а также подготовленный (в том числе и членами редколлегии) сборник последних ее стихов «Все помню... и благодарю» – дань памяти замечательному, редкой души человеку и тонкому, трепетному поэту – философу и лирику.

Раиса КРАПАНЕЙ

Все помню... и благодарю

Вдруг понимаешь...

Когда надежды рвется круг,
Сгибаешься от боли,
Когда оставит верный друг
В лишенной сна неволе.

Когда, доверившись судьбе,
Ждешь – вырастают крылья!..
Вдруг понимаешь: по тебе
Жизнь плачет от бессилья.

Дожди лупили вперехлест
И превращались в льдинки.
Переплелись наперекрест
Морщины и моршинки.

Поверь, от жизни не ждала
Ни чуда, ни знаменья.
Даруй мне капельку тепла
Великого смиренья.

Раиса КРАПАНЕЙ (1951 – 2021) окончила Ташкентское медицинское училище им. П. Ф. Боровского. Поэт, автор и ведущая веб-блога «Живопись и поэзия». Стихи и статьи публиковала в периодике Узбекистана. Автор книги стихов «Чувалачи» (Ташкент, 2018).

* * *

Рассвет очерчивает рамы,
И дождь, как ранний гость, стучится.
Весна зализывает раны –
Печалей зимних вереницу.

А может, без раздумья надо
В лад с зазвеневшею капелью
Пропеть негромкую руладу,
Раскрасить небо акварелью?

Попрыгать с дождиком по лужам,
По звонкой радуге промчатся
И быть кому-то очень нужным –
И никогда не расставаться?

Скорая помощь

Шепот испуганный: скоро ли скорая?..
Едет машина, с сиреной которая.
В мятых халатах, лица уставшие,
Все круги ада и жизни выдавшие.

Кто вы и что вы? Пришельцы из космоса?
Маски, шприцы, кардиограф с присосками...
Жгучий укол – и миг облегчения.
Скорая помощь – Служба Спасения.

* * *

В утомленных желаньями снах
Кружит разумом изгнанный ветер.
Там в сиренево-белых садах
Плачет пьяный туман на рассвете.

В грустном чуде меня не ищи,
Ночь – приют оправданий напрасных,
Где сквозь сон безо всяких причин
Тусклый свет одиночества гаснет.

* * *

Не видно ни зги... Виновато
Томится сквозняк у дверей.
И месяц в серебряных латах
Укрылся в оковах полей.

Ни лунной вуали, ни света...
Нас будто преследует рок.
Ласкаю надежд амулеты –
На весь заговоренный срок.

Вернешься! Не хлопну я дверью.
На что мне печали хранить?
Но, первому снегу поверив,
Вьет ветер сиротскую нить.

* * *

Сказали, что, как кошка,
Живуча и хитра.
Сварлива, но немножко,
Болтлива, но добра.

Сказали, девять жизней
Имею, как она.
Их было ровно девять...
Я восемь отдала.

* * *

Спокойно небо голубое,
Хранит покой морская гладь,
За тихим шорохом прибора
Вползает тень за пядью пядь.

Ветра соленые, ликуя,
С волной ленивою на «ты»,
Уносят в море с поцелуем
Мои неровные следы.

* * *

За порогом – зима
 Чистоты небывалой.
 Виновата сама:
 Полюбила – пропала.

На двоих два крыла
 У фигурок несмелых –
 Знать, весну проспала
 И забыть не сумела.

Ухожу... Все как встарь –
 Накипь слов, обещанья...
 Скрыло серую гарь
 Волшебство мироздания.

Может, это из снов
 Позабытых... Но, вроде,
 В суете городов
 Грустно ангелы ходят.

* * *

Смогла охрипшая кукушка
 Год жизни мне накоковать,
 А эхо разнесло послушно,
 О чем положено молчать.

Весна прошла, и быстро лето,
 Смеясь, успело постареть.
 Прощаясь осенью, фальцетом
 Вновь птица пробовала петь.

Но лишь простуженной зимою,
 Когда не ночь – полурассвет
 Полутонов полуигрою
 Вдруг обозначил легкий след,

Ко мне приведший, я узнала:
 Прошел отпущенный мне год...
 И сердце биться перестало
 В руинах пасмурных погод.

И снова осень

И снова осень в сиром одеянье.
 Крик журавлиный слышу на прощанье.
 В дождях безмолвных есть своя услада:
 Читаю жизнь –
 Роман...
 Стихи...
 Баллада...

Не ту судьбу гадалка предсказала.
 Вернуться невозможно –
 Прочитала...
 Привычных дней
 Последнюю страницу...
 Переверну – гаданье пусть свершится.

Гуси-гуси

Счастливого у детства измеренье...
 Все чаще вижу свое детство в снах.
 Не шесть десятков, а одно мгновенье
 Мною прожито в бесхитростных годах.

Сжимает память потные ладошки.
 «Ах, гуси-гуси!..» Дружное: «Га-га!»
 Присядем, дорогие, на дорожку...
 Ждала «гусят» различная судьба.

Изводит сердце дней безумный счетчик –
 Скользнула в сны, чтоб обрести покой:
 Перебирает память годы-четки,
 Качая поседевшей головой.

* * *

Все помню... И благодарю
 За чувств потрясшее блаженство.
 Как письма старые, храню
 Пьянящих чувств несовершенство.

Бессонны ночи у весны,
 Под звездным небом ночь кружится.
 Жить привыкаю без вины
 За всепрощенья небылицы.

* * *

Короче век. Года мелькают,
 Уходят те, кем дорожим.
 Незримо ангелы взлетают,
 И следом мы кружим, кружим.

* * *

Мои мечты слетятся в поле
 В прозрачных капельках росы
 В цветочно-голубом приволье
 У придорожной полосы.

И невозможно, чтоб иначе.
 Горбясь от взваленных забот,
 Судьбу мою переиначить
 Прошу раскрывших неба свод.

Услышу из зовушей роши
 Простое вечное ку-ку...
 Пусть в жизни тоже будет проше:
 С ромашки рву по лепестку.

Но пред божественною тенью
 Не слышу голосов. Свое
 Шепчу покорно в час последний:
 – Да придет царствие твое!

По лепесткам на чет и нечет,
 Где нечет – мой ушедший день.
 Все говорят, надежда лечит,
 Но как поймать надежды тень?

СТИХИ, ЗОВУЩИЕ В НЕИЗМЕРИМОЕ ПРОСТРАНСТВО

Поэзия год назад ушедшей из жизни Раисы Крапаней... Сколько неожиданностей она хранит, заставляя о многом задуматься! Это не те строки, по которым можно пробежать глазами и сказать: «Как мило». Нет. Стихи Раисы Николаевны Крапаней – могучие многогранные глыбы, вернее, пропасти, зовущие в неизмеримое, бездонное пространство раздумий и неутолимой печали. Она погружает читателя в глубины своей души, находя слова там, где другие поэты обычно ставят многоточие. Ее поэзия обнажает чувства, которым веришь, потому что так бывает в жизни вообще и в твоей тоже. Всплывают воспоминания, захватывают эмоции, а поэт ведет дальше – туда, где на пике выстраданного выкристаллизовываются алмазные слезы поэзии.

Некоторые ее стихи схожи с живописными полотнами. Вроде изображено нечто незамысловатое, но трогающее именно твою душу – понимай как хочешь, насколько хватит фантазии.

Поэзия Раисы Николаевны – живопись колоритная, отличающаяся глубиной и драматизмом.

Женщина, пишушая стихи, в представлении большинства – неприспособленная к жизни особа, время от времени улетающая в облака вдохновения. Некая тонкая вазочка. Раиса Николаевна – это крепкий сосуд, вмещающий в себя жизнь во всех ее проявлениях. Это кувшин, наполненный трудом медицинской сестры, семейными хлопотами. Все как у обычной женщины, но кувшин этот треснул. И из него истекают грусть и боль настоящего поэта-творца. Все как будто бы сложилось: жизнь удалась. Отчего же эта печаль, о чем плачет ее поэзия?

Я вижу, как Муза внезапно посещает ее на работе среди больных. Заметив гостью, Раиса Николаевна виновато улыбается – не может же она покинуть пост. И еще вижу, как уставшая, покончившая со всеми хлопотами долгого дня женщина склонилась над школьной тетрадкой. Написано только несколько строк... и усталость одолевает, ручка выскальзывает из рук, глаза смыкаются. Если бы не житейские заботы, сколько прекрасных строк было бы написано! Наверное, об этом плачут ее стихи. Кувшин бы мог стать хрустальной вазой, издающей чудесный звон, который разнесся бы далеко за пределы родного края. Ее звучанием насладились бы множество людей, и, возможно, мотив не был бы печален: *«...вырванная с корнем, // Под холодными ветрами...»*

Принцесса, всю жизнь чувствующая горошину, видевшая *«солнечную пыль в лунном свете...»*

Пусть как можно дольше живет добрая, светлая память о Раисе Николаевне Крапаней, необыкновенном человеке и талантливом поэте.

Мунира БАБАЯРОВА

Мунира БАБАЯРОВА родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила УзГИФК. Работала в профсоюзных ДСО, системе автотранспорта и связи. Прозу публиковала в журнале «Звезда Востока».

КЕЛИНКА

Рассказ

Галина ШИРЯЕВА

Зеленая листва уже покрылась пылью, чувствовалось приближение жаркого лета. Замира с подругой Мудиной возвращались после школьных экзаменов домой.

– Ну вот и каникулы, – Замира широко раскрыла руки навстречу солнцу. – Ты куда хочешь поступать, Мадина?

– Я? В сельскохозяйственный колледж.

– А я – в медицинский, – сказала Замира.

Весь долгий путь до дома девочки мечтали о будущем, потом, попросившись, разошлись по домам. Замира не любила свою махаллю, в которой жители прятались за заборами... Но девушка знала, что десятки глаз беспрестанно наблюдают за ней – во что одета, как причесана, поэтому, на всякий случай опустив голову и стараясь быть как можно более незаметной, пошла к дому.

Там Замира увидела каких-то теток с тазами, и сердце заныло от недоброго предчувствия. Оказывается, в дом прибыли свахи. Мать велела дочери переодеться, накинуть платок и, как положено по обычаю, с поклоном подавать гостям чай. Жених по имени Шахрух Замире сразу не понравился – полный молодой человек с кислым и одновременно надменным выражением лица.

Их оставили в комнате, чтобы молодые познакомились. Окинув девушку пренебрежительным взглядом, он произнес:

– А ты ничего. Хотя я люблю веселых и смелых девушек, а не таких вялых, как ты, – после чего уткнулся в свой телефон и больше не произнес ни слова.

Через пятнадцать минут, которые взрослые посчитали достаточными, чтобы молодые познакомились, родители договорились о дате свадьбы.

После ухода сватов Замира бросилась в ноги к отцу:

– Папочка, не выдавайте меня замуж. Прошу вас! Я не люблю его. Пожалуйста, позвольте мне учиться!

Эргаш-ака был чиновником администрации соседнего городка. Он очень устал от своей работы. Его напрягали необходимость дипломатично находить общий язык с вышестоящим начальством, безответственность подчиненных и назойливость неустанно требующих чего-то посетителей. До пенсии оставалось каких-то полгода, и самой большой его мечтой было скрыться в домике в горах и жить там в уединении. Любил ли он дочь? Конечно, любил и желал ей добра,

Галина ШИРЯЕВА родилась в 1961 г. Окончила Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. По профессии – инженер-экономист. Публиковалась в журнале «Звезда Востока». Участник ряда литературных конкурсов.

но еще больше он любил себя и ценил свое спокойствие.

– Дочка, так положено, – устало произнес отец, – для женщины главное – семья, покорность и полное подчинение мужу. В терпении ты должна найти утешение и счастье... – поучительно поднял вверх палец Эргаш-ака и поспешно ретировался в свою комнату.

В отчаянии, со слезами на глазах она бросилась к матери:

– Мамочка, я не хочу замуж, хочу учиться! Я ведь всегда хорошо училась.

– Зачем тебе учиться? Окончила школу – и хорошо. Для женщины самое главное – семья и дети. Да и жених завидный – работает в банке.

– Ну пусть подождут немного, пока я окончу колледж, – Замира с надеждой посмотрела на мать. – Ведь мне всего семнадцать лет.

– Они хотят только молодую и неиспорченную невесту. Никто ждать не будет. Жених-то отличный – просто нарасхват, за него любая пойдет. Скажи спасибо, что за такого сосватали.

Замира заплакала, не смея перечить матери.

Осенью сыграли свадьбу. Сразу после свадьбы жизнь ее изменилась, один день в точности повторял другой. Вставала затемно, в пять утра, потому как строгая свекровь считала, что в шесть встают только лентяйки. Нужно было подоить корову, подмести двор, приготовить завтрак для свекра и свекрови. Муж по городской привычке ограничивался чашкой кофе и уезжал на работу. После завтрака она делала уборку в доме и начинала готовить обед. Убрав со стола, готовила ужин – манты, шурпу или лагман. Целый день хлопоча по хозяйству, она ни на минутку не присаживалась. Если свекровь заставляла ее без дела, начинала громко ругать и стыдить на всю махаллю.

– Вместо того чтобы делать хизмат свекру и свекрови, эта бесстыжая прохлаждается – читает.

Отец и мать Шахруха поженились по воле родителей и до свадьбы не знали друг друга. Его мама Сабрия-опа, пришедшая в семью мужа, изо всех сил старалась угодить свекру и свекрови, но ее редко хвалили. Целые дни она хлопотала по дому, стараясь угадать любое желание свекрови, но в ответ получала лишь брань или равнодушие. Отец Шахруха Отабек-ака не любил и даже презирал жену за унылое выражение лица и постоянное желание всем угодить. В молодости он часто говорил, что не зря ей дали имя, означающее «терпеливая». Вот если бы ее назвали, например, Азада – «свободная», «независимая», то ее жизнь наверняка сложилась бы по-другому. Отабек-ака, любивший в молодости погулять, мог и ударить жену. В последние годы он совершенно отдалился от семьи и целые дни проводил в чайхане, решая лишь самые срочные хозяйственные вопросы. С женой он уже несколько лет практически не разговаривал.

Сабрия-опа все выдержала, перетерпела, и женитьба сына стала ее «звездным часом». Теперь она может изменить свою жизнь, отыграться на беззащитной келинке.

Шахрух, наблюдая жизнь родителей, считал, что это единственно возможные отношения между мужчиной и женщиной, да и уклад семей многих его друзей и знакомых был таким же. Ему не дали возможности выбрать жену самостоятельно, по любви, поэтому к девушке, выбранной родителями, он относился без всякого уважения.

Когда Замира забеременела и почувствовала в себе шевеление новой жизни, у нее появилась робкая надежда если не на счастье, то хотя бы на понимание близких. Но ничего не изменилось, только придирки свекрови стали еще злее, а муж все чаще задерживался на работе. Когда родилась девочка, маленькая

Гузаль, она была очень счастлива. Но, к ее удивлению, родственники не разделяли ее счастья. Возвратившись из роддома, она заметила, что муж на нее обижен, а свекровь недовольна еще больше обычного. Пришедшие родственники говорили одно и то же:

– Следующим будет мальчик, худо хохласа!

С рождением дочери обязанностей у нее не убавилось, но она была счастлива. Потом забеременела вновь, и снова родилась девочка – Дилдора. Муж стал попивать и однажды ударил Замиру, прошепав, что друзья смеются над ним, мол, не смог сделать сына. Свекровь не защитила келинку, наоборот, с удивлением Замира заметила на ее лице глубокое удовлетворение от поступка сына. С тех пор муж начал серьезно пить, и его выгнали с работы. Свекровь просто возненавидела невестку, ругалась и кричала на всю махаллю, называя ее негодницей, не сумевшей родить мальчика и погубившей ее сына. Муж значительную часть дня проводил на диване, лишь иногда что-то ремонтируя во дворе или в доме. Он постоянно ходил с обиженным лицом и громко требовал наследника. Между тем, глядя на развалившийся дом и продавленный диван, Замира все чаще думала о том, какое же наследство достанется долгожданному сыну. Все чаще женщина ходила в синяках.

Как-то, отпросившись у свекрови, она пришла в родительский дом.

Ее мама Хуршида-опа была женщиной очень строгой, как бы оправдывая свое имя – «яркое солнце». Жесткой рукой она правила домом, не допуская малейшего неповиновения. Когда Хуршида-опа выходила во двор, казалось, даже деревья трепещут перед ней, опуская ветви в немом поклоне. Женщина неукоснительно следовала обычаям, не допуская ни единого отклонения от правил. Она ничего не боялась, кроме мнения родственников и соседей.

– Разве ты не знаешь, что женщина должна быть терпеливой и угождать мужу и свекрови? Мир принадлежит мужчинам, а мы должны им кланяться. Пришел пьяный – отведи его в дом, уложи в постель, сними обувь, и будет тебе счастье. Утром в пять утра встала, двор подмела, свекрови пиалу чая подала – и все довольны.

– Мамочка, всхлипнула Замира, – они мне и поесть-то не дают. Только сядем за стол – «принеси то», «принеси это». Только начну есть – свекровь приказывает уже убирать.

– А ты будь пошустрей. Вот моя келинка, – Хуршида-опа махнула рукой на робко жавшуюся за ее спиной девушку, – тоже неумеца, но я же учу ее постепенно. Правильно в народе говорят: если потерпишь – зеленые плоды созреют и превратятся в сладости, а нет – потерпишь неудачу. Не смогла родить мальчика, так кланяйся ниже.

– Мамочка, разве вы не знаете, что пол ребенка зависит от мужчины? – спросила расстроенная Замира.

– Уят, уят! – мать закрыла лицо руками. – Ничего не хочу слышать! Где ты только набралась подобных глупостей?

– Мамочка, это написано в учебнике по биологии!

– Как тебе не стыдно говорить такие вещи! – воздела руки к небу в негодовании Хуршида-опа.

Прошло еще несколько безрадостных лет. Замира устала от такой жизни. Однажды по счастливой случайности сосед предложил Шахруху работу за границей. Кто-то из его знакомых не смог поехать, и срочно потребовалась замена. Смотреть за домом, ремонтировать кое-что по хозяйству, да и для Замиры работа найдется. Другого выхода не было, и Шахруху пришлось

согласиться на заманчивое предложение. Оставив дочерей на свекровь, они отправились на заработки.

Теперь жизнь Замиры изменилась к лучшему. Хозяева оказались добрыми и порядочными, а работа в доме, где постоянно были электричество, газ и вода, – легкой. Город ей очень понравился. Магазины, сверкающие яркими витринами, оживленная толпа хорошо одетых людей, гуляющих по бульварам и паркам. Хотя никуда, кроме магазинов, и не ходила, Замира чувствовала некоторую причастность к городской жизни. Хозяйка Светлана, любившая шопинг, постоянно покупала себе новую одежду. Шкаф ломился от разных вещей, которые ей быстро надоедали, и она часто дарила их Замире. Рассматривая брендовые наряды, та с горечью понимала, что ей некуда надеть такую роскошь, разве что попытаться продать. Платили Замире и Шахруху очень щедро. Теперь они с мужем могли даже домой послать деньги. При хозяевах Шахрух сдерживался, не смея кричать и бить жену.

Все складывалось благополучно, но через некоторое время Замира почувствовала себя плохо и поняла, что снова беременна. Она была в отчаянии, боясь, что теперь их выгонят и придется возвращаться на родину. Ей хотелось заработать больше денег, хотя она очень скучала по дочкам. Женщина решила скрыть беременность, но долго обманывать хозяйку не удалось. Со слезами она умоляла хозяйку помочь ей сделать аборт. В ответ Светлана накричала на нее, пристыдив, что Замира не ценит счастья, которое послала ей судьба.

Замира знала, что у хозяев нет детей, что Светлана постоянно лечится от бесплодия. Через некоторое время хозяева предложили отдать им ребенка, обещая хорошо заплатить. Замира долго плакала, но в конце концов согласилась. Шахруху сказали, что хозяйка забеременела и нуждается в чистом воздухе, а Замира, мол, поедет ухаживать за ней.

Сначала Шахрух был против, но ему посулили такую сумму, что он с радостью согласился расстаться с женой.

Загородный дом понравился Замире: белеющая березовая рошица радовала взор, чистый воздух, напоенный ароматом трав, пьянил... Сердце Замиры оттаивало, даже замаячила надежда, что все в жизни наладится.

Теперь она жила как принцесса. Регулярный осмотр врача, прекрасное питание, прогулки. Чувствуя шевеление ребенка, она замирала от радости, но потом вспоминала, что это не ее ребенок. На обследовании узнала, что будет долгожданный мальчик – сын.

Светлана понимала ее состояние и уговаривала не беспокоиться. Они с мужем будут очень любить мальчика и дадут ему прекрасное воспитание и образование. Никто не заподозрит, что это не их ребенок, потому что муж Светланы – женщины славянской внешности – смуглый.

«Действительно, что мы можем ему дать? – размышляла Замира. – Плохое образование в школе за пять километров пешком по непролазной грязи весной и осенью?» Не всем так везет с хозяевами, как им с Шахрухом. Скорее всего его ждет тяжелая работа в чужой стране, чтобы прокормить семью. А так они смогут отремонтировать покосившийся дом, собрать сарпу (приданое) дочкам. Представив будущее дочек, она погрузилась в грусть. Ведь пройдет десять-двенадцать лет, и их тоже выдадут замуж, а она ничего не сможет поделать. Они повторят ее жизнь, остается только молиться Всевышнему, чтобы мужа и свекрови попались им хорошие.

Теперь у Замиры появилась возможность читать книги и размышлять о жизни. Если бы она проявила характер и настояла на том, чтобы получить

образование, ее жизнь сложилась бы по-другому. Окончив медколледж, она нашла бы работу и стала независимой. А потом, кто знает, может, встретила бы мужчину, которого смогла бы полюбить... Но прошлое не знает сослагательного наклонения, поэтому она должна сделать все, чтобы дочери получили достойное образование. Это будет ее жизненной целью. Вряд ли благожелательность хозяев простирается так далеко, чтобы позволить ей хотя бы первое время пожить здесь с дочками. К тому же они не потерпят рядом с сыном его биологическую мать. Поэтому надеяться нужно только на себя.

Приближалось время родов, и Замире было беспокойно. Ее отправили в частную клинику, где она благополучно разрешилась от бремени. Когда Замира впервые увидела мальчика, сердце ее сжалось. Такой хорошенький, славенький, темноволосый, такой родной! Он тянулся к ней ручонками, и она замирала от счастья и горя одновременно. Но кормить его ей не разрешили, и через неделю после выписки они отправились в городской дом.

Хозяевам каким-то образом удалось оформить ребенка на себя, а Замире с мужем пора было собираться домой. Хозяева не обманули с оплатой: Шахрух довольно потирал руки, удивляясь их щедрости. Замира видела, как счастливы хозяева, но ей невыносимо тяжело было смотреть на то, как Светлана прижимает к себе ребенка, играет с ним.

В ночь перед отъездом Замира внезапно проснулась и, второпях одевшись, поднялась в детскую. Мальчик сладко спал. Она погладила его по головке... Внезапно пришло решение. Нежно взяв сына из колыбельки, она тихонько спустилась по лестнице и вышла во двор, потом побежала по городским улицам, сама не зная куда. Как в калейдоскопе, мелькали фонари, светящиеся витрины магазинов, разноцветные огни светофоров. Вдруг она услышала шум погони и, прижав к себе еще крепче маленькое тельце, закричала:

– Мальчик мой, никому тебя не отдам!

Кто-то резко толкнул ее... и она проснулась.

– Ты что орешь? – грубо сказал муж. – Дай поспать...

Стоя в поезде у окна, Замира наблюдала, как березовые и сосновые леса сменяются казахскими степями. Иногда оконные стекла поезда покрывались дождевыми каплями, или это слезы застилали глаза? Все ближе и ближе к дому. Душа рвалась на части, ее утешало только то, что скоро она увидит своих девочек. С горечью Замира осознавала, что не смогла решиться на то, что подсказывало ей сердце. Но горе научило многому, решение принято. Она будет сильной и сможет защитить дочек. Робкая надежда на перемены постепенно превращалась в уверенность, твердую и осязаемую.

Рано КАРИМОВА

В океане людском я одна...

* * *

Я памяти страницы ворошу
и вспоминаю все, что раньше было.
И в сотый раз опять себя спрошу:
«А может быть, ты так и не любила?»

Теперь неважно, дело уж не в том,
любовь была ли, вовсе ль не пылала?
Я просто в сердце жить хочу твоим
и знаю, что желаю очень мало...

* * *

Я ничего не попрошу
и не пообещаю.
Я вот что о тебе скажу:
за все, за все тебя прошаю!

Прошаю за обиды, страх
и недоверчивые речи,
за злобу, что в твоих глазах,
и за презренную беспечность.

Прошаю за неверность, смех,
раздоры вечные и ссоры,

за отвержение вся и всех,
за недовольство, и укоры...

За ту крупиночку добра,
которую ты мне оставил...
За все хорошее *вчера*,
сегодня что на суд представил...

Прошаю страсти, нелюбовь
и злобность, бескультурье речи...
За то, что закипает кровь
в моих сосудах...

Рано КАРИМОВА родилась в 1964 г. в Ташкенте. Работала оператором ЭВМ в информационно-вычислительном центре НИИ «Энергосетьпроект», секретарем в Республиканской школе-интернате изобразительных искусств, натурщицей в НИХ им. К. Бехзада. Публиковалась в республиканских СМИ.

* * *

Приходит вдруг издалека
 минута странного блаженства –
 как будто голос свысока
 меня зовет куда-то... в детство...

И даль бескрайняя зовет,
 и эхо горное я слышу,
 и тело легкое поет
 и клеточкою каждой дышит...

Я поднимаюсь и иду,
 и негу чувствую повсюду,
 волшебный аромат в саду,
 в который я вот-вот прибуду...

И хочется закрыть глаза,
 уснуть, уснуть и не проснуться...
 И из объятий волшебства
 на землю больше не вернуться...

* * *

Пускай ты покинут и всеми
 забыт,
 и в сердце твоём лишь тоска,
 и ангел любви твоей дерзко
 убит,
 и продана жизнь с молотка.

И тает надежда, что будешь
 вдвоем,
 как прежде, с любовью теперь...

И, кажется, нету ни средств
 и ни сил
 бороться с нависшей бедой.
 И как бы ты Бога о том
 ни просил,
 но рай не цветет пред тобой...

Но ты не один. И покуда
 живешь
 и хочешь свободно дышать,
 и с утренним солнцем пока
 ты встаешь
 и веришь: земля – тебе мать,

Потеряны связи, мосты
 сожжены,
 родной не осталось души,
 без радости тянутся ночи
 и дни,
 а юность уходит, спешит...

ты вслушайся только, ты только
 взглядишь:
 в поющих над степью ветрах
 и в ветках деревьев, что тянутся
 ввысь,
 и в травах, и в пыльных цветах,
 и в каждом птенце, что родится
 в гнезде,
 и в блеске далекой звезды
 душа твоя – в мире, во всем и везде,
 душа твоя выше беды!..

Лишь серая жизнь на пороге твоём
 стоит и стучит уже в дверь.

Тишина

Тишина повсюду, тишина.	все не то...
В океане людном я одна.	Заиметь бы крылья
В мире безрассудства	и взлететь.
без друзей	Стать частицей, пылью
жизнь, былые чувства	и – гореть.
тяжелей.	Но не стать мне солнцем,
Праздник, славы ветер –	тьма сильна.
все прошло.	С темнотой бороться?!
И любовь, и дети –	Я – одна...

* * *

Ну что такого ты сегодня понял?
Я знаю, что не понял ничего!
Словно изгой, очнувшийся спросонья,
чего-то ищешь в жизни своего...

Встречаешь лишь невзгоды, неудачи,
в душе твоей – тревога и печаль,
которые так мало в жизни значат
и потерять которые не жаль...

На удивленье, в нынешние встречи
нам выпадает доля не своя:
прогулки в теплый невесенний ветер –
их долго ожидали ты и я...

Любовь, которая зажглась в мгновенье ока,
вдруг оказалась верной, непустой,
но может вдруг увянуть раньше срока,
как маковый цветочек в летний зной...

На счастье малое придется сто несчастий,
но в них не верим ведь ни ты, ни я.
Мы можем все мечтами сразу скрасить,
стихами, что придут в течение дня...

* * *

Вот жизнь дана как неба благодать!
И за нее платить уже не надо.
Тебе лишь остается выбирать:
труд праведный или мученья ада?
Обдумай каждый шаг и не спеша,
куда идти, зачем, какой дорогой,
чтоб не несла мучение душа,
которая дана тебе от Бога.
Соблазнов в мире – тьма, не перечесать.
В обход намного легче продвигаться...
И мягко спать всем надо, сытно есть,
причем как можно меньше надрываться...
Ты на пороге юности стоишь:
желаньям и стремленьям нет предела!
И счастья, может, хочешь за троих
(что и другим судьба предусмотрела)?
Грабеж, насилие, зависть и захват,
негордая продажная любовь –
от их плодов ты станешь сам не рад,
они отравят безвозвратно кровь.
И потечет по жилам юным яд –
чужого горя красная слеза...
Ты вдруг захочешь жизнь вернуть назад,
«Я честно буду жить», – себе сказав,
молить и плакать, долго умолять
Всевышнего Отца о милости, пошаде.
Но, получив прошение, опять
ты сможешь подойти к преддверью ада...

Кучкар НАРКАБИЛ

НЕОЖИДАННЫЕ РАЗВЯЗКИ

Рассказы

ЛЮБОВЬ АКТЕРА

– О-о-о! Зулфияджан, какая погода! Нежные, теплые дожди... Горы упираются в самое небо. Я в горах!..

– О-о-о! Зулфияджан, а какой лес! Прохлада. И опять дождь...

– О-о-о, Зулфияджан! Вы не видели такой прекрасный пейзаж. Прямо у подножия гор есть озеро. Мы в нем купаемся...

– Зулечка, сейчас мы идем вдоль глубокого обрыва. Вниз смотреть страшно. Голова кружится. Вон там, в глубине, течет веселая река...

– Зулфияджан, милая, сейчас мы по канатной дороге поднимаемся на вершину. Ладно, буду осторожен...

– О-о-о, Зулечка, мы у подножия Эльбруса. Снег, всюду белый снег. Вы видели снег летом? Да, я тепло одет, милая. Ладно...

– Зуль... Зулечка! Мы возвращаемся. Мы еще в дороге... Остановились около трубы, из которой извергается вода «Нарзан». Если бы вы были рядом со мной! Вы получили бы необычайное удовольствие. Ладно, буду осторожен!..

«...Ой, как он надоел. Ну и простак. Подкаблучник. Обо всем докладывает. Этот крикун высушил мне мозги. Не-е-ет, мне срочно надо перебираться в другую комнату...» Нусрат брезгливо посмотрел в сторону актера, снимающего из окна на телефон виды вдоль дороги, по которой мчался автобус, довольного и улыбающегося, продолжающего говорить, глядя на телефон:

– Зулечка! Возвращаемся. Впечатлений – море! Расскажу, когда приедем. Видели видео? Э-е-ей, зарядка кончается, сейчас телефон отключится. Ладно, милая. Возьму, конечно возьму.

Нусрат с удивлением посмотрел на спутника. Актер, мечтательно улыбаясь, закрыл глаза, прислонившись головой к окошку автобуса и напевая тихонько какую-то мелодию. С одной стороны, Нусрат ему завидовал. Хотя всем сердцем отторгал такое поведение человека в возрасте (где-то около шестидесяти лет), ежечасные отчеты которого о всякой всячине, мягко говоря, удивляли и даже раздражали. У этих людей искусства все по-другому, даже личная жизнь. Кто знает, может, супруги не могут долго находиться в разлуке друг с другом.

– Зулфияджан, мы приехали в санаторий...

Кучкар НАРКАБИЛ родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне – НУУз). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва конун».

– Зулечка, милая, я уже засыпаю...

– Зулфияджан, небо, звезды закрыли тучи. Наверное, всю ночь будет идти дождь. Кто, а-а, сосед? Э-эй, какой-то тихоня, дрыхнет как убитый. А какое ему дело до меня? Мне кажется, ему неведома любовь.

У Нусрата лопнуло терпение. Резко поднявшись, он включил свет. Актер тоже вскочил с постели с вытаращенными глазами. Дрожит как осиновый лист. Нусрату стало не по себе. Видя, что актер настолько сильно испуган, что не может произнести ни слова, Нусрат смягчился и как можно спокойнее произнес:

– Утром убирайтесь в другую комнату. Иначе я за себя не ручаюсь...

– Что... что вы сделаете, друг? – еле выговорил актер. Его руки были сложены на груди, как у провинившегося раба.

– Что надо, то и сделаю! Если выйду из себя, выброшу вас из этого окна. Может, и не умрете, но развалитесь на куски, это точно.

Актер представил, как он падает со второго этажа, глубоко вздохнул и зажмурился. Потом испуганно юркнул под одеяло. Он молчал. Нусрату стало смешно. Еле удержался, чтобы не расхохотаться. Резким движением открыл окно. Из-под одеяла послышался испуганный всхлип.

Утром, увидев, как, съездившись на уголке кровати, сидит хмурый актер, Нусрат пожалел о вчерашнем. Глаза актера покраснели. Плакал, значит. Нусрату стало жаль его. «Ну и пусть, больше не будет так тараторить, хоть немного отдохну от его болтовни...»

– Братишка, я прошу у вас прощения. Я сам себе удивляюсь. Когда вижу красивые места, хороших людей, сразу хочется поделиться с женой. Что поделаешь, у меня такая болезнь... Теряюсь... Говорю без умолку. Пока кто-нибудь не остановит, я все говорю и говорю. Из-за этого даже на работу перестал ходить.

Нусрата удивили его слова. Он зло посмотрел на соседа, малоизвестного актера, который исполнял какие-то малозаметные роли в кино:

– Раз все так, почему не взяли с собой жену? Зачем так мучиться?

– Это невозможно...

– Почему?

– Жена не может приехать. Она умерла. Пять лет назад... Но я говорю с ней каждый день.

Из его глаз ручьем потекли слезы.

Нусрат вздрогнул. Ему стало не по себе. Покачиваясь, как пьяный, он вышел в коридор, потом кинулся во двор и без сил опустился на скамейку, одиноко стоявшую в конце аллеи. Задумчиво посмотрел на Кавказские горы. Дрожащими пальцами набрал номер. На экране телефона появилась фото его жены Айджамаль:

– Как ты, Жамаль? Как твоё здоровье? Срочно скажи сыну, чтобы купил билет на самолет. На завтра как раз есть рейс. Прилетай! Не перебивай меня! Я тебя... я тебя... Я тебя... сам встречу в аэропорту.

Голос Нусрата дрожал. Не желая, чтобы это заметила жена, не закончив фразы, он выключил телефон.

Долго смотрел на горы: сейчас, в эти минуты он не мог, не решался идти в комнату, где сидел человек – сильный, могучий, куда сильнее его, Нусрата, могущественней всех людей на свете – человек, беззаветно преданный своей жене, своей любви.

ВРЯД ЛИ БУДУТ ЧИТАТЬ...

Писатель был счастлив, очень счастлив! А как же иначе?! Ведь сам глава области распорядился за полтора месяца построить для него библиотеку.

Вся его домашняя библиотека (а это свыше пятнадцати тысяч книг!) перекочевала в новый «собственный дом»! И комнаты отцовского дома сразу стали просторнее.

Писатель вздохнул свободно. Поблагодарил Всевышнего. Нет, у него язык не поворачивается сказать: «личная библиотека». Неудобно. Но хорошо звучит «дом-библиотека»!

Не зря говорят: книга несет свет, книга учит жизни. Белоснежное здание библиотеки, построенной в правом крыле школы, кажется, излучает свет. Не кажется, она и впрямь, как солнце, озаряет все вокруг.

Одноклассник – учитель Мамат, беседовавший с ним под бурно цветущей вишней, сказал:

– Друг, хорошее дело ты сделал. Ты воздвиг себе памятник, а не библиотеку. Этот дом-библиотека войдет в историю как памятник о тебе...

Писатель улыбнулся.

– Чего смеешься, я сказал то, что думаю. Видишь, библиотека излучает свет: если бы земля отпустила, она бы взлетела к Солнцу...

О Боже, в голове писателя кружились такие же мысли...

– Если бы земля отпустила, я бы тоже взлетел, друг...

– Во сколько собираемся у тебя? Кого пригласил? – перебил его учитель.

– Друзей из области и района.

– Ты молодец.

– Почему?

– Ты знаменит, живешь в столице. Однако никогда не забываешь свое родное село. Тебя народ любит, уважает. Правильно делаешь, что не забываешь нас. Никогда не забывай свои корни!

Вот уже сорок лет, как писатель покинул отцовский дом. Покойная бабушка говорила: «Кто не уходит от родной земли, не становится ей чужим, кто остается с ней, тот обретет и славу, и богатство». В отцовском доме остался младший брат. Он всегда ворчал: «Брат дом не строил, денег не скопил, только собирал книги. Вон – полон дом книг. Не дом, а книжный склад».

Сегодня дом брата стал намного просторней, освободился от книг. Теперь и детям есть где поиграть.

...Зазвонил школьный звонок. Выбежавшие из классов дети побежали к библиотеке. Писатель был взволнован. Он подумал: «Самое лучшее, что я создал в своей жизни – это библиотека!»

В обеденное время в отцовском доме (теперь в доме брата) собрались односельчане на худойи (молитва, мероприятие). Зарезали барана, накрыли стол.

А вечером в освободившейся от книг гостиной опять накрыли стол. Теперь, после основного мероприятия с чтением молитв, жертвоприношением, в гостиной собрались друзья писателя. На столе, кроме всяких яств, стояли бутылки с алкоголем. Шутка ли, пришли друзья писателя – высокопоставленные чиновники районного и областного масштаба.

Вечер становился все более интересным, гости произносили тосты в честь

книг:

– Без книг нет знаний, книги – это кладезь науки, – сказал самый авторитетный из гостей – тот, что сидел во главе стола.

– Друг, писатель ты наш, молодец! На открытие приехал сам руководитель области!.. Ты молодец! – высказывался другой гость, немного ниже рангом.

– Книга – свет в нашей жизни, надо всем читать, чтение – ключ ко всему, – подхватил другой друг-чиновник.

– «Я благодарен книге за все, чего достиг», – говорил Горький, – вставил тот, что сидел во главе стола.

– Сегодня писатели – самые активные и значимые члены общества. Повысились интерес и внимание к книге, – высказался еще кто-то.

– Писатель – это талант. Иногда мне тоже хочется написать книгу, – сказал чиновник из района, бросив взгляд на прислуживающего гостям учителя Мамата.

А учитель Мамат с раздражением подумал: «Ну да, вместо головы – тыква, а тоже мечтаешь написать книгу!»

Чиновники-друзья допоздна пировали, беседовали, пели дифирамбы книге и писателям, говорили о том, что те дали миру. За всю свою скромную историю село никогда не слышало таких хвалебных слов в адрес книги.

В разгар вечеринки писатель каждому из сидевших друзей подарил свою книгу с автографом. От хвалебных слов в свой адрес он даже прослезился. Выпил бокал до дна. Опынял немного.

Гости разошлись за полночь.

На следующий день писатель проснулся рано. Позавтракал с братом во дворе. Стал готовиться к отъезду в город. Вошел в гостиную, чтобы одеться. Гостиная была уже убрана, все сияло чистотой. Надевая рубашку, писатель бросил взгляд на маленький столик, стоявший в углу. На нем лежали книги, которые вчера вечером он подарил своим гостям. Глянул и не поверил своим глазам. Стоя, посчитал их. Шесть. Гостей было семеро. Кто-то из них взял свою книгу все-таки... Писателю стало не по себе. Не смея подойти к столу с книгами, он горько усмехнулся и быстро и вышел из комнаты.

Перевод с узбекского Нигоры ЮСУПОВОЙ

Нигора ЮСУПОВА родилась в 1963 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный институт культуры (ныне – ГИИКУз). Переводами занимается с 1998 г. Работает переводчиком в редакции переводов Национального информационного агентства Узбекистана (УЗА).

Анна ЛИСКЕ

Калейдоскоп людей и впечатлений

Тоска аккордеона

В парчовой мягкости и теплоте теней,
Влюбляясь в алость лент рассвета,
В забытой партитуре королей
По нотам грустно уходило лето.
В черничных колокольцах – горошина пыльцы,
Горчит нектар на лепестках прощанья.
Пестро и зелено от ягод и листьев,
И поволока уст прошепчет: «До свиданья!..»
Насколько потаенно в янтарных водах лун?!
Мистерия соблазна, целующая нежность,
Стрекозы ночью – феи, как силуэты рун, –
В полутонах осенних плывущая безбрежность.

Taraxacum

Восторг! И детство обнимает,
В росистых травах хоровод –
Венки из майских солнц сплетает
Влюбленный в желтое восход.
Как просто в радости купаться,
Как просто счастье целовать!
Вдыхать пыльцу и восхищаться,
Взлетать, мечтать и хохотать!

Почтовый фокстрот

Мой май и кленов Петербург!
Вспорхнувшей птицей – строки писем,
Цветов сонаты нежный звук
В расшитой зелени чуть слышен.
Юн и вихраст листвы задор,
И в письмах, писанных весной,
Словесной росписи узор
Как шепот тайны над Невою.

Анна ЛИСКЕ родилась в 1981 г. в Копейске. Стихи публиковала в газете «Копейский рабочий», участвовала в литературных конкурсах. Живет в Санкт-Петербурге.

Фрески цвета

Калейдоскоп людей и впечатлений
 Устало уходил за горизонт.
 С рождением вечера прокрались затемненья,
 Обняв стволы деревьев, сливаясь с гладью вод.
 Лавандовый шифон в синеющем разливе,
 В стрижином росчерке, во шлейфе облаков –
 Мгновенья красоты, как будто на картине,
 Остались навсегда как достоверность снов.
 Черемух бусин ряд, припрятанных листвою,
 Украдкою глядит, чернея в солнце дня.
 Рябина зелена, бросая тень густую,
 Венчает полотно «Блаженная земля».

Петровский Версаль

Июнь. И ночи в предрассветных поцелуях,
 В молочной грации – новорожденность лун,
 Роскошной позолотой, влюбленно и танцую,
 Янтарят фонари в поющий патефон.
 Полученные письма словно птицы,
 Волненье строк в порхающих крылах...
 И Летний сад, аллеи, мрамор (лица),
 Свиданья в зелени, и лебеди в прудах,
 Тропинки, уводящие к фонтанам...
 Хрустальны, ниткой бус звучащие струи...
 Порфировая ваза – как сердце великана...
 Бесчисленность теней Версаль Невы таит.

Алые паруса

В нектарах зреющего утра
 Разлито солнце над водой.
 В ракушках радость перламутра
 В лучах сверкает бирюзой.
 Рассыпан цвет вишневой сласти,
 И в разнотравье – облака.

В лазурь (браслеты на запястье)
 Украшена земли рука.
 На мачтах паруса надежды,
 Мечтой поднятые в рассвет,
 И ветер ласковый и нежный
 Поднес алеющий букет.

Энигма

Малахитовый плат молчаливой листвы
Утонченно расшит облаками июня,
Неземной аромат медоносной весны
Распылит естество, искусенно целуя.

Холодок по плечам – вождельня эскиз,
Целомудрие белого – в ликах рожденья,
Флер бутонов, сирени, рябины и бриз –
Угошенье для ложа как прегрешенья.

В нежных утрах алмазные нити росы,
Ситец дня – в золоченых камнях,
Во дворцах наслажденья эликсир красоты
Упоительно вкусен в роскошных цветеньях.

Крылья альбатроса

*Живет поверье среди мореплавателей:
океаническая птица альбатрос
переносит на своих крыльях
души моряков.*

В перламутрах вальса полнолуния,
В приглашеньях серебрящихся дождей
Память ночи – нежная плясунья –
Исчезала с караваном кораблей.

Берег хрупкой кромкой таял,
Чье-то ожиданье возродив,
Провожал глазами стаю
Белых птиц и волн отлив.

Моряки – скитальцы прозы:
В море – небо, небо – дом.
Бремя страждущих – вопросы –
Веры и соблазнов шторм...

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Рассказ

Саломат ВАФО

Было два часа ночи. Курозбой¹ вышел в мерзлую непроглядную темень. Он спешил вырваться из бесславного обиталища. Что только не прятало оно в своих отсеках: и счастье, и раздоры, и полные фруктов холодильники, и богатства!

Его провожали тусклые желтки унылых окон многоэтажек, пляшущие тени деревьев, появляющиеся при свете раскачиваемых ветром дворовых подвесных ламп, дома, заунывные песни проводов, плаксивый визг промерзших до костей бездомных собак.

Наконец он вышел к остановке маршрутных такси, похожих на скучковавшихся тараканов, жирующих на высушенных хлебных крошках в многоквартирном доме. Пройдя неблизкий путь, подуставший Курозбой с необычайным хладнокровием лицезрел местных торговков у остановки. Их опухшие, огрубевшие, без косметики лица вызывали у него и жалость и вместе с тем презрение – то ли из-за полноты и неуклюжести женщин, то ли из-за опухших от бессонницы лиц.

– Бибисалма, та тварь так и не вернула долг с января...

– Мой чокнутый муж в одной деревне под Чернобылем взял и женился на девочке, окончившей десять классов... Чтоб он сдох!..

Стоящая возле двери машины толстая женщина в спортивке демонстративно снимает крышку со своей посуды. Салон заполняется ароматом горячего кофе.

– Вай, Курозбой, вы нашли того, кто повесил то бесстыжее объявление? – спрашивает толстуха, с наслаждением потягивая кофе.

Таков город: здесь любой может повесить объявление на первой встречной стене, за что и не любил Курозбой бумажную промышленность Узбекистана. По виду он, будто уличенный этими торговками в каком-то постыдном деле, напоминал одинокое пугало из соломы и тряпья в поле. Ему не нравился ни сам вопрос, ни его дразнящие нотки, и он зашмыгал носом. Толстуха устало взглянула через запотевшие окна маршрутного такси на озабоченные лица продавщиц, на тусклый свет городских окон, вновь посмотрела на торговков, сбившихся в тесную кучку, похожую на собирающиеся распуститься соцветья

¹ Курозбой – узбекское мужское имя, в зависимости от написания – Курозвой, Хурозвой или Урозвой – меняет значение. «Курозбой» означает «мало жара, пыла», «Хурозбой» – «петух», «Урозвой» – «надежда, вера в будущее».

Саломат ВАФО родилась в 1966 г. в Хорезмской области. Окончила факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор романов и нескольких сборников рассказов.

ночной красавицы. Она уставилась в окно машины, точно ожидающая объедков собака.

– Да я месяцами с семи утра до двенадцати ночи следил. По обе стороны выставил людей. Нет этой сволочи ни на небе, ни на земле, Бог знает, кто это...

Вдруг вся эта духота из смеси запахов еды, испарений и звуков какой-то иностранной песни, доносившейся снаружи, будто начала растворяться под внезапный дружный хохот сидящих в салоне машины. Звонко засмеялись все – сонные, озябшие толстые и худые, молодые и старые женщины в спортивках и халатах. Весь салон заливался хохотом. Вместе с ним, казалось, смеялись небеса, темная ночь, сверкающие зеркала, скрипучая старая дверь маршрутного такси, клетчатые сумки торговков, пузатые мешки и узлы. От неожиданности лицо отчаянного сторожа полей Курозбоя искривилось, будто в плаче, отсвечивающие в полумраке глаза виновато улыбались. Сам он, ерзяя, начал издавать странные звуки: «Им... мо-о...»

– О господи... ха-ха-ха... по обе стороны выставил людей, оказывается. Он что, международный рецидивист, выставлять людей? Ха-ха, ну и дела! Урозвой-ака, белены объелся? Курозбой-ака...

– Даже мертвый преступник, увидев богатыря Курозбоя, сразу ожил бы и сказал: «Да я же пошутил с вами!» – и убежал бы.

– Какой идиот нанял Курозбоя в городское коммунальное хозяйство, ему с его телом Кинг-Конга нужно работать охранником в женской тюрьме!

Курозбой, не желая слушать обидные и колкие слова женщин, отвернулся к темному окну, в котором слабо отражались мерцающие огоньки.

Базар «Абу Сахи» – это, по сути, отдельная страна с неказистыми лавками, ломящимися от неимоверного метража разнообразной материи; неутомимыми дворниками с лицами, обвязанными платками; торопливыми арбакешами с криками «Пошт-пошт!», усердно толкающими тачки с цветным бархатом, велюром и другими тканями; молодухами в белых фартуках, юрко снующими между рядами с едой и чаем; потоком машин со слепящими глаза фарами и нестерпимо требовательными сигналами.

– Ну, Петушочек, пойдем с нами... или мы пошли. До завтра... гуд бай... гуд бай, приятель!..

Курозбой облегченно вздохнул, радуясь избавлению от болтливых, шумных, словно громыхающий грецкими орехами мешок, шальных базарных баб, позволяющих себе порой выкурить сигаретку и даже тяпнуть водки или виски. Они громко смеялись, шутили и, как бы невзначай толкая торговков в хиджабах, шли к воротам базара. Курозбой, как всегда, с большим рвением, решительно приступил к подсчету въезжающих на рынок и выезжающих оттуда машин. Проезд на рынок каждой машины стоит две тысячи сумов. Курозбой в уме начинает подсчет: «Если десять тысяч штук... нет, если двадцать тысяч машин заплатят по две тысячи сумов, сколько это будет? – невольно рисуя одну-две палочки на запотевшем стекле. – Сколько будет денег с двухсот тысяч машин?» Курозбой, морща лоб, считал, сколько заплатят двести тысяч машин, если каждая платит за въезд две тысячи сумов. Два миллиона сумов или... двадцать миллионов? Огромное количество полей не умешалось в его беспомошном, заплесневелом мозгу. Урозвой подумал о количестве наклеенных по всему городу разных объявлений, написанных от руки или на компьютере...

Интересно, судьбы, мысли, а может, и будущее скольких тысяч людей по городу зависит от этой безжизненной доски объявлений, холодными и безмолвными ночами тоскующей по рассвету, с нетерпением ожидающей шума и гама жизни? Доска объявлений сгорбилась от груза воспоминаний. Скорбь и печаль тихо шелестели на ней: мать, выставленная сыном из дома на всю ночь; деловая женщина, желающая купить дом по ипотеке; мужчина в поисках молодой жены; человек из Бостанлыка, продающий дом с пристройкой; шенята – в добрые руки; торты и сладости от кондитера; блондинки, предлагающие интим за аренду жилья; снова мужчина, ищущий себе жену – тысячи и тысячи объявлений на столбах, заборах, оградах больниц и детских садов... Его лицо вновь сморщилось от напряженного подсчета точного количества людей, дающих объявления. Опять эти числа с десятками нолей... К тому же он вспомнил о неуловимых писаках, расклеивших по всему городу непристойные объявления. Ох и влетело ему тогда от начальства! Его даже передернуло от стыда и позора.

Как-то Курозбой после очередной взбучки от начальства, по привычке бормоча себе под нос, соскребал объявления с доски. Скреб и думал, как наклониться, чтобы самсапазы¹ не засмеяли. И в это время к доске с шелестящими, как осенние листья, маленькими разноцветными бумажками подходит фасонистый мужик и среди бела дня при всем честном народе начинает позорить его:

– Брат, кто хозяин этих рекламных досок? Посмотри, эти ваши бумажки пристали к моим туфлям, костюму, даже в волосы забились! Пора кончать с этими допотопными бумажками, убрать все это, городской коммунальной службе надо уже работать в Интернете. Да по Ташкенту уже ходить невозможно от ваших объявлений: куда ни глянь – везде они: на уличных ларьках, на столбах, на железных оградах!

Франт еще долго муржил бы бедного Курозбоя, но, увидев подошедшую с метлой мужиковатую Назми, быстро ретировался.

– Эй, братишка, не надо нас так унижать, хоть мы и живем на улице, возле этой доски, но мы тоже рабы божьи, – крикнула ему вслед прямолинейная Назмихон.

Дергая рукой, отмахиваясь от болезненного напряжения в голове, шумно ухая, Курозбой начинает стирать засаленным рукавом прыгающие цифры и множество нолей с запотевшего стекла.

«Будь проклят тот, кто придумал эти ноли...» – думал Курозбой, кляня индийских ученых, придумавших цифру «ноль», служивших на благо цивилизации и умерших много тысяч лет назад. По индийским традициям, они были сожжены на каменной сковороде, оставив своих почерневших и исхудающих от горя индийских матерей.

Каждодневные орудия труда Курозбоя – маленький металлический шпатель, завернутый в целлофан кусочек туалетного мыла, старая марля непонятного цвета, металлическая губка для снятия с доски остатков бумаги, какие-то надломленные карандаши, грязный блокнот, ластик, мятый платок, половинка высушенной булочки... В матерчатой сумке позвякивали подаренные переехавшими к Черному морю турками-месхетинцами серебряные чайные ложечки с изображением короны турецких султанов... Тело в форме огромной буквы «Г» под аккомпанемент звуков из сумки прокладывало себе путь. Вздохнув,

¹ Самсапаз – пекарь (обычно мужчина), выпекающий самсу в печи-тандыре.

он смотрит на объявления на высоких стенах, издали похожие на летящие паруса морских кораблей или на дорогие сердцу разбросанные послания любимой; их тысячи – белые, желтые, голубые и красные, взвалившие на себя тысячи судеб, несбывшихся желаний, слез и радостей.

По дороге снуют разных марок белые, красные, черные машины.

– А вот и Курозбой-ака, Курозбой-ака пришел... – доносится со стороны ребят, разносящих на подносах уложенные рядами остроугольные румяные самсы.

Жарко гудят газовые печи, на стены которых для красоты наклеена засаленная мозаика с изображением Мекки; белые круги теста, развеваясь, как флаги на ветру, летают со стола на стол; поливая густым, сверкающим золотом на солнце горячим курдючным жиром, замешивают тесто; сопровождается это неизменным скользким липким звуком «шик-шик». Подготовив и укрыв целлофаном очередные порции слоеного промасленного теста, самсапазы принимаются раскатывать другое тесто – «дук-дук», постукивая скалками по столу. Вновь, как само собой разумеющееся, началось обсуждение бедного Курозбоя.

– Курозбой-ака, нашли того несчастного сексолога?.. Нет? Почему не проследили? Он же был у вас под носом, пришел, повесил объявление об увеличении кое-чего каждому... и скрылся... Интересно, будет кто звонить по этому объявлению?

– Ты много говоришь, Сайфи. Вон твой брат нашел себе жену через нашу доску объявлений, так счастливый... ест теперь вкусный лагман и толстеет, – бормочет здоровяк Курозбой, покачиваясь, как вислоухий старый слон.

– Комхоз Курозбоя-аки опозорился на весь город... да... все – и млад и стар, даже школьники – ждут, когда вновь появится то объявление.

Самсапазы, базарные торговки, высунувшиеся из окошек, зашлись единым дружным хохотом, смеялись, казалось, даже слоеное тесто, лук, картинки на стене.

– Маленькие негодники скачали из Интернета непристойное объявление, распечатали его вместе с изображением и развешивают везде. Вот вам и негативное влияние доски объявлений Курозбоя-аки на воспитание молодежи...

– Ну-ка, покажите мне того распространителя... Эй! – в приказном тоне требует, краснея, Курозбой.

И вновь пекари в грязных фартуках, кухарки, чайханшики, толстые резвые ребята безудержным хохотом сотрясают тесную и жаркую чайхану.

– Что я говорил тебе... что говорил? Вот сам спроси у Курозбоя-аки... каждый день со злостью он срывает объявления, а что делает потом? Забирает домой и втихую читает их. От смущения он даже откладывает в сторону фото с одноклассниками... будто стыдно... И с нетерпением ждет ночи, а когда озорные женщины и их ворчливые мужья-слюнтяи из соседних комнат общежития наконец-то уснут, он начинает измерять свой... ха-а-а... ха-а-а...

Красный от стыда Курозбой бросается на улицу, его длинные до колен мягкие женственные руки и отвисший живот дрожат от ярости...

– Курозвой-ака... Курозвой-ака...

От молодого и задорного смеха вновь сотрясаются стены самсаханы, чайханы и пекарни, дрожит маленькая лавка фруктовых напитков и даже столовая национальных блюд.

– Эй, ака, не обижайтесь. Мы же шутим...

– Курозвой-ака, Курозвой-ака, стойте! Эй, сейчас будет готова ваша любимая слоеная самса...

– Поганки, вам всем интересно читать эти объявления. А еще ко мне пристаєте, сволочи! – гневно выкрикивает Курозвой, похожий на разъяренного быка.

Его неуклюжее тело живо перекачивается через дорогу к доске объявлений на обочине. Он вырывает тяжеленную металлическую кирку из рук рабочего в голубой спецовке, который, ломая асфальт, укладывал какие-то электропровода, и бросается на доску. От наносимых ударов доска с треском рушится, унося с собой мечты, разнообразные услуги, заработки, всевозможные намерения содержать семью, желания подороже продать свой дом. Стоящие недалеко самсапазы, люди на автобусной остановке, пассажиры маршруток, слоняющиеся без дела бомжи в полном недоумении смотрят, как неуклюжий человек, точно верблюд, точно большой изгибающийся, издающий хрипящие звуки резиновый мешок, остервенело крушит доску. Будто вымер весь древний петушиный род Курозвоя со всеми кохинхинскими, японскими, китайскими, малайскими породами... Он тяжело дышит, как взбесившийся взмыленный бык. При очередном ударе кирки с его толстых губ разлетаются брызги слюны, раздается хрип «Хай-хай-йу...», со скрежетом летят осколки стекла и щепы дощечек с приклеенными цветными бумажками.

– Курозбой-ака, что с тобой? – слышится сквозь гул проезжающих машин.

– Он сошел с ума. Начальство его прибьет за разбитые доски.

Пришедший в себя ремонтник отобрал у Курозвоя тяжелую кирку и отвел задыхающегося, с выпученными глазами человека в сторону самсапазов.

Привыкшие к ежедневным приколам самсапазы, шашлычники, продавцы прохладительных напитков, гуммы¹, мясных пирожков, торговцы айраном², продавцы наваленных грудой у входа в магазинчик «Coca-Cola», «Pepsi-Cola», «Ice tea», «Sprite», холодного чая и фруктовых соков, отдыхающие шоферы маршруток и обычные прохожие как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами, не обращая внимания на состояние холостяка Урозвоя.

Каждое утро, каждый полдень и каждый вечер появление на остановке толстого и длиннорукого, неуклюжего, как верблюд, Урозвоя сопровождалось смехом и веселой болтовней. А король доски объявлений Урозбой, как огромный вспухший дрожжевой пончик со скатывающимися большими каплями пота, крепко прижимая свою матерчатую сумку, переходил дорогу и, как всякий простодушный человек, забывая об обидах, заходил в самсахану. Молодые самсапазы с едва пробившейся светло-желтоватой щетинкой на вспотевших лицах подносят ему горячий чай. Он сидит, облокотившись о деревянную, до блеска засаленную спинку скамьи, кряхтя и слегка улыбаясь.

– Ака, что случилось, чем озабочены?..

– Ночью видели плохой сон?..

– Заткнись, Сайфи! Разные бывают состояния у человека. Ака, самса готова...

– Ака, эти объявления, кроме бабулек и стариков, нормальные люди не вешают. И не читают...

– Слава Богу! – говорит Урозвой, с наслаждением прихлебывая чай...

¹ Гумма – жареные пирожки с ливером.

² Айран – напиток наподобие окрошки из простокваши.

– Помилуй, Боже... Вот неправда... Сам видел... На доске возле базара две крутые девицы клеили объявление. Телефон их... – едва слышно говорит Урозвой...

– Ака... – в сторону короля объявлений тянутся молодые руки в муке с шумовками и скалками. – Ака, ака, четыре самсы с меня, только отдайте мне объявление, – просит молодой подмастерье, поднимая свой длинный белый колпак.

– Ну-ка, положи пока сюда две самсы, остальное съем перед уходом или заберу с собой... раз так, объявления красивых девушек я сниму и следы на доске удалю. Да, самую красивую девушку звали Гуля, – вспоминает Урозвой, вытягиваясь телом, словно большой красный червь, и пристально вглядываясь в молодых.

Не замечая насмешек и приколов, Курозбой бормочет:

– Боже мой... Слава Богу...

– Что у вас в руках, ака? – спрашивает пузатый Сайфи.

Курозбой вдруг замечает фотографию, на которой он со своими одноклассниками, и торопливо прячет ее в свою матерчатую сумку. Когда он смотрел на это фото, в душе хозяина объявлений сразу теплело, ему вспоминался родной Монок¹. Он размножил эти фотографии и наклеил на каждой из досок объявлений.

Самсапаз и его молодые подмастерья, раскатывающие тесто, мелко нарезающие лук – те, кто учился печь в тандыре, занимаясь своим делом, все еще смеются, рассказывая об очередных похождениях с девушками (самая любимая тема у неженатых парней!), хвастаются друг перед другом своими любовными приключениями. Время от времени под аккомпанемент шкворчащей в масле гуммы и шипение набухающей в тандыре самсы молодые подмастерья, кто с шумовкой, кто со скалкой в руках, точно молодые петушки, снимают напряжение, судорожно попрыгивая. Комнатка заполняется дразнящим аппетитным ароматом гуммы и самсы.

– Курозбой-ака, вас искал один парень в шикарных туфлях. С ним была... ух... девушка, очень похожая на модуль... ну, такие в телевизоре хвастаются своими платьями. Хотели что-то дать вам...

– Что мне дать? Неужто есть человек, который хочет и мне что-то дать? Не модуль, а модель... Эх, деревня!..

– Видел красивых девушек-моделей – есть такие: Наталья Водянова, *Клавдия Шифер*, – отвечает парень с видом знатока, вспоминая фото обнаженных женщин в своей комнате.

– Да, с открытыми сисями выходят в красивых платьях, – кивает в ответ Сайфи.

Вдруг Урозвой вспомнилась история о том, как одна скандальная женщина, через подлых посредников купив по объявлению перепроданный дом, подала на коммунальное хозяйство Урозвоя в суд. Он вспомнил лицо этой женщины и съежился.

– Может, это повестка в суд? Это тот фронт, который возмущался у остановки... кричал, угрожая, что по Ташкенту уже ходить невозможно от объявлений, прилипающих к туфлям, волосам.

– Курозбой-ака, теперь это ваша проблема, сами пишите и договаривайтесь

¹ Монок – поселок в Хорезмской области.

с тем шеголем в блестящих туфлях...

Курозбой жил один на окраине города в комнате семейного общежития, построенного в советское время давно закрытым кожевенным заводом. Оттого что каждый божий день с утра до ночи он был на работе, со своими соседями виделся лишь по выходным на общей кухне. Худые и полные соседки по субботам и воскресеньям готовили для своих детей пельмени, манты, хоним, пышки, хрустящую сладкую катламу¹. Стены комнаты Курозвоя были увешаны картинками: фотографии Хорезма 90-х годов, портрет Комилжона Отаниёзова² в папахе-шерози, минареты Хивы, фотография его родителей, сделанная в Хиве у стен Ичан-Калы, прекрасные индийские актрисы в красных сари, а в укромных местах висели изображения обнаженных актрис и моделей. Особое место занимала фотография, где он запечатлен с одноклассниками в десятом классе. Этот снимок он даже размножил в фотосалоне на базаре. Одну из копий приклеил в углу застекленной доски объявлений вблизи трассы. А когда стекло доски было разбито, он спас фотографию и, даже когда люди спрашивали: «Это без вести пропавшие?», не снимал ее с доски. Отважные и энергичные хорезмские парни 90-х, молодой и цветущий Урозвой с густыми, зачесанными назад волосами стояли, улыбаясь, рядом с девчонками. Этот снимок, запечатлевший один из самых светлых моментов его жизни, напоминал о беззаботной школьной поре, молодой матери, ушедшей из жизни, так и не увидев детей Урозвоя, о малой родине – Моноке, был дорог ему. Курозвой ненавидел этот воскресный шум и гам: нескончаемые песни и танцы, вечные ссоры и скандалы, слышные с первых этажей многоэтажки, неистовые окрики чайханшиков, разноязычные песни...

– Не надо, зачем, я же не просил у вас еды, – отказывался Урозвой, безуспешно пытаясь вернуть соседкам, жалеющим одинокого холостяка, тарелочку с мантами или хонимом, густо заправленными жареным томатом с приправами.

Соседский мальчик лет десяти с отросшими грязными ногтями, зимой и летом шеголяющий в одной рубашонке, протягивает ему бумагу, похожую на открытку с черными узорами.

– Это было в почте, – говорит мальчик и, схватив протянутую шоколадку, убегает, шлепая по цементному полу.

В этом общежитии жили бедные семьи, приехавшие в Ташкент из разных областей страны в поисках счастья, богатства и заработка, поэтому общежитие уже лет пятнадцать не ремонтировалось. Курозвой повертел черную бумажку с изображением каких-то иностранных музыкальных инструментов и непонятным текстом на английском языке и отправил ее в мусорное ведро под столом. В единый почтовый ящик общежития в основном бросали рекламные буклеты. В однокомнатной квартире все – от казана до швабры и веника – находилось под диваном. Самой ценной вещью в комнате был широкоэкранный плазменный телевизор, закрепленный на стене. «Плазма» досталась ему по дешевке от одной русской женщины, около года назад продававшей свою квартиру по объявлению. Вся остальная утварь – шкаф со сломанной дверцей, покрытый потрепанной клеенкой стол и маленький морозильник, который подпирался скалкой – были древними, как и сам хозяин.

Возвращаясь с работы домой, он часто размышлял, вспоминая слова Гитлера на подступах к Москве во время Второй мировой войны, который, услышав по

¹ Катлама – лепешка из слоеного теста, обжаренная в масле и посыпанная сахаром.

² Комилжон Отаниёзов – известный в Хорезмской области певец, Народный артист Узбекистана.

радио диктора Левитана с его неподражаемым «...Говорит Москва...», сказал, что первым после захвата Москвы он повесит за ноги Левитана. Сам Курозбой планировал, что, как только разбогатеет или займет какую-нибудь должность, непременно закидает для устрашения китайскими новогодними петардами чадающих с утра до вечера дымом шашлычников и этих наглых соседей, намертво, подобно столетним черепахам, засевших на первом этаже и под навесом общежития.

В его видавшей виды грязной матерчатой сумке для полезных объявлений всегда был клей, а для удаления вредных объявлений – скребок. Каждое утро Курозвой начиналось с удаления расклеенного повсюду неизвестным наглецом того объявления, которое так взволновало весь город. Курозвой прозвал наглеца Борзая псина. Управлением городской коммунальной службы ему было велено в течение двадцати четырех часов найти и задержать нарушителя порядка, а все его объявления конфисковать. Но, несмотря на многочисленные попытки, выловить бессовестного автора объявлений не удавалось.

Самая большая доска объявлений – рядом с многоэтажным домом и рынком Кадышева. Она находится за стенами пекарни и лавками, где торгуют всякими сладостями. Без конца мелькают зеленый, красный и желтый сигналы придорожного светофора, бесконечно носятся туда-сюда тысячи больших и маленьких машин. Тысячи лиц, судеб, желаний, несбывшихся надежд, как ветер, проносятся в машинах. «Покупаем дорого старые холодильники и газовые плиты...» – кричат в микрофон водители машин, груженных двумя-тремя сломанными газовыми плитами и стиральными машинами без крышек.

Внезапно с далеких гор и широких пшеничных полей налетел сильный вихрь и накрыл эти многоэтажки, бесчисленные машины, кусты и деревья. Все вокруг в одно мгновение утонуло в пыльном урагане. Ветер гудел в проводах, срывал торговые навесы, шуршал листьями деревьев у обочин. В порывах ветра кружились жестяные ящики, пластиковые коробки, упаковки от сладкой кукурузы и картошки фри, обертки мороженого, большие и маленькие объявления – судьбы, заботы, слезы, горести.

На светофоре, закрыв окна от пыли, остановился свадебный кортеж из пяти черных «Хаммеров» с белыми, красными, зелеными шарами и трепещущими на ветру шелковыми ленточками. Молодежь в авто кричала, смеялась, протягивая цветы и деньги девушкам в остановившихся рядом машинах. Невеста в белоснежном наряде с заплаканными глазами, словно вечерний цветок после дождя, казалась поблекшей и печальной.

– Ой, смотри на него, ну-ка, иди сюда! Ах, черт тебя дери! Говорю, не вешай, а он все вешает... Чтоб тебе с твоими объявлениями пусто было! Вон тот мальчишка вешал те бесстыжие объявления... вон, вон... лови его, держи, – кричала дворничиха Назмихон.

Мальчонка лет десяти-двенадцати с бумажными полосками в руке, проскочив меж высотных домов и изнуренных, сгорбленных людей, точно резвый жеребенок, упал из виду.

– Негодник, ты только посмотри, а, Сайфи! Гусака на восемнадцать сантиметров может увеличить! Да вместо гусака надо вытянуть бельевой прищепкой твой недоросший нос и намотать на хобот слону. Дурак! Насмотрелись Интернета, бестолочи! А родители знают, что их дети творят?.. Я и раньше раза два видела этого пацана.

– Ха-ха-ха-ха... – смеется Сайфи, из-под его цветного свитера виден трясушийся живот.

– Вообще с самсапазами, продавцами и водителями с этой улицы что-то не так... Ничем не отличаются от того малолетнего дурака! Да че ты все смеешься? – возмущается Назмихон, подбирая пустую баклажку с земли.

Возле доски объявлений дворничиха Назмихон изумленно замечает возникшего из ниоткуда улыбающегося Курозвой в черном костюме.

– Чем, Курозвой, так доволен, точно петух, помявший быка? Здесь люди умирают, а тебе все нипочем... Курозвой, никак со свиданки идешь?.. – интересуется Назмихон.

– Да, Назми... Смешно, что эти позорные объявления развешивал мальчишка. А я-то думал, что в Ташкенте появился сексуальный маньяк... А насчет костюма... так разговор есть, Назмихон, – важно отвечает Курозвой.

– О-о, так новости у тебя, оказывается, Курозвой... Не тяни... Ты че несешь, это же намного опаснее, когда не взрослые, а дети занимаются этим... – сердится Назмихон, выметая бумажный мусор.

– Назми, думай, что говоришь, не болтай, что на ум придет. Я рад, что это делает подросток, дети скачивают из Интернета, переводят с иностранных языков и вешают эти объявления. Для прикола... дурачатся. Вот сволочи, да? – посмеивается он, ногтями и лопаточкой соскребая объявления с еще непросохшим клеем.

Постаревшая в свои сорок лет от тяжелой жизни высокая смуглая Назмихон, стоя в тени от доски, шуршавшей объявлениями, словно дерево осенними листочками, опершись на свою метлу, растерянно озирается.

– Такой важный, будто нашел мешок золота. «Разговор есть»... Да какой у тебя может быть разговор? Этот костюм ты, небось, взял напрокат во-он в том салоне «Врата счастья» на первом этаже многоэтажки. Ха-ха-ха... эй, Курозвой, да ты еще рта не раскрыл, а я уже знала, что ты хочешь сказать, ну что ж, поинтересуемся... Так что с тобой случилось, Курозбой?..

– Ты че несешь, Назми? Это тебе не базар, не распускаяй язык! Теперь я тебе не вчерашний Курозвой! Помнишь того парня в лакированных штиблетах, который сначала ругался со мной? А теперь я вдруг узнаю, что он-таки позвонил девушке по объявлению, прилипшему к его туфле. А потом даже женился на ней. Недавно его жена родила ему тройню! Ну и дела... Даже не верится. Меня, Куроз... нет-нет, Урозбой, разыскивал он, спрашивал раза два-три. Эх, Назми-ой, не поверишь, вчера мы с ним ходили смотреть двухкомнатную квартиру за базаром Кадышева. Он эту квартиру решил оформить на меня – дал себе обещание сделать это, когда станет отцом, понимаешь, Назми? Сам до сих пор не могу поверить... Уже два дня не могу заснуть, понимаешь?..

Закаленная неустроенным бытом и тяжелой уличной жизнью Назмихон, волоча метлу, подходит ближе, оглянувшись, начинает смеяться:

– Ох-хо, здорово! Тогда женись на мне, Куроз... э-э-э... Урозбой... Ты же обещал жениться! Уж сколько лет с двумя детьми живу в Ташкенте на съемных квартирах. Заработанного ни на что не хватает. Я бы готовила тебе еду, стирала вещи, зажили бы мирно с моими девочками...

– Вот те на! Да ты соображаешь, что говоришь? – вытирая руки белым носовым платком, восклицает Урозвой.

– А что со мной не так? Вот, посмотри на мою фигуру. Сам же мне твердил,

что я красивая...

Назми, будто Урозвой намерен сейчас же на ней жениться, снимает платок, которым обвязывала лицо, чтоб не узнавали знакомые, и с метлой в руке начинает вертеться на месте.

– Да ты уже постарела, Назми... лучше мети свою улицу... расти детей. При случае помогу чем смогу...

Светофор мигает красным, желтым, зеленым. Машины останавливаются, сигналият. Доносятся музыка, песни.

– Эй ты, жирный король доски объявлений... – гневно восклицает Назми, подбоченясь подходя к Курозвою с метлой в руке. – Да тебя, верблюда с хоботом, даже завернутого в катламу, собака не будет нюхать. Че, думаешь, раз бросили тебе кость, так ты человеком стал? Тебе, резиновому мешку, я даже дотронуться не дам до моих в трещинах и мозолях рук. Мети свою улицу, да? Базарная баба, да? Да чтоб ты... и твой фронт... вместе с твоей доской объявлений посдыхали! Вот когда тебя, резиновый мешок, выбросят на улицу из той квартиры, будешь как спущенный шарик, вот тогда-то я с тобой поговорю!

– Назми, ты не поняла, Назми! Давай лучше отведем детей к няньке. На базаре купим продуктов и пойдем смотреть новый дом... после евроремонта. Это совсем рядом, за базаром... – уговаривает вспотевший Урозвой, не решаясь подойти к женщине.

– Да иди ты к черту, резиновый мешок! – донесся откуда-то голос Назмихон.

В это время в кармане костюма звенит сотовый Курозвоя. На мониторе высвечивается: «Асадбек». Сердце Курозвоя учашенно бьется, начинает кружиться голова. Он не в состоянии ответить на звонок... И вдруг замечает на земле фотографию. Она выпала из кармана, когда он вынимал телефон, – та фотография с одноклассниками... вся в песке и пыли...

Перевод с узбекского Гульнары ХИДИРОВОЙ

Гульнара ХИДИРОВА родилась в 1965 г. Переводчик с узбекского языка на русский. Старший преподаватель кафедры русского языка НУУз. Кандидат филологических наук.

ОБ АССАМБЛЕЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Фазлиддин ХАМПАЕВ

В конце октября 1995 года стало известно, что делегация деятелей культуры Туркменистана не будет принимать участие в среднеазиатском региональном «Форуме культур народов Туркестана», что было продиктовано принципиальным нежеланием Туркменистана входить в какие-либо международные политические, военные, экономические и даже культурные организации, о чем заявил Чрезвычайный и Полномочный посол Туркменистана в Узбекистане Солтан Пирмухаммедов.

А в начале ноября 1995 года в Ташкент из Парижа прилетел известный киргизский писатель, государственный и общественный деятель Чингиз Торекулович Айтматов, который принял участие в работе оргкомитета по подготовке и проведению Первого курултая деятелей культур народов Туркестана от Кыргызстана. Член оргкомитета от Узбекистана Народный писатель Адыл Якубов рассказал Айтматову, что посол Таджикистана в Узбекистане Таджиддин Марданов сообщил о намерении своего правительства отказаться от участия в работе «Форума культур народов Туркестана».

В ходе обсуждения данной темы в оргкомитете Чингиз Айтматов сказал: «Очень жаль, конечно, что делегация Таджикистана не будет принимать участие в таком важном для истории региона культурном мероприятии. Ну, раз не хотят, не надо. Как говорится, насильно мил не будешь!»

О том, что Таджикистан не хочет принимать участие в работе форума, я сообщил работнику организационного отдела Народно-демократической партии Узбекистана Абдували Самадову. Он был огорчен высказыванием члена оргкомитета от Кыргызстана Чингиза Айтматова о том, что европейские государства (около трех десятков) давно объединились и по экономическим, и по политическим, и по военным вопросам, а туркестанцы – всего пять малых государств – не могут объединиться даже в решении вопросов, касающихся культуры.

Таджикистан не должен оставаться в стороне от этого важнейшего в истории региона культурного события, решили мы. Самадов посоветовал мне поговорить со всемирно известным академиком, президентом Академии наук Таджикистана

Фазлиддин ХАМПАЕВ родился в 1951 г. в Самарканде. Окончил факультет иностранных языков СамГУ в 1974 г. Филолог, публицист. Занимал ответственные должности в государственных, общественных и предпринимательских структурах. С 1999 по 2004 гг. являлся вице-президентом международной Ассамблеи культур народов Центральной Азии. В настоящее время – советник ректора Ташкентского государственного аграрного университета по науке и литературе.

(с 1965 по 1988 гг.), председателем Общества дружбы и культурных связей с зарубежными соотечественниками, влиятельным политическим деятелем Мухамедом Сайфитдиновичем Асимовым¹, известным на Востоке как Осими.

Мы должны были успеть застать академика Осими в международном аэропорту «Ташкент» по его возвращении из Пакистана, где он читал курс лекций, переговорить с ним насчет столь значимого для стран среднеазиатского региона «Форума культур народов Туркестана».

Абдували Самадов сказал, что может говорить напрямую с самим президентом страны, так как имеет огромный авторитет и большое влияние в своей стране.

На следующей неделе в международном аэропорту «Ташкент» мы с Абдували Самадовым встретили знаменитого ученого и имели с ним продолжительную беседу на таджикском языке, что, на мой взгляд, значительно ускорило решение нашего вопроса. Осими обещал постараться убедить свое правительство решить этот принципиальный вопрос положительно.

Позвонив через неделю в столицу Таджикистана город Душанбе, я узнал у академика Осими, что он встречался с заместителем премьер-министра и получил согласие на участие таджикской делегации в работе форума культур народов региона. Академик сообщил также, что таджики принципиально против названия и не могут принять участие в работе «Форума культур народов Туркестана», так как таджикский народ не относится к группе тюркоязычных народов, это персоязычный народ... Академик дал номер телефона заместителя премьер-министра Таджикистана, чтобы провести от имени оргкомитета курултая с ним переговоры и решить технические вопросы.

По результатам переговоров делегация из пятидесяти человек четвертой страны региона – Таджикистана – приняла участие в работе форума, название которого было изменено на «Форум культур народов Центральной Азии».

Академик Осими наряду с другими деятелями культуры среднеазиатских стран был настоящим патриотом, и его роль в участии Таджикистана при создании Ассамблеи культур народов Центральной Азии неоценима. Академик Осими, как и обещал мне в ташкентском аэропорту, не только сам стал участником Первого курултая деятелей культур народов Центральной Азии, но и привез с собой президента Академии наук Таджикистана академика Ульмаса Мирсаидова.

Таджики предложили название – «Форум культур народов Центральной Азии», но Чингиз Айтматов и Тулепберген Каипбергенов отметили, что географически в регион Центральной Азии, кроме пяти наших республик, входят также Иран, Афганистан, Пакистан, Монголия и часть Китая.

Забегая вперед, скажу, что, как и предвидели Чингиз Айтматов и Тулепберген Каипбергенов, Пакистан и Иран захотели войти в Ассамблею культур народов Центральной Азии и с этой целью поручили своим полномочным представителям (министру и послу соответственно) провести официальные переговоры с руководством штаб-квартиры ассамблеи. (Дабы не быть голословным, могу ответственно заявить, что сохранилась копия письма, свидетельствующего о том, что Иран в 1997 г. хотел вступить в Ассамблею культур народов Центральной Азии).

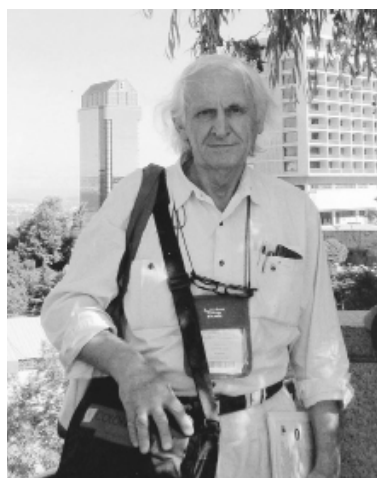
Являясь живым свидетелем важных исторических событий, хочу отметить, что история стран создается сильными и неравнодушными людьми, стремящимися оставить позитивный след в народной памяти.

¹ М. С. Асимов в 1996 г. стал жертвой террористического акта.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Марина БОРОДИНА

*Серго Михайлович Сутягин.
Ташкент, 2005 г.*

Оглядываюсь и вижу очень близко, за стеклом окна, Ташкент 70-х – 80-х годов. Вот же оно, время вдохновенных удивительных архитектурных идей восстановления города после разрушительного землетрясения 1966 года! Для многих читателей это далекое и неизвестное время. Но оно, это время, безлико без жизни и творчества поколения удивительных людей, объединенных одержимостью превращения Ташкента в большой современный город, наполненный «архитектурой с узнаваемым лицом Узбекистана». Следы этого стиля жизни – профессионального отношения к процессу внедрения нового строительства в черты исторического города еще живы. И они могут служить школой для молодых архитекторов, потому что это мастерство высокого класса.

Одной из необыкновенных фигур того времени является архитектор Серго Михайлович Сутягин.

Его профессиональная биография началась в 1960 г. с момента окончания архитектурного отделения Среднеазиатского политехнического института, за шесть лет до разрушительного ташкентского землетрясения. Первым и единственным местом его трудовой деятельности стал знаменитый проектный институт УзНИИП градостроительства. Сейчас это ГУП «Узшахарсозлик ЛИТИ».

Молодой специалист Серго Сутягин сразу влился в творческую группу архитекторов и конструкторов, начинавших работу над проектом крупнейшего в те времена в Ташкенте кинотеатра «Панорамный». Это были В. В. Березин, Ю. А. Халдеев, Д. М. Шуваев, что явилось для молодого специалиста «квалификационной школой» и дало возможность проявить свои творческие способности.

Нужно сказать, что Серго Михайловича отличали прекрасный вкус, широкий кругозор, интерес к творчеству живописцев, скульпторов, керамистов, народных мастеров и глубокое понимание его. Другими словами, это человек

Марина БОРОДИНА родилась в Ташкенте. Окончила отделение монументально-декоративного искусства ТТХИ в 1979 г. Профессор ТАСИ, академик Академии художеств Узбекистана.

эпохи Ренессанса, с широтой интересов, знаний и понимания. Гармония и синтез искусств превращает каждый проектируемый и создаваемый им архитектурный объект в достопримечательность, отличающуюся художественной индивидуальностью.

Благодаря интересу к профессии, творческим открытиям зарубежных архитекторов в сферу интересов Серго Михайловича вошли понимание, умение оценить декоративные свойства строительных материалов, их современная трактовка. Его идеи вызвали в свое время и восторг, и осуждение. Стекло и бетон в облике современного города – его любимая тема.

Многие взгляды на архитектуру Ле Корбюзье, французского архитектора и художника, его методы строительства оказались близки и понятны Серго Михайловичу, были им развиты и применены в архитектуре Ташкента, прозвучав как беспрецедентно смелый эксперимент. Он, как и Корбюзье, применял бетон в качестве и строительного, и декоративного материала. В его проектах этот материал, поверхность которого обычно в процессе строительства скрывал слой штукатурки, был превращен в самостоятельную выразительную субстанцию.

В brutальных мощных формах архитектуры чайханы на улице Самарканд дарвоза в Ташкенте (сегодня, к сожалению, переделанную) Серго Михайлович применил особую деревянную опалубку для бетонных конструкций. Изюминкой и особенностью в ней стал рисунок фактур сосновых досок, которую создавали отпечатки волокнистых структур деревянной опалубки на поверхности бетона. Они привнесли в дизайн внутреннего пространства кафе черты фортификационного сооружения, расположенного у въезда в средневековые самаркандские ворота Ташкента.

Абсолютное чувство стиля мастера отразилось в приверженности к «кирпичной архитектуре», особенно характерной для построек Бухары и Самарканда. Архитектуру его авторства отличает еще и ориентация на черты региональных культур – их эргономику, присутствие элементов прикладного искусства с современным и традиционным «лицом». Эти и многие другие нюансы, составляющие понимание черт новой архитектуры в исторических городах, и составляют главное качество одной из сторон творчества Сутягина. Примером тому является архитектурный облик здания Кокандского городского музыкального драматического театра. Скульптурные вставки изображают сцены из драматургии поэта Хамзы Хакимзаде Ниязи. Серго Михайлович, как человек эпохи Возрождения, привлек к работе известных художников из Ташкента и Коканда. Так, скульптурные работы для вставок были поручены Василию Попову и Эдуарду Егеру. Барельеф на фасаде выполнил скульптор Юрий Киселев. Живописную фреску в фойе театра исполнил Баходир Джалалов. Керамические элементы декора театра исполнили Александр Кедрин и художник-витражист Ирэна Липиене. За проект драматического театра в Коканде С. Сутягин был удостоен высокой награды республики – Государственной премии имени Алишера Навои. Проект театра – лауреат международного смотра-конкурса исламской архитектуры (Фонд Ага-Хана, 1989 г.).

Конкурсные и реализованные проекты Серго Михайловича, профессиональные и индивидуальные, позволили ему стать академиком Международной академии архитектуры (г. Москва), академиком Академии «КАЗГОР» (Казахстан), академиком Международной академии архитектуры (Болгария).

Серго Михайлович – человек-трибун, человек-праздник с открытым сердцем, общительный, доброжелательный, абсолютно лишенный чванства,

чувства собственного величия, не придерживающийся официальных штампов в поведении. География его проектов широка, а постройки, созданные им, разнообразны по тематике и характеру. Это памятник «Журавли» при въезде в Чирчик, торговый центр «Аркада» в Ташкенте, аэропорты в Термезе и Ургенче, Карши и Бухаре, новое здание музея Игоря Савицкого в Нукусе и др.

С 1990 г. Серго Михайлович – руководитель архитектурной мастерской, куда чуть ли не по конкурсу стремились устроиться на работу молодые специалисты, выпускники архитектурного факультета ТАСИ.

Особенно привлекательным для молодежи был стиль работы мэтра, легко откликнувшегося на участие в различных архитектурных конкурсах. А без интереса к такого рода профессиональной игре творческий процесс теряет актуальность. Для такой деятельности необходимо быть в курсе современных тенденций, существующих в мире архитектуры.

Но архитектура, конкурсные проекты не дают полного представления о широте таланта Серго Сулягина. Он относится к числу людей, которые не могут и дня прожить без «строчки» и линии. Сохранить в себе горение – главная задача настоящего художника-творца, и это не всем по плечу.

Серго Михайлович никогда не думал о признании, славе. У него не было необходимости утверждаться в глазах других – для него это было не так важно.

Было у него еще одно любимое занятие – графика: без суеты и спешки он продолжал создавать свой художественный мир, заселяя образное пространство белого листа любимыми лицами, родными уголками земли, какими-то дорогими сердцу предметами, словом, всем тем, что создает в конечном счете ощущение родной планеты. Это характерно для всей его творческой жизни.

В день его рождения (восьмидесятичетырехлетия – 23 февраля 2021 г.) Центральный выставочный зал Академии художеств Узбекистана в Ташкенте организовал выставку его графических, проектных и макетных работ.

Во всех его графических листах ощущается возвышенное и всепоглощающее чувство очарованности каждым днем. Но очарованность, как известно, бывает разной, как и свет. Он может быть искусственным – мертвым или ярко-вульгарным, но в графике Серго Сулягина свет совершенно иного происхождения – это свет неба, пронизанный кружевами веток, любовью тихой и всепрощающей. Подспудно присутствующие в графических листах образы семьи, дома, любимых дочерей – все это органичные сакральные мотивации для его творчества. «Созерцаю, восхищаюсь, воспроизвожу» – вот его творческое кредо, механизм познания окружающего мира. Все графические листы выполнены гелиевой ручкой. Но в некоторых случаях графика подшвечена – небо, вода, земля, листья.

Как и все архитекторы классического образования, Серго Михайлович свои идеи и поиски проектных решений воплощал в графических рисунках. Его эскизы, выполненные уверенной линией, быстрой рукой или даже самой мыслью, трудно отличить от рисунков Ле Корбюзье или Сантьяго де Калатравы. Ведь это мастера одного уровня.

В последний год жизни, оборвавшейся в августе 2021 года в ковидной больнице, Серго Михайлович самозабвенно актерствовал в хорошем смысле этого слова. Его давний друг режиссер Зульфикар Мусаков предложил ему роль в кино. Да не просто роль, а роль Леонардо да Винчи! Его талант, типаж внешности соответствовали «фактуре» образа гениального художника, инженера, математика, геометра, архитектора.

ВЗВОЛНОВАННАЯ ПАМЯТЬ

Рассказы

София ШЕЙКО-МАЛЕНЬКИХ

НА АБРЕ

Ее сердце сжимается и замирает от восторга каждый раз, когда она ступает на дрожащую спину лодочки, то и дело ныряющей под темно-синюю волну. Босые пальцы ног, торчащие из босоножек, обдаёт жаром нагретого дерева. И брызги волн цепляются за подол длинной, до полу, соответствующей местным правилам приличия юбки. Честно признаться, она удивительно легко приняла местные правила благопристойности, хотя перед переездом пролила немало горячих слез над своими мини-юбками. Голая кожа плеч и рук сгорает здесь моментально на открытом солнце. Длинный до пят подол лучше защищает от жары. А необходимость придерживать его, когда поднимаешься по лестнице, кружит ей голову. Это знакомое по фильмам и прочитанным в детстве книгам движение: узкая женская рука собирает в легкие складки нежную ткань. Так могла делать Анна Австрийская. Так всходили по каменным лестницам Изольда и Джульетта.

А тысячи уважительных теплых взглядов, получаемых ею от встречных стариков и старух, измотанных водителей автобусов, покрытых цементной крошкой работяг со стройки, поваров в белых фартуках в придорожных кафе – это, ей богу, стоит некоторых изменений в гардеробе. А взволнованные и нетерпеливые взгляды мужа, жадно впитывающие ее вот такую – укрытую-закутанную до самых пят? Они компенсируют вообще любые неудобства, даже если таковые бы и имелись! Но на самом деле их нет. Она и сама удивлялась иногда, как подошел ей, прямо лег в руку, этот знойный, песчаный, крикливый, сумасшедший город, похожий на восточный базар и площадку для съемок «Звездных войн» одновременно.

Его жаркое, пряное, в ветреные дни наполненное мелкими песчинками дыхание давно уже стало ее собственным. И этот вечный, разноголосый, разноязычный гомон людей, собравшихся здесь со всех сторон света, привнесших собственные обычаи, манеру одеваться, рецепты и песни. Вот

София ШЕЙКО-МАЛЕНЬКИХ родилась в 1977 г. в Перми. Окончила филологический факультет Пермского государственного университета им. М. Горького. Продолжила обучение в аспирантуре РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Стажировалась в Швейцарии.

тянет кардамоном вперемешку с крепким арабским кофе – это готовит кофе тучный улыбчивый иорданец. Вот тонкая смесь ванили и выпечки – это в персидском кафе пекут «воздушные» пирожные с кремом. А здесь жар пышет от печи, и черноокие, чернокудрые молодцы поют тягучую сладкую песню – это в марокканской харчевне выпекают лепешки на ужин. Проходит длинный рабочий день, и она уже не бежит, а просто тихо идет домой. «Чаю будешь?» – окликает ее веселый турок из шавермной на углу. На душе становится тепло и уютно. И горячий черный чай с имбирем и медом плещется в прозрачном стакане с красным турецким тюльпаном. Полная трудовых подвигов, жаркого воздуха и запаха чужбины жизнь неизменно приносит ей удивительные радости и волшебные мгновения.

Вот и теперь... переправа на абре – всего лишь середина длинного пути на работу и обратно, но сколько приятного таится в ней! Езда в автобусе в этом большом и по-восточному бестолковом городе предполагает стояние в «пробках». Духота набитых усталыми людьми салонов автобусов. Суетные разговоры и сетования. А на абре – чистый соленый ветер, серебристые брызги волн, выскакивающих из-под острого задравшегося носа лодки, и улыбки случайных попутчиков.

Абра – это маленькая деревянная лодка, растрескавшаяся от времени. Самое дешевое средство передвижения в этих краях. У нее нет высоких бортов или мягких сидений для туристов. Только широкая скамья посередине, на которую можно сесть с обеих сторон, спиной к спине. И просмоленная старая, растрескавшаяся крыша-навес над этой дошатай скамьей. Потому что в сорокаградусную жару даже самый бедный грузчик не выносит палящего солнца. Невысокие бока абр, уходящие в зеленоватую пенящуюся воду залива, обычно раскрашены вручную, кустарно и нелепо, наивно и искренне. Как правило, абры управляются рулем на веревочке. Он, как хвост рыбы, плоский: просто стоит на корме деревянная дощечка, наполовину опущенная в воду, а от нее к шоферскому месту тянется веревочка – куда дернешь, туда и повернет. Передвигаются такие абры с помощью старенького мотора, спрятанного в трюме почти под самым сиденьем водителя. Самое удивительное, пожалуй, что мотор работает на бензине, а лодка упорно пахнет корицей и имбирем. Как будто старое дерево упрямо хранит привычные запахи, не желая мириться со всякими новомодными изобретениями. Узкая, без затей лодка весело летит по волнам. А вокруг нее, близко-близко летают чайки, зорко поглядывающие по сторонам в поисках рыбки или брошенной кем-нибудь булки. Их толстые белые крылья рассекают воздух и оставляют легкую тень на поверхности воды.

Абра – одна из последних исчезающих реалий прошлого, когда в этих краях не было кондиционеров и скоростных автотрасс, а гордые, блестящие стеклом и металлом небоскребы не тянули свои макушки до самых небес. Абры еще помнят верблюдов, навьюченных тюками с липкими финиками и вонючей засоленной рыбешкой. Их борта хранят прикосновения старых сморщенных рук рыбаков, живущих от улова до улова. А сияющие воды залива помнят маршруты, по которым издревле бегали эти утлые суденышки. Когда-то они соединяли порт для большегрузных океанских кораблей, приходивших из далеких стран, с местными бойкими рынками специй, рыбы и тканей. Теперь залив углублен, укреплен современной техникой, так что большегрузы могут

подходить прямо к рынкам, да и вообще страна живет не столько торговлей, сколько туризмом, продажей недвижимости. А старые абры скорее из жалости, чем по необходимости, ходят еще по бухточке, разъединяющей две части разросшегося города.

Пожалуй, ей даже нравится, что зачастую на лодке она оказывается единственной женщиной. Существует более респектабельный и спокойный способ перебраться через бухту: по одному из трех мостов доехать на автобусе до большого вокзала на той стороне, а там пересесть на скоростной автобус-экспресс, лихо пропускающий часть остановок и, словно на крыльях, летящий к городку в пустыне, где она работает. Но автобусы обычно долго стоят в пробках на этих чертовых мостах. И на них никогда не попадают прохладные соленые брызги. Они не пахнут корицей и имбирем, поэтому она предпочитает эту уютную лодку, чтобы ошутить живое колебание волн, почувствовать тихий мягкий удар океанской воды о шершавое дно, улыбнуться взмокшему перевозчику и пробежаться – уже на той стороне, срезая путь к автобусному вокзалу, через тенистый восточный базар, заполненный кашмирскими шальями, персидскими коврами и остроносими, расшитыми блестками мягкими туфлями, которые носят султаны.

Днем воздух до того раскален, что становится практически густым, и ей приходится всякий раз делать усилие, чтобы втянуть в себя эту зыбкую горячую массу. Она не сразу попадает в легкие, а застревает где-то в горле. И маленькая женская фигурка несется и ныряет среди обжигающих каменных небоскребов, тротуаров, раскаленного железа машин и рекламных шитов. Вот она добирается наконец до набережной и по шатким мосткам взбегаёт на покачивающуюся у берега абру. Женщина легкомысленно мечтает, чтобы это шаткое сооружение перевернулось посреди залива, и бесконечный путь на работу (а ведь будет еще и обратный) вдруг обернулся бы купанием в притягательно-прохладной зелено-голубой воде...

Сегодня с самого утра дует ветер. Тот самый – песчаный и колючий, обжигающий и жесткий – ветер приближающегося лета... В городе он поднимает столбы песка, кружащие фантики, пустые бумажные стаканы из-под сладкого чая с перцем, разбросанные беспечными индусами.

А вот здесь, на заливе, он завивает гребешки волн, на которых, неспешно покачиваясь, сидят чайки, аккуратно сложив крылья на спине, будто катаются на качелях волн, то взлетая, то падая в зеленую пропасть.

Бедолага перевозчик едва стоит на подвижной палубе, не столько собирая деньги за проезд, сколько растерянно встряхивая пышными загнутыми ресницами, взмахивая руками, пытаясь ухватиться за столб. В образовавшейся неразберихе за нее вдруг платит молодой смуглый тонкокостный индус. Да, он отдает две сверкающие на солнце монетки за совершенно не знакомую ему белую женщину. И, судя по улыбке, тронувшей тонкие изогнутые губы, он чувствует себя в этот момент королем. Конечно, может быть, он и не собирался вовсе за нее платить, а просто лодочник ошибся и взял с него за двоих. Но у него вдруг закружилась голова и тепло стало на душе от самого предположения, что эта белая женщина может быть с ним...

И вот он улыбается ей, мотая головой: «Не надо, я уже заплатил». И сам смущается своей щедрости, немного пугаясь своей смелости – вдруг она не

примет его любезность? А она только легкомысленно улыбается в ответ и бросает легкое «спасибо».

Абра меж тем плавно разворачивается и по диагонали пересекает залив. Она проплывает мимо главной мечети, правительственного дворца, рынка специй, базара шелков, голубиной площади. И каждый раз при встрече с волной нос ее задирается к небу, а потом громко плюхается, зарываясь в волну, и тучи брызг искрящимся фонтаном летят по сторонам, обдавая ноги пассажиров приятной прохладой...

А потом, уже на другой стороне залива, маленькая юркая абра чуть не врежется в огромную баржу, прогудевшую ей низким басом. Большой корабль раздувает свои деревянные бока от осознания собственной важности, как хорошо наевшийся тощий бездомный кот. Но, просигналив возмущенно в ответ, маленькая абра все же выскакивает в последнюю секунду прямо из-под носа морского задаваки: до влажного, крутого, как у деревенской коровы в конце долгого летнего дня, бока рукой можно достать. Вокруг обоих участников происходящего в разные стороны движутся огромные волны, незадачливая абра окунается в них по самые борта, так что девушку с ног до головы окатывает зеленоватой, прогретой солнцем водой. Большой корабль гордо ухмыляется, но и пассажирам незадачливой, чуть было не потонувшей лодчонки удалось увидеть подноготную напускной важности. На корме возносящейся ввысь баржи сохнут чьи-то заштопанные носки, драные майки, на носу пристроился ящик с чахлыми помидорами. Вот баржа неловко качнулась – за борт летит огромный мешок с корицей. Какая жалость! Слышны всплеск и смачная ругань матросов. Абра же упрямо держит путь к неизбежно приближающемуся причалу. Там, на накренившейся узкой пристани, все опоры и столбы которой обросли белыми морскими ракушками, прибывающих ожидают крики чаек и голубей.

Путешествие по воде завершено, девушке опять бежать на автобус... И она вдруг думает: «Может быть, для этого молодого паренька те две монетки – ошутимая трата? Хотя, может, не столь значительная, скорее, заметная». Сияющий вид парня – подтверждение ее догадки. Вероятно, сейчас он преисполнен чувства собственного мотовства и благородства...

На пристани паренек, уже войдя в роль монарха, учтиво подает ей руку. «Как вы?» – участливо спрашивает. А потом, покачив головой, серьезно заключает: «Это очень плохая переправа».

«Вовсе нет, – думает она на бегу к автовокзалу, – такой чудесной переправы у меня еще никогда не было...»

А потом еще долго-долго носит с собой ту монетку, которая так и не пригодилась ей на переправе...

СЧЕТ

Он отложил кисточку и осторожно переступил затекшими ногами. С каждым годом рисование иероглифов становилось для него все более тяжким трудом. И дело оказалось вовсе не в самом процессе их написания. Натренированная за долгие годы рука словно бы сама собой совершала необходимые движения. Нажать, замереть, чуть приподняться над страницей. Финальный разворот

и легкий взмах, когда только самый кончик послушной кисти словно бы в задумчивости касается бумаги. Нет, рисование для него никогда не было трудным делом. Тонкая белая или чуть желтоватая поверхность листа жадно впитывала тушь, словно бы теплая ладонь матери стирала детские слезы, а вместе с ними и все ребячьи обиды и печали. Чистый лист бумаги как будто ждал его, готовый выслушать все горести, обнять, утешить и подарить легкость любимой работы и удовлетворение от хорошо выполненного дела.

Но для того чтобы рисовать, надо было стоять. Настоящее искусство каллиграфии подразумевало свободу движения руки, которая оказывалась в скованном состоянии, если он сидел. Когда же он стоял, сильно затекали ноги и постепенно начинало казаться, что в венах не кровь, а толченное стекло. И глаза подводили. Ясность зрения уже давно исчезла, и никакие очки не могли разогнать тот туман, который начинал окутывать предметы, стоило только какое-то время поработать над рисунком. Особенно мелкие детали – пестики у лотосов, молодые, еще не раскрывшиеся листочки на бамбуке. Тонкие прожилки на листьях хризантем. Теперь он мог рисовать только так: полчаса работы, полчаса – отдых. Собственное тело изменяло ему. Столько лет служило надежным помощником в заработке на рис насушный, а вот теперь... Теперь после получаса сосредоточенной работы ощущалась тяжесть в спине, огнем наливались ноги, перед глазами сгушалась тьма.

Сегодня было как-то необычно светло. Он осторожно пошевелил плечами и оглядел свою мастерскую. Маленькую комнатку с бетонными стенами, шероховатым, давно не крашенным, уже сильно скрипящим полом. Когда жива была его жена, она приходила сюда раз в неделю и убирала. Ничего особенного, несколько взмахов мокрой тряпкой по пыльному стеклу узкого окна, небрежное шуршание старой всклокоченной швабры по мокрому полу. Но и эта минимальная уборка придавала, как оказалось, удивительно обжитой вид рабочему помещению. Он хорошо помнил, как гордились они с женой, когда он наконец-то получил эту мастерскую. Тогда проходила выставка молодых дарований: смена коммунистических поколений, красные флаги торжественно развевались над входом в большой зал, где избранные художники произносили торжественные речи.

«Я глубоко благодарен мудрому руководству нашей замечательной партии...» Он до сих пор помнил слова той речи. Еще бы! Они с женой долго репетировали ее. В их маленькой однокомнатной квартирке на первом этаже фабричного дома никак не помещались все его кисточки и бумажные свитки. Баночки с тушью стояли в том же шкафу, где и соль, что неимоверно раздражало жену... Очень важно было, чтобы слова звучали торжественно.

«Необходимо скорейшим образом заклеить и...» – нет, эта часть фразы из другой речи.

Вот ведь какова старческая память, вечно подсовывает что-то не к месту.

«Наше государство – наша опора. Оно, на зависть всем врагам и злопыхателям, работает. И неплохо работает, просто замечательно!»

Он до сих пор помнил, как звенел его голос в проникновенной тишине. А как же не звенеть, ведь еще до открытия выставки начальник секции шепнул ему на ушко, что за заслуги перед коллективом и отечеством именно ему, как

молодому дарованию, будет выделена мастерская. Все для народа, а как же иначе?

На стене висела газетная вырезка. В местном еженедельнике про него тогда тиснули целую статью. «Молодежь обличает». И в самом конце ее даже немножко про его картины.

Почему-то он тогдашний, молодой, и стоящая рядом с ним верная жена сейчас не вызвали удовлетворения или радости. Он тихо вздохнул. Потом, кряхтя и шаркая непослушными затекшими ногами, подошел к окну. И – замер. Весь двор, пара облезлых кустов, вчерашний мусор и даже бамбуковая метла Хунь Сана, ворчливого дворника, были занесены снегом. Толстым слоем на всем лежала пушистая белизна, скрывая разбитый асфальт у подъезда, пару поломанных кустов под окном и неизменный мешок с очистками, который бывший водитель автобуса, а ныне уважаемый исполнитель народных песен в общественном клубе района Хен Ян обычно выбрасывал из окна по утрам.

Снег засыпал все. Вот почему так холодно. Да, такой снегопад был, пожалуй, лет эдак пятьдесят тому назад. Был выходной, они, тогдашние студенты техникума, высыпали на улицу. И Юн Вей в каком-то дурацком красном свитере принялся скакать по сугробам, лепить снежки. Он всегда был заводилой, этот Юн Вей. Чем бы он ни занимался, делал это так азартно, что вокруг него немедленно собирались последователи. Вот и теперь несколько ребят тоже принялись лепить снежки. Вскоре уже весь их факультет охватила снежковая лихорадка, ребята азартно кидались снежками, хохотали, кричали. Раскрасневшиеся, взмокшие... Какое простое и незамутненное счастье было тогда!

Он только покачал лысеющей седой головой. Из окна было видно, как выскочил мальчишка на изменившуюся до неузнаваемости под белоснежным покровом улицу. Ошалело стал оглядываться по сторонам. Потом, ведомый странным чувством, зашагал по снегу, разглядывая свои следы. Затем, проникнувшись каким-то нелепым, но абсолютно непреодолимым порывом, забросил портфель к забору и принялся бесшабашно скакать по темным отпечаткам на белом снегу. Вот женщина в длинном дорогом пальто осторожно прошла по дороге, стараясь не попадать в снежные сугробы. Да куда там! Они были повсюду, возвышались маленькими снежными горками, как кочки на болоте. Женщина после каждого попадания остроносой туфелькой в такой сугробчик раздраженно встряхивала ногой и кривила тонкие губы, что делало ее вдруг удивительно похожей на худую уличную кошку, брезгливо разгуливающую на помойке.

А вот пробежала парочка. Девчушка и парень, практически в обнимку, списывая неприличность объятий на то, что зонт у них один и не так велик, а с неба до сих пор валили и валили большие бесшумные снежные хлопья. Парочка остановилась в конце улицы рядом с торговцем сладкой картошкой. Ее обжигающая оранжевая мякоть тяжелым крахмальным сгустком надолго оседала в животе, утоляла голод. Когда он учился в техникуме, то частенько прибегал к этому незамысловатому ресурсу сытости. Снег за окном все валил и валил, но даже из его узкого полуподвального окошка было отчетливо видно, как девушка доверчиво прижалась виском к плечу своего парня, а тот бережно и осторожно поддерживал ее за локоть.

Где-то в глубине сердца шевельнулось сожаление, в голову опять полезли непрошенные мысли. Он никогда и ни с кем не ходил так вот, под руку. Его брак с женой устроили родители, за что им спасибо огромное – не пришлось мучиться с выбором, не пришлось рисковать, ошибаться, даже отвлекаться от учебы и коммунистических выступлений. Они жили довольно мирно, сдерживаясь и терпя друг друга, как неизбежное зло. На людях мило улыбались, дома по большей части молчали, не говоря ничего сверх необходимого. Соседи, слыша тишину их квартиры, всегда считали этот брак удивительно счастливым. А он отчетливо помнил, как не смог сдержать вздох облегчения, когда получил известие из больницы, что его жена умерла. Наконец-то в доме станет просторнее и тише!

А теперь вдруг где-то в глубине души зарождалось странное сожаление о том, что к нему никто и никогда так вот доверчиво не прижимался, деля хрупкое тепло и малюсенький зонтик. Нелепое, неизвестно откуда взявшееся чувство потери... как будто он пропустил в жизни что-то очень важное. Некстати вспомнилась Вей Вей, девушка того самого заводилы Юн Вея. Да, они часто ходили вот так, в обнимку, бесстыдно прижавшись друг к другу, но ярко вспомнилось почему-то не это.

Перед глазами всплыла отчетливая картинка: холодный серый свет из окна отражался на гладком, наполовину выбритом затылке. Отступников и предателей линии партии нужно было заклеить перед лицом всего коллектива. Острое лезвие бритвы равнодушно сбрасывало часть волос, позоря и высмеивая. Наказуемый переставал быть похож на человека и становился уродом: половина головы гладко, по-арестантски, выбрита, половина – с волосами. Так мудрая партия наглядно показывала, как внутреннее уродство отражается внешне. И хотя внизу преступника уже ждали компетентные органы, каждый сокурсник отщепенца должен был подойти и плюнуть ему, несчастному, в лицо. Длинная очередь двигалась медленно, шаркая ногами. Этот цвет, сочетание цветов никак не выходили у него из головы. Красный свитер весело гомонящего Юн Вея на белом снегу. Красная капелька крови на бледно-белом, только что выбритом затылке.

«От лица моих сокурсников выражаю презрение и негодование от поведения...»

И дикий крик ворвавшейся в класс Вей Вей: «Нет, не смейте, отпустите его!» И как она смотрела на него тогда! Глаза черные, бездонные, сама белая, как этот треклятый снег. И как у него самого отлегло тогда от сердца: «Как же хорошо, что я с этой дурой не связался!»

А ведь нравилась она ему поначалу. И он даже пытался за ней ухаживать. А она вон какая глупая оказалась. Она могла же даже на процедуру публичного презрения не приходиться, так как училась на другом факультете и на год младше. Была из бедной многодетной семьи. Ей никто бы даже и не напомнил эту порочащую связь. А она вон что устроила! Так вопила, будто режут ее. Поперек коллектива пошла. Дверью грохнула, скандалить принялась. Конечно, всем такое поведение сразу стало неприятно. Во-первых, коллектив ошибаться не мог. Большинство – оно там, где правда. А кучка каких-то жалких

маргиналов-отщепенцев не должна бросать тень на свершения могучей и мудрой... Во-вторых, получалось, что она одна такая храбрая, что посмела выступить «за», а остальные вроде как и не при делах. Любили-то этого Юн Вей все. И восхищались им, и дружили... Не только она одна.

Эту дуру тоже потом обрили. Глупо. Тогда-то он впервые подумал, что его жена очень даже неплохой вариант. Она вот так орать перед всеми сокурсниками не стала бы.

Для процесса над бузотерами нужны были публичность и веское слово сокурсников. Многие ребята отказались почему-то. Как же, этот Юн Вей всегда был заводилой... Улыбчивый, шумный, он всегда был весел и мог развеселить других. Но если партия просит, каждый порядочный ее член должен откликнуться всем сердцем. А потом тот человек из компетентных органов попросил подписать бумагу. Там говорилось, что подписавший самолично слышал, как Юн Вей произносил речи, порочащие достоинство коммунистической партии Китая. Ну отчего же не подписать? Тем более, что тесное сотрудничество с органами нешуточно приближало наличие вождельной мастерской. А этот Юн Вей... он же все время сам напрашивался. Молодежь-то работала! Она решала вопросы... разбиралась с практической работой!

Вот и Вей Вей эту тоже арестовали. Он больше ничего не знал об этих двоих, хотя и не особо интересовался. Они с женой только в недоумении пожимали плечами – бывают же такие неприятные и неумные люди!

С неба огромными хлопьями медленно падал снег. Какие только мысли не полезут в голову, когда глядишь на такое странное явление природы. Сделав пару глубоких терапевтических вдохов, он медленно отвел взгляд от неправильной улицы и пошел к столу, на котором его ждал чистый лист. Глупости все это. Уже привычным усилием он прогнал прочь мимолетное ощущение горечи и потери. Нахлынувшие воспоминания столь неправильны, как этот нелепый снег, от которого ничего не останется уже завтра утром. И только снежный холодок под сердцем указывал на то, что какое-то сожаление все же было. Он едва добрал до своего стола. Рядом с белоснежным листом поблескивало в полумраке фарфоровое блюдце палитры. Лист словно манил и звал нежные воздушные краски...

Похоже, пришла пора рисовать хризантемы.

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

ВОСТОК, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ ЗАПАДА

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут.*

Р. Киплинг

Арабская поэзия к первой половине VIII века поднялась на довольно высокий уровень развития: уже были разработаны ее законы, существовали такие жанры, как восхваление, газель, описание возлюбленной, ода, касыда, кыта, исполнявшиеся на разных торжествах и церемониях.

X – XI века стали периодом расцвета арабской культуры в Испании. Страна была разделена на тридцать одно маленькое государство, правитель каждого из которых мнил себя халифом и представлял свой дворец средоточием крупнейших деятелей культуры, науки, искусства и литературы. Появились талантливые представители поэзии, прозы, фикха, различных отраслей науки, искусства и зодчества. В арабоязычной поэзии Испании нашли свое продолжение традиции бедуинской поэзии, сформировавшейся на Аравийском полуострове в древнейшие времена. Поэты Испании, далекой от бедуинской поэзии, нередко вводили в свои стихи образы пустыни, песчаных барханов, верблюдов, которых сами никогда не видели. Позднее, в X – XI вв., эти древние традиционные символы теряют значимость, уступая место нюансам восточной поэзии – воспеванию красоты, радости жизни, восхвалению правителей, мещенатов, зачастую представлявшихся в образе возлюбленной, которой поэт выражал свою верность. Величайший поэт того времени Ибн Зейдун вдохновенно воспевал свою любовь к дочери правителя поэтессе Валладе, красоту и беспечность возлюбленной, свою несчастную, безответную к ней любовь.

Для произведений была характерна дидактика. Литературе того времени были свойственны высокое мастерство, необыкновенное изящество и одновременно чувственность. Основной тематический круг андалузской поэзии составляли любовь и красота возлюбленной, очарование природы, цветы, красивая беззаботная жизнь. В испаноязычной поэзии XI – XII вв., в отличие от классической восточной поэзии на арабском, персидском и тюркском языках, в отношении к возлюбленной преобладали чувства, предпочтение отдавалось

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Кандидат филологических наук, профессор. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Неоднократно награжден за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

внешней, физической, красоте.

В Испании широкое развитие получили такие жанры арабской поэзии, как мувашшах и заджалъ. Арабская поэзия основывалась на бейтах-двустушиях, а основу мувашшаха составляли строфы. Этот жанр, корни которого уходят в исконную арабскую литературу, явился плодом культур, родившихся в результате сближения литератур двух народов. Маджал, расцвет которого приходится на XII – XIII вв., исполнялся под музыку самим автором или певцом, а слушатели подхватывали припев. Заджалъ имел двойкий смысл: любовь к возлюбленной или возлюбленному и обращение к своему меценату (покровителю), восхваление его щедрости и великодушия.

В испано-арабской поэзии любовь имела не только свойственное суфизму символическое значение, но и значение реальной светской любви. Сотни стихов созданы также о вине, природе, садах, цветах, великолепных зданиях, предметах искусства; десятки поэтов состязались в восхвалении цветов.

У арабов широкое распространение получила филологическая наука, синтезировавшая литературоведение и языковедение. Арабские языковеды строили свои произведения на основе многочисленных примеров из древней арабской поэзии. Это привело к созданию тазкира, словарей, поэтических сборников и комментариев к ним. Постепенно формировалась литературная критика.

Известным представителем получившей развитие в Испании прозаической литературы является Абу Мухаммад Али ибн Ахмад аль-Андалуси, сокращенно Ибн Хазм (994 – 1064) из Кордовы, известный в Европе как Абенхазм. Он был авторитетным исламоведом, правоведом и политическим деятелем, испытывавшим на себе все перипетии переменчивой эпохи. Неустойчивость политической жизни, начиная с 1031 года, заставила его вести скитальческий образ жизни. С этого времени Ибн Хазм полностью посвятил себя творческой работе. Первое же крупное новаторское произведение поэта-ученого – философский трактат «Ожерелье голубки» («Тоукал-хаммана») – привело всех в изумление, оно было посвящено любви, и основная его часть состояла из газелей, любовных рассказов, эпизодов из придворной жизни, жизни гаремов. Как известно, отношение к женщине в исламском мире было иным, нежели в Испании, где большинство составляли христиане и где женщина была относительно свободной. Об этом и свидетельствует произведение Ибн Хазма, хорошо знакомого с царившими в гареме интригами и заговорами, живо изобразившего жизнь при дворе правителей. Свои теоретические рассуждения ученый комментирует отрывками из стихотворений андалузских поэтов. В трактате автор уделяет больше внимания языку и стилю произведения, чем его содержанию. Трактат состоит из введения и тридцати глав. Сам автор так пишет о содержании произведения: «Я разделил свое послание на тридцать глав, из которых о корнях любви говорят десять... Двенадцать глав касаются случайностей любви и ее свойств, похвальных и порицаемых... О бедствиях, которые постигают любовь, говорится в шести главах... Двумя главами мы заключили послание – главой о мерзости греха и главой о достоинствах целомудрия»¹.

В Средние века Восток для народов Европы являлся и идеологическим врагом, и благотворным источником новых для своего времени и уровня развития материальных ценностей. Влияние Востока на Запад, в частности, на Европу, проявилось во всех сферах жизни общества. Осуществлялось это влияние через арабскую Испанию, норманнскую Сицилию и крестовые походы. К сожалению, этот вопрос не получил всестороннего научного освещения, так как европейские ученые стараются отрицать степень этого влияния или в лучшем

¹ Ибн Хазм. Ожерелье голубки. – М., 1967, с. 12-13.

случае умалчивать о нем, а их восточные коллеги, особенно выходцы из арабских стран, пока что очень осторожно приступают к его исследованию. А ведь этот процесс подготовил почву для формирования идеологии эпохи Возрождения, создал основу будущего развития Европы. Это можно проиллюстрировать судьбой жанра заджалъ, получившего развитие в арабской Испании и оказавшего влияние не только на провансальскую поэзию, но и на творчество романских народов. Широко распространенные во Франции и Италии стихи в форме заджалъ исполнялись в деревнях и на рыночных площадях кочующими певцами и танцорами в сопровождении музыки, ритмов звучащих кастаньет и танцев. На наш взгляд, заджалъ еще до поэзии трубадуров оказал влияние на народное творчество провансальцев: в народе распевались стихи-подражания ему. Впоследствии этот жанр под влиянием как народных песен, так и испано-арабских заджалей получил развитие в литературе Прованса.

Первым провансальским поэтом, писавшим стихи в форме заджалъ, был граф Гильом XI. Такие стихи получили распространение не только в Провансе, но и среди всех романских народов. В них сохранялся или не сохранялся припев, который в народных песнях (балладах, рондо и др.) обязательно присутствовал, ибо эти стихи-песни были рассчитаны на широкий круг слушателей. Как вид литературного произведения, появившегося и получившего развитие в XI – XIII вв. в арабо-испанской литературе, спустя несколько десятилетий они естественным образом перешли в христианские страны.

Западные ученые-исламоведы утверждают, что светская любовная поэзия у романских народов в Средние века возникла под влиянием латинской литературы. Однако в этих регионах античного периода не могло быть и речи о распространении любовной поэзии на латинском языке, как еретической литературы. Поэзия, создаваемая лириками на латинском языке, была сугубо религиозного характера. В средневековой литературе, созданной на латинском языке, нет ни одного стихотворения в форме заджалъ, а в арабо-испанской поэзии имеется много стихотворных произведений в форме четверостиший, где рифмуются между собой первые три строки каждой строфы и последние четвертые строки всех строф. Это свидетельствует о том, что провансальцы, французы, итальянцы создавали поэтические произведения в подражание восточной поэзии. Если арабо-испанская любовная поэзия была создана в IX – X вв., то этот жанр трубадуров Прованса начал активно развиваться с XI в. На формирование и развитие провансальской поэзии, помимо арабо-испанской поэзии, заметное влияние оказала народная песня.

В то время как на протяжении трех веков проблема влияния восточной поэзии на западную является предметом горячих споров ученых, влияние в области прозы признается почти всеми. Если XII в. был веком активного перевода на латинский язык научных трудов аль-Хорезми, аль-Фараби, Ибн Сины, Газали, Ибн Рушда, а также произведений древнегреческих ученых и философов, то XIII в. характеризуется в основном переводом их на испанский язык (Коран, рассказы «Тысячи и одной ночи», «Тайна тайн», «Калила и Димна», «Сендебар», «Синдбаднаме» и др.).

Король Альфонс X Мудрый, сам являясь известным ученым и писателем, кроме научных трудов, создавал также художественные произведения, руководил литературным процессом своего времени и всячески способствовал его развитию. В его время были созданы нравственно-политические и морально-философские трактаты, которые являлись в основном подражаниями произведениям восточной литературы и, что особенно важно, оказали большое влияние на развитие европейской культуры и литературы. Перечисленные произведения и по своей композиции, и по дидактической направленности

содержания воплощали характерные особенности литературы народов Востока.

Развитие науки, техники, литературы, искусства, особенно философии в странах Европы, эпоху Возрождения и ее основную идеологию – гуманизм, еретические течения христианства невозможно представить себе без влияния Востока. Без влияния философии суфизма нельзя объективно судить об организации францисканских монахов и их учении (XII – XIII вв.), без учения исмаилитов – о широко распространенных в странах Европы, особенно в Южной Франции, еретических течениях катаров и альбигойцев, без крестовых походов на Восток – о разгромленной Папой Римским организации тамплиеров, ибо философия суфизма и учение исламистов создали почву для формирования нового мировоззрения в Европе. Эти изменения в общественной и культурной жизни общества обусловили распространение восточной науки и философии, учений аль-Хорезми, Кинди, аль-Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда. Благодаря трехстороннему влиянию арабской Испании, Сицилии и крестовых походов в Европе стало формироваться новое научное мировоззрение, возникли материалистические в своей основе учения Сигера Брабантского, Амальрика, Роджера Бэкона. Кроме того, влияние Востока способствовало формированию и развитию в странах Европы общечеловеческой культуры: личность человека, его достоинства, погрязшие христианской религией и церковью, стали занимать ведущее место в литературе и философии.

Исследователь творчества Данте И. Н. Голенишев-Кутузов так характеризовал этот период: «Ближний Восток передал в X – XIII вв. Западной Европе не только переводы с греческого, комментарии к Аристотелю, Проклу, Галену, но и оригинальные научные труды арабских и арабо-европейских ученых. В V – XII вв. в Багдаде при дворе Абасидов, в Кордове – Омеядов и Альмовидов процветали замечательные школы ученых, связанные с математиками и мыслителями мусульманской Средней Азии. Таким образом, от Самарканда до Толедо (перешедшими со всеми арабскими библиотеками в руки христиан в начале реконкисты) тянулась одна линия культурного развития. Европа до самого XII в. была лишь периферийной областью греко-арабской науки»¹.

Влияние восточной культуры, философии, науки и литературы прежде всего ощущалось в Северной и Южной Франции, Провансе, Италии. В области литературы в Провансе под влиянием восточной поэзии сформировалась поэзия трубадуров и труверов, в Италии – «новый сладостный стиль». В различных городах Франции и особенно в парижском университете широкое распространение получили учения аль-Фараби, Ибн Сины и Ибн Рушда. Это течение известно под названием латинского аверроизма. Впервые сформировавшийся во Франции XIII в. латинский аверроизм на протяжении нескольких веков оказывал плодотворное влияние на формирование и развитие прогрессивной идеологии в Италии, Германии, Нидерландах и Англии.

Интерес к математике, астрономии, химии и медицине также ширится благодаря влиянию восточной науки в Испании. Наряду с наукой и философией свое влияние оказывает и высокоразвитая культура, сформировавшаяся в VIII – XII вв. в результате сближения и слияния элементов культур народов, населявших обширный регион от Испании и Египта до границ Китая, объединенный под знаменем ислама. Уже в 982 – 1038 гг. зодчие Южной Франции при проектировании и строительстве архитектурных сооружений используют методы и приемы восточных мастеров. Канадский ученый А. Деноми, опираясь на этот факт, заключает: «Путь, открытый для зодчества и изобразительного искусства, разве мог быть закрыт для поэзии и прозы?»²

¹ В кн.: Denomy A. J. Concerning the accessibility of arabic influences to the cartiest provansal troubadurs. Mediaeval studies. Vol. XV. – Toronto, 1953, p. 147.

² Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. – М., 1972, с. 42.

Кодиржон НОСИРОВ

ОБ АДЕКВАТНОСТИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА

Известный узбекский поэт Абдулла Шер в 2016 году выпустил сборник стихотворений «Куртакларга беркинган баҳор» («Предвестники весны»), где в разделе «Юракда сусаяр куёшнинг ёди» помещены переводы на узбекский язык двадцати стихотворений Анны Ахматовой.

Абдулла Шер предпослал своим переводам своеобразное поэтическое предисловие под названием «Анна Ахматова». В нем он очень высоко оценивает талант русской поэтессы и выражает восторг по поводу ее стоической жизни. Ответ на вопрос, почему узбекский поэт взялся за перевод стихов Анны Ахматовой, содержится в строках его стихотворения, которые в переводе звучат так: «Когда перелистываю ее книги, испытываю гордость, что я тоже поэт».

Первый из переводов называется «Кўмгин мени, кўмгин, шамолжон». Это переложение стихотворения «Хорони, хорони меня, ветер!», написанного А. Ахматовой в 1909 г. и опубликованного в ее первом сборнике стихотворений «Вечер» (1912).

Лирическая героиня этого стихотворения – очень одинокая женщина. Она представляет себе, как умерла в полном одиночестве, ведь хоронить ее некому, даже родные не пришли проститься. Поговорить ей не с кем, поэтому она обращается к ветру:

*Хорони, хорони меня, ветер!
Родные мои не пришли.*

Образ ветра в этом элегическом стихотворении в определенной степени переключается с олицетворением ветра, встречающимся в восточной поэзии. Правда, в восточной поэзии ветер чаще выступает как посыльный между влюбленными. Ему доверяются сокровенные мысли и чувства лирического героя. Вот, к примеру, строки из газели Алишера Навои:

Ветер утра, в тиши ты усладе души о моем состояньи скажи,

Кодиржон НОСИРОВ родился в 1947 г. в Наманганской области. Окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Кандидат педагогических наук, профессор НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и более четырехсот научно-популярных статей. Переводчик.

*Ей – с цветущим лицом, с черной пряди кольцом, тонкостанной –
с признаньем скажи¹.
(Перевод Н. Ильина)*

Быть может, образ утреннего ветра навеян Ахматовой восточной традицией? Думается, что этот отдаленно ориенталистский элемент в стихотворении делает понятнее узбекский перевод стихотворения русской поэтессы узбекскому читателю. В переводоведческом же аспекте – при сравнении оригинального русского текста стихотворения с переводом – общий для обеих национальных поэтических традиций элемент в определенной степени может помочь переложителю найти путь к созданию эквивалентного перевода. Правда, ветер у Ахматовой не посыльный между влюбленными, как в восточной традиции, а только наперсник, с которым доверительно разговаривает лирическая героиня.

Героиня приоткрывает ветру душу, подобно ему, хотела бы быть вольной: («Я была, как и ты, свободной...»), но она «...слишком хотела жить». Однако жить непросто: близких, понимающих ее людей нет, поэтому фактически она мертва («труп холодный»), и после смерти ей «некому руки сложить». Вот и обращается она к ветру с просьбой закрыть «эту черную рану», т. е. ее вечерней тьмой и велеть «голубому туману» читать над ней заупокойные псалмы. Стихотворение исполнено грусти и пронизано пессимизмом.

С точки зрения перевода наше внимание привлекли отражающие тяжелые переживания героини сочетания «читать псалмы» и «некому руки сложить», которые представляют особую сложность для переводчика. Рассмотрим, каким образом переведено это на узбекский язык.

Поскольку строфа, в которой содержится интересующее нас выражение, представляет собой цельное предложение, приведем ее целиком:

*Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.*

Чтение псалмов – это элемент религиозной обрядности. «Читать псалмы» в данном случае означает церковное песнопение над усопшей, т. е. отпевание – часть похоронной обрядности у христиан.

Надо мною читать псалмы – Жанозамни ўқисин шошмай.

Речь идет о наиважнейшем и едином для всех безотносительно к религиозной принадлежности обряде – чтении над усопшим соответствующих молитв из священных писаний. Суть и назначение молитвенных текстов одинаковы. Следовательно, перевод Абдуллы Шера в данной части текста можно считать эквивалентным, т. е. функционально соответствующим.

Этого нельзя сказать о переводе выражения «некому руки сложить», которое отражает часть именно христианского похоронного обряда, в соответствии с которым руки усопшего обязательно складывают на груди.

¹ Цит. по: Носиров Кодиржон. Союз смысла и художественности. // Тил ва адабиёт таълими, 2011, № 1.

Смысл этого выражения в узбекском переводе передан частично: здесь нет идентичности явления ни по смыслу, ни по духовному назначению; кроме того, лексический состав и синтаксическая структура соответствующих строк оригинала и перевода значительно различаются:

И некому руки сложить. – Кўзларимни юммади ҳеч ким (И некому глаза закрыть).

Общим для оригинала и перевода является то, что в обоих случаях речь идет о совершаемых обрядовых действиях над усопшим. Однако следует подчеркнуть, что действия эти у представителей разных религиозных конфессий не одинаковы. Так, руки покойнику складывают на груди у иудеев и христиан, а у мусульман такого обычая нет. Закрывание же глаз свойственно всем независимо от религии. Однако и тут есть нюанс: Закрывать глаза приходится лишь в тех случаях, когда по какой-то причине глаза человека после смерти остаются открытыми. Желательно, чтобы делал это кто-то из близких родственников.

В оригинале у Анны Ахматовой речь идет об обязательном обряде, а в переводе Абдуллы Шера – об обычае, совершаемом лишь в необходимых случаях.

В связи с этим перевод строки **«И некому руки сложить»** как **«Кўзларимни юммади ҳеч ким»** нельзя считать эквивалентным, адекватным. «Сложить руки (на груди)» и «закрыть глаза» – это разные элементы похоронной обрядности. Думается, что в данном случае вышеуказанное русское выражение можно было перевести так: **«Қовуштирмас қўлларим ҳеч ким»**. И снова прибегнем к уже использованному приему сопоставления стихотворных рядов:

И некому руки сложить – Қовуштирмас қўлларим ҳеч ким (Никто не соединит мои руки).

А в скобках внутри текста (либо в сноске) необходимо дать пояснение, что это обязательный элемент похоронной обрядности.

Сравнительный анализ оригинала стихотворения Анны Ахматовой «Хорони, хорони меня, ветер!» с переводом Абдуллы Шера показывает, что переводчик в целом удачно воссоздает стилистические и грамматические особенности оригинала. Однако он не учел некоторых важнейших реалий из области похоронной обрядности разных религиозных конфессий, что снизило эквивалентность содержания оригинала в переводе.

ИСКУССТВО МАКОМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МУЗЫКОВЕДЕНИИ

Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА

Процесс возникновения, развития и совершенствования искусства макама насчитывает много веков. И чем продолжительнее становится история жизни макама, тем больше вопросов и проблем она выдвигает перед учеными. Эпоха государственной независимости открыла начало новой эры в жизни макама, сложной и многогранной. Маком является бесценным духовным богатством, выражением души узбекского народа, его ментальной сущности и философии бытия. «Это уникальное искусство, – подчеркнул президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, – которое развивалось на протяжении столетий благодаря таланту и неустанному творческому труду великих поэтов, философов, композиторов, певцов и музыкантов, популярно не только в Узбекистане и странах Востока, но и в других регионах мира»¹.

Маком отличается оригинальным колоритом. Это устный профессиональный жанр, созданный средневековыми мастерами-музыкантами. Он является объектом и предметом научных изысканий, ученые стремятся понять, раскрыть и теоретически обосновать его уникальный художественный мир. Прежде всего особое внимание всегда уделялось философии данного искусства [работы Абу Насра Мухаммеда аль-Фараби (IX – X вв.), Абу Али Хусейна ибн Сины (X – XI вв.), Ибн Зайлы (XI в.), аль-Хорезми (XI в.), Сафи-ад-дина Урмави (XIII в.), Махмуда аш-Ширази (XIII в.), Абдула Кадира Мараги (XIV в.), Абдурахмана Джамии (XV в.), Зайнулы-биддина Хусайни (XVI в.), Дарवेशа Али Чанги (XVI – XVII вв.) и многих других]. В трудах этих ученых рассматривались особенности региональных макамов, в частности, бухарского шашмакома, хорезмского и фергано-ташкентского макамов.

Общим для работ, посвященных традиционным формам музицирования, является вопрос отражения настроений и переживаний человека, его эмоционально-духовного мира. Тонкость и сила, разнообразие душевных состояний, раскрываемых в традиционной музыке, составляют общую сущность трудов о макомном искусстве.

¹ Постановление президента РУз «О мерах по дальнейшему развитию узбекского национального искусства макама». – Газ. «Правда Востока», № 224 от 18 ноября 2017 г., с. 1.

Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА родилась в 1990 г. в Ташкенте. Окончила факультет музыковедения ГКУз. Работала преподавателем в ГИИКУз. Ныне – докторант Института искусствознания АН РУз. Автор научных статей, участник республиканских и международных конференций.

В работах А. Фитрата делается попытка обосновать и охарактеризовать узбекскую классическую музыку, осветить ее историю. Теоретическое и практическое осмысление макома реализовано в трудах В. Успенского, Н. Миронова и Е. Романовской. Шашмакому как уникальному традиционному узбекскому музыкальному жанру они уделяли особое внимание в своих работах.

Огромный вклад в изучение макомата внес выдающийся ученый-фольклорист, композитор, Народный артист Узбекистана Юнус Раджаби, стремившийся создать и сохранить фундамент для дальнейшего развития макома. Его записи узбекской классической музыки, опубликованные под редакцией Ильяса Акбарова, являются уникальным нотным достоянием, включающим все макомы из цикла «Шашмаком». Помимо этого, были записаны и исследованы бухарский шашмаком, хорезмские и фергано-ташкентские макомы.

Весомый вклад в изучение макома вносит Равшан Юнусов, рассматривающий в своих исследованиях сферу расширения макома в контексте современных форм бытия, а также взаимодействие узбекского макома и азербайджанского мугама, тем самым открывая новое перспективное направление в макомоведении.

Шашмаком – это уникальный музыкальный жанр, который включен ЮНЕСКО в Список нематериального культурного наследия человечества от Узбекистана. Искусство исполнения макома передавалась испокон веков по традиции «Устоз – шогирд» («Мастер – ученик»).

Важное методологическое значение в изучении макома имеют труды доктора искусствоведения И. Раджабова. «Макомы, занимавшие исключительно большое место в музыкальном наследии народов Востока, в том числе Средней Азии, издавна привлекали к себе внимание исследователей. В сочинениях ученых Востока IX – XIX вв., посвященных музыке, содержатся ценнейшие сведения о теоретической основе и характерных особенностях макомов, разрабатываются вопросы, связанные с практикой исполнения произведений макомов и т. п.»¹, – отмечает он.

Важной формой постижения, осознания искусства макома являются республиканские, межреспубликанские, международные научно-теоретические и научно-практические симпозиумы, конференции, семинары, представляющие возможность выдвижения научных гипотез, обмена мнениями, творческих дискуссий. Такие мероприятия традиционны, публикации их материалов наглядно отражают эволюцию научно-исследовательской мысли макомоведов.

Особо важными стали межреспубликанская научно-практическая конференция «Макомы, мугамы и современное композиторское творчество» (Ташкент, 1975 г.); международный музыковедческий симпозиум «Профессиональная музыка устной традиции народов Ближнего, Среднего Востока и современность» (Самарканд, 1978 г.); конференция по проблемам музыкального востоковедения «Современное состояние, актуальные проблемы и перспективы изучения музыкальных культур стран Азии и Африки» (Ташкент, 1979 г.); Второй международный музыковедческий симпозиум «Традиции музыкальных культур народов Ближнего, Среднего Востока и современности» (Самарканд, 1983 г.); международная научная конференция «Традиции шашмакома и современность» (Самарканд, 2005 г.); международная конференция «Перспективы развития традиционной музыки народов Востока»

¹ Раджабов И. Макомы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. – Ташкент – Ереван, 1970.

в реликвии Двенадцатого международного музыкального фестиваля «Шарк тароналари» (Самарканд, 2019 г.). Анализ их материалов показывает расширение круга вопросов и проблем, связанных с искусством макома, выходящих за пределы Узбекистана – в общемировое культурное пространство. Существует также множество научных трудов, посвященных изучению искусства макома. Эти материалы и труды макомоведов стали методологической базой для нового исторического этапа в изучении искусства макома в годы независимости. Качественно новый взгляд на маком представлен в капитальном труде доктора искусствоведения О. Ибрагимова «Фергано-ташкентские макомы» (Ташкент, 2006). В его исследовании на основе современных методологических подходов дан глубокий анализ фергано-ташкентского макома, отмечены его необычайная красота и своеобразие. Достижением отечественной науки стали труды О. Матякубова об узбекской макомной музыке¹.

В годы независимости появилось много интересных статей, посвященных проблемам изустно-профессиональной музыки, особенно шашмакому, имеющих теоретическое и практическое значение, являющихся ценными ориентирами в изучении макомных принципов развития в произведениях композиторов Узбекистана. Особого внимания заслуживает названная выше глубокая аналитическая статья О. Ибрагимова, посвященная рассмотрению феномена макома, его идейно-художественной сущности. Важными также являются его работы, опубликованные в сборнике научных трудов «Проблемы искусствоведения Узбекистана»². Глубоким историческим подходом отмечена статья О. Ибрагимова «Алишер Навои и маком»³. В данной работе представлен качественно новый методологический подход к изучению макома и его связи с поэзией великого мыслителя Востока.

Следует отметить, что у О. Ибрагимова углубляются научные воззрения на фергано-ташкентские макомы, это наглядно демонстрирует его статья «Вопросы изучения фергано-ташкентских макомов», в которой он по-новому подходит к исследованию структурных закономерностей макомов.

Труды отечественных макомоведов имеют не только научное, но и практическое, прежде всего образовательное и просветительное, значение и широко используются в учебно-воспитательном процессе на всех уровнях музыкального образования – от среднего специального до послевузовского.

Макомные традиции, оказывающие воздействие на принципы организации ладо-интонационных, ритмических, ладо-гармонических выразительных средств, приемы музыкального развития, особенности драматургии и формообразования, органически сочетаются с современными техниками композиторского письма в сочинениях композиторов Узбекистана.

1 Матякубов О. Узбекская классическая музыка. 2 книги. – Ташкент, 2015.

2 Иброхимов О. Маком, “гох”лари хусусида // Ўзбекистон санъатшунослари муаммолари. – Ташкент, 1997.

3 Иброхимов О. Ҳазрат Навоий ва маком // Мусиқа ижодиёти масалалари мақолалар тўплами II. – Ташкент, 2002.

ТРАДИЦИЯ И ИМПРОВИЗАЦИЯ В УЗБЕКСКОМ НАРОДНОМ ЭПОСЕ

Мухаммадали КУШМАКОВ

Узбекские народные поэты, к сожалению, не оставили нам многочисленных свидетельств своего индивидуального творчества, но созданное ими, подобно солнечным лучам, осветило и согрело творчество последующих поколений сказителей.

Всякий из вариантов записанного текста традиционного дастана нередко является заметным оригинальным поэтическим событием. Их объединяет устойчивое идейно-художественное своеобразие. Немалый интерес представляет творчество Эргаша Джуманбульбуль-оглы, сознающего и подчеркивающего значение поэтической среды и ее влияние на творчество поэтов. В заключительной части дастана «Далли», подчеркивая творческий вклад своих предшественников, в частности, своего отца, в развитие жанра народного дастана, Эргаш-шаир говорит о поэтической среде курганской школы сказителей и ее традициях, об отношении к ним поэтов и напоминает:

*В былые дни поэтов было много,
Прославивших себя искусством слога.
Хранить и умножать свое наследство
Они потомкам завешали строго.¹*

В этих строках отображены взаимоотношения ученика и учителя, свойственные курганской школе сказителей. Исполняя этот дастан, Эргаш-шаир следует традициям, но ни одна его строчка не повторяет строки из произведений других поэтов. Используя эпические приемы учителей, поэт создает собственные оригинальные произведения. Словом, отношение курганских поэтов к традиции требовало исполнения дастанов в индивидуальной манере, но не выходя за рамки традиции.

Изучение взаимопроникновения традиции и импровизации – важнейшая область, определяющая судьбы фольклора. Весомый вклад

¹ Э. Джуманбульбуль-оглы. Песни Бульбуля. Избранное в трех томах. Том III. – Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1977, с. 346.

Мухаммадали КУШМАКОВ родился в 1948 г. Окончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета (ныне – НУУз). Кандидат филологических наук. Автор сборников литературно-критических статей «Как мастер гранит алмаз», «Сокровища сказителей», «Реки сливаются в моря», нескольких поэтических книг.

в художественное и идейное совершенствование и углубление содержания любовно-романических дастанов, в освещение эпических характеров внес Джуманбульбуль. Учителем народных сказителей, определившим специфику любовно-романических дастанов курганской школы, развившим искусство художественного и правдивого раскрытия души героев романических дастанов, является Кичик Буран.

Можно ли оставить без внимания творческий вклад Джуманбульбуля, когда речь идет о «Раушане», венце курганской школы сказителей? Поэты и слушатели «Раушана» называли его «трижды перепаханым полем Джуманбульбуля». Очевидно, традиционный дастан «Раушан» достиг зенита славы именно благодаря творчеству Джуманбульбуля.

Для определения роли импровизации мы изучили в сравнительно-историческом аспекте «Кунтугмыш» в варианте Эргаша Джуманбульбуля-оглы и «Халбика» в варианте представителя нуратинской школы сказителей Бекмурада Джурабая-оглы (1878 – 1956). Конечно, очевидна разница в степени поэтического таланта каждого из этих сказителей. По справедливому замечанию А. Н. Леонтьева, «...биологически унаследованные свойства составляют у человека лишь одно из *у с л о в и й* формирования его психических функций и способностей, условие, которое, конечно, играет важную роль... Другое условие – это окружающий человека мир предметов и явлений, созданный бесчисленными поколениями людей в их труде и борьбе. Этот мир и несет человеку истинно человеческое»¹. Действительно, Эргаш Джуманбульбуль-оглы значительно отличается от Бекмурада Джурабая-оглы, а «Халбика» заметно уступает «Кунтугмышу», в этом традиционном дастане нет той музыкальности, того высокого поэтического полета, которые проявляются благодаря таланту художественного мышления народного поэта, что не изучено в достаточной степени. Это довольно трудная задача: импровизация сказителя полностью растворяется в традиционном произведении. Поэтому правильнее будет исследовать проблему, анализируя мастерство Эргаша-шаира в сравнении с художественными интерпретациями Пулкана-шаира» (1874 – 1941) и Бекмурада Джурабая-оглы. Необходимо констатировать, что Эргаш Джуманбульбуль-оглы не просто чтец дастана, знающий его наизусть, а истинно народный поэт. Он описывает героев традиционных дастанов в соответствии с идейной заданностью, вполне сознательно относясь к своей задаче. Его мысли о сказителях, об искусстве импровизации также являются проявлением этого сознательного отношения.

Мастерская импровизация традиционного дастана, а также ее усовершенствование, т. е. логичность и естественность художественного обновления, зависели от степени усвоения традиции. Сказители воспринимали фабулу устно-поэтического произведения в качестве традиции. Традиционность фабулы возникает как результат достаточной гармонии логики характеров, течения событий, действия героев. Достижение высокого мастерства (такого, как у Эргаша-шаира) благодаря совершенствованию художественного своеобразия традиционного дастана обеспечивает доступность идеи произведения и выявляет силу импровизации сказителя, поэтому курганская школа всегда была на высоте, а произведения ее сказителей звучали современно.

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: Издательство МГУ, 1972, с. 208.

Социальное сознание, мировоззрение поэта, понимание истинного значения художественного слова, мобилизация таланта на реализацию своих идейно-художественных убеждений – все это факторы, обеспечивающие эстетическую ценность импровизации сказителя. Развиваясь с годами, импровизационный талант Эргаша Джуманбульбуль-оглы проявился с исчерпывающей полнотой (1868 – 1937).

Нам известно, что узбекские народные поэты, в том числе представители курганской школы, испокон веков воплощали в традиционных дастанах дух времени. Это было одним из условий их популярности, интереса, любви и уважения слушателей к эпосу. Таким образом, хотя фабула традиционных дастанов, логика характеров были относительно устойчивыми, осовременивался и обновлялся их дух.

Конечно, народные поэты по-разному воспринимали и осмыслили эпическую действительность. Анализ отдельных градационных эпизодов свидетельствует о своеобразии художественного мышления Эргаша-шаира и Пулкана-шаира (1874 – 1941). Оба сказителя – импровизаторы, но нельзя забывать о факторах, обуславливающих искусство импровизации. Одним из таких факторов является воображение поэта. В самом деле, импровизация поэта, обладающего богатым воображением, углубляет и трансформирует весь текст или отдельный образ народного эпоса. Естественно, нельзя изучать импровизацию изолированно от традиционного текста. Например, традиционный дастан «Ботагоз», записанный у ферганского сказителя Усмана-бахши Маматкула-оглы (1880 – 1941), если не принимать во внимание традиционные монологи героев, близок к рассказу. Интерпретация образов Гороглы и Аваза также малоинтересна и непривлекательна; в описаниях нет тех порыва, величественности и очарования, какие характерны для вариантов Эргаша-шаира и Пулкана-шаира. Причина этого не только в ограниченных способностях бахши, но и в недостаточной зрелости среды сказителей. Поэтому импровизации поэтов входят в рамки традиционной интерпретации. Картины свадеб и улака (козлодрание), поведение и поступки Аваза больше соответствуют обычаям ферганцев, земляков народного поэта, а не эпическим описаниям. В одном месте Авазхан говорит Хунхару: «Хотя это празднество, веселый пир устроили ради меня, они меня не трогают. Закрою глаза – вижу двоих детей своих». Сказитель говорит о калыме, вводит в произведение острословие, свойственное ферганской аские. Прodelки и песни Халдины в финале дастана «Ботагоз» полны юмора, интересны и привлекательны. Но это картины, выпавшие из эпического фокуса бахши. К сожалению, описания не выявляют традиционной направленности дастана. Тайна поэтической мощи Эргаша-шаира и Пулкана-шаира в том, что они сохраняют энергию традиции.

В целом же художественное мышление Эргаша-шаира давало более полноценные результаты, чем мышление Пулкана-шаира. Это свидетельствует о том, что художественное видение Эргаша-шаира с идейно-эстетической точки зрения было на порядок выше.

Произведения Эргаша Джуманбульбуль-оглы предельно насыщены новыми красками, ритмами, идеями и образами. Опираясь на традиции народных сказаний, поэт смог со всей полнотой воплотить мощь своих творческих импровизаций. Его художественное мышление отличалось современным видением мира.

В процессе изучения проблемы традиции и импровизации на примере творчества представителя курганской школы сказителя Эргаша Джуманбульбуля-оглы мы пришли к следующим выводам:

а) традиция – исторически обусловленное в фольклоре явление, в котором проявилось диалектическое единство как коллективного, так и индивидуального творчества, нашедшее свое отражение в эстетических ценностях народа;

б) импровизация – социально и художественно обусловленное индивидуальное творческое явление, в котором сконцентрированы и обновлены традиции устного народного художественного творчества, что проявляется в создании народными сказителями новых художественных произведений, являющихся способом эстетического отражения действительности.

Под непосредственным влиянием реальной действительности произошли новые качественные изменения в мировоззрении народных сказителей и в самой сути их таланта, в поэтическом подходе к действительности, в частности у Эргаша Джуманбульбуля-оглы. Естественно, что по мере усиления художественной власти народного поэта над материалом традиционного эпоса импровизация усложняется и углубляется. Из экспромта она превращается в одну из художественных закономерностей фольклора. Вне творческой импровизации нельзя осознать такие вопросы, как социальная природа фольклора, проблема его народности, фольклор как вид народной культуры, художественный метод фольклора, а также вопросы о коллективности творческого процесса, традиционно-типического и творчески индивидуального. Импровизация в условиях еще живой и богатой эпической традиции является художественной закономерностью, выявляющей социальную природу фольклора (особенно народных дастанов), обеспечивающей диалектическую связь свойственных ему коллективного и индивидуального начал.

Импровизация служит целостному раскрытию и злободневному звучанию художественных возможностей фабулы и сюжета традиционного эпоса. Примером того, что генеалогическая циклизация сформировалась в условиях эпической традиции и, развиваясь в импровизации, достигла своего совершенства, является цикл дастанов о Гороглы. Недаром импровизации Эргаша-шаира воспринимаются как художественная закономерность, обусловившая, по словам М. К. Азадовского, создание «памятников художественного и литературного значения».

литературоведение. литературная критика

КНИГА МАЛЫХ ФОРМ И БОЛЬШИХ ОБОБЩЕНИЙ

О книге Лейлы Шахназаровой «Тогда, под чинарами Ташкента...»

Бах АХМЕДОВ

ЧУВСТВО МИРА

Автор книги «Тогда, под чинарами Ташкента...»¹ – публицист, эссеист, редактор, хозяйка замечательного литературного салона, где всегда царит очень теплая, располагающая к творчеству и – не побоюсь этого слова – возвышенная атмосфера. Многие из тех, кто составлял и составляет его творческую среду, стали героями сборника очерков «Тогда, под чинарами Ташкента...»

Думается, что ключевая концепция сборника кратко и очень точно изложена в предисловии от автора: «Сегодня многих из тех, о ком я написала в этой книге, уже нет в нашем любимом городе. Иных – нет на земле. Почти не осталось и прекрасных чинар, которые их помнили.

Значит, пришло время помнить нам. И те деревья, и тех людей, которых объединяло заветное имя – Ташкент...»

Завершает предисловие цитата из стихотворения одного из лучших поэтов Узбекистана Вики Осадченко, сумевшей выразить во многих своих прекрасных, пронзительных стихах наши чувства, наше стоическое и высокое непонимание и неприятие происходящего в городе и с городом:

*...Сгорбленные и сломанные, пыльные и уставшие, –
только вы оправдаете город, о вас не помнящий.
Маленькие деревья, вы остались за старших.
Мы придем к вам за памятью.
Мы придем к вам за помощью.*

Эти строчки и стали своеобразным камертоном сборника Лейлы Шахназаровой, благодаря которому родилось его многослойное, подспудно горчачее название – «Тогда, под чинарами Ташкента...» За этими словами – общая боль всех ташкентцев, неравнодушных к своей истории и истории города,

¹ Шахназарова Лейла. Тогда, под чинарами Ташкента... Очерки и эссе. – Ташкент: «Baktria press», 2020.

Бах АХМЕДОВ родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Кандидат физико-математических наук. Поэт, прозаик, литературный критик. Публикуется в журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

необратимо утрачивающего свое лицо, терзаемого вырубкой вековых деревьев, иссякание живого и живительного источника, – людей, составлявших гордость Ташкента.

Нам же остается память... Это не так уж мало, конечно, но воспоминания теперь навсегда будут окрашены шемяшей ностальгией...

*И только старые дома еще немного
Напоминают нам о том, что жизнь – от Бога.
Пусть предназначены на слом и прячут раны...
И, словно флаг над кораблем, стоит чинара.*
Сергей Гордин

Собранные под одной обложкой, очерки Л. Шахназаровой словно наполнились новой энергией, их сочетание в книге создает дополнительные смыслы и стереоскопию. При всем тематическом разнообразии для каждого из очерков и эссе автор находит безупречно точную интонацию или, выражаясь музыкальным языком, тональность. Автор умеет написать о, казалось бы, известных вещах совершенно по-новому, очень лично. Кажется, сколько уж всего было написано об Александре Вертинском и что нового можно добавить к сказанному? Но Лейле удалось подойти к этой теме по-своему, неожиданно, «по-вертински» изяшно, набросать легкими и точными «карандашными» штрихами портрет, в котором дополняют друг друга Вертинский-артист и Вертинский-человек.

Особо хочется отметить эссе о замечательном ташкентском поэте Михаиле Гаре, недавно, к сожалению, ушедшем от нас. Человек удивительной скромности и чуткости, Михаил всегда избегал публичности, редко принимал участие в коллективных вечерах столичных поэтов, но был, несомненно, одной из самых ярких и значительных фигур поэтического Ташкента. И очерк Лейлы «Тоска скитальца и заложника...» – это горькое прощание не только с поэтом, но и с другом...

Вообще отношение автора этой книги к своим героям – всегда бережно-трепетное: каждая строчка светится любовью, глубоким пониманием культурно-исторического контекста, в котором им выпало жить и творить. Главным же героем в конечном счете предстает Ташкент, открывающийся перед нами на страницах книги разными, но неизменно прекрасными своими ликами.

Важными достоинством книги Лейлы Шахназаровой являются чистая и стилистически выверенная русская речь, прозрачный и легкий (в самом лучшем, высоком смысле этого слова) русский язык. При этом легкость эта не идет в ущерб глубине текстов, но делает ее более четкой, осязаемой и завораживающей. И все это пропущено через индивидуальное, личностное восприятие человека с огромным культурным багажом.

Думается, знаменитое выражение Мандельштама «Тоска по мировой культуре» вполне могло бы стать одним из эпиграфов к сборнику Лейлы Шахназаровой, в котором так тесно переплетаются Восток и русская культура, традиции прошлого и современность, поэтические строчки классиков и современников. Все это подано с таким вкусом и тонкостью, с таким безупречным чувством меры (я бы сказал, что автору присуще не только чувство меры, но и чувство Мира!), что создается картина не эклектики, а гармонии, взаимодополняющих смыслов и парадигм, перекликающихся через время и пространство голосов невероятно талантливых людей, которые могли бы понять друг друга с полуслова, с полувзвуча...

Баходыр ЭРГАШЕВ

ПОВСЮДУ И ВСЕГДА – С ЧИНАРАМИ ТАШКЕНТА...

Мы придем к вам за памятью.

Мы придем к вам за помощью...

В. Осадченко

Вышедшая недавно книга «Тогда, под чинарами Ташкента...» Лейлы Шахназаровой – это еще одна встреча с ее прекрасной, «дышашей» прозой, которая до сих пор была знакома мне лишь по отдельным публикациям. И вот она – объединенная в цельный сборник с потрясающей галереей колоритных портретов – от почитаемых, маститых литераторов до всезнающих столичных таксистов, – портретов, созданных в очень непростом жанре очерка и эссе. Но в эти малые формы автору удалось вместить многое. Например, история созданного в тяжелые для русскоязычных интеллектуалов Узбекистана 1990-е годы Пушкинского общества заставила вспомнить о работавшей в дореволюционном Ташкенте бесплатной библиотеке-читальне имени Льва Толстого. И ассоциация оказалась не случайной: именно с этой библиотекой и другими подобными ей общественными организациями в книге проводятся параллели, доказывающие, что часто, очень часто в лихие годы общественность может сотворить гораздо больше, чем власть.

Особо «зацепили», вызвав даже некоторую белую зависть, воспоминания о работе автора этой книги в журнале «Звезда Востока» в середине 90-х годов. Том самом издании, которое сумело достичь невиданного – сотысячного – тиража, попасть в номинанты престижных международных премий, быть востребованным в лучших библиотеках мира. «Звезде...» удалось тогда стать настоящим клубом, своеобразным притягательным культурным центром, – заветная мечта читателя и редактора...

Почему же все-таки чинары?..

Это дерево давно «живет» в мировой культуре. Но в книге Лейлы

Баходыр ЭРГАШЕВ родился в 1962 г. в Бухаре. В 1983 г. окончил философский факультет Ташкентского государственного университета (ныне – НУУз). Публицист, переводчик, искусствовед. Автор рассказов, опубликованных в журналах «Чайка», «Кругозор», «Казанский альманах», и газетных литературно-критических статей. Живет в Ташкенте.

Шахназаровой этот образ получил совершенно особую интерпретацию. Платан для автора – Бог совести, символ добра, жизни духа, торжества разума. Образ чинары в этой книге – попытка в нелегкие нынешние времена воззвать к нашим соотечественникам, чтобы вернуть им понимание истинных ценностей.

«Тогда, под чинарами Ташкента...» – это не ностальгические вздохи о прошлом, которого уже не вернуть, и не просто естественное желание оставить детям и внукам память о пережитом. Иначе в этой книге – кстати, написанной превосходным, чистейшим русским языком, – не нашлось бы места голосам современных талантливых ташкентских поэтов, друзей и единомышленников автора.

Нет, другая, немного неожиданная, мысль родилась у меня при чтении этой книги. Главный ее «герой» – Ташкент. Город, разросшийся до мегаполиса за последние полтора века, объединил множество людей, национальностей, народов, разных культур в едином «плавильном котле». Взрастил и воспитал не одно поколение людей, которые сегодня, разлетевшись из родного гнезда в разные уголки планеты, стали «гражданами мира». Может быть, затем, чтобы... снова сойтись под обложкой книги Лейлы Шахназаровой?.. Книги, неожиданно ставшей в каком-то смысле прообразом этого, так горячо любимого ею, города и собравшей вновь столь разных по характеру и судьбам героев в единое «ташкентское братство»...

Автор этой книги – не только подвижник и просветитель, но и – абсолютно без преувеличения – бесстрашный, не боящийся противостоять мракобесию гражданин своей страны. Выступления Шахназаровой на разных виртуальных площадках – это всегда призыв к разуму и культуре. Тот же высокий гуманистический посыл несет и сборник «Тогда, под чинарами Ташкента...» – книга обстоятельная, с колоссальной документальной основой. Книга малых форм и больших обобщений.

Азиза БАЛТАБАЕВА

АРХЕТИП ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВЕСТИ СУХБАТА АФЛАТУНИ «ДЕНЬ СОМНЕНИЯ»

Современная русскоязычная литература Узбекистана представляет собой пестрый и значительный пласт художественной литературы республики. Талантливые прозаики Алексей Устименко, Сухбат Афлатуни, Марат Байзаков, поэты Сабит Мадалиев, Николай Ильин, Бах Ахмедов и многие другие достойно представляют отечественную поэзию. Произведения русскоязычных авторов Узбекистана печатаются в ведущих литературно-художественных журналах России, в российских издательствах выходят их прозаические книги и поэтические сборники.

Необходимо отметить, что развитие современной узбекистанской русскоязычной литературы протекает, с одной стороны, в русле реалистических традиций русской и узбекской литературы XX века, с другой – неразрывно связано с новыми эстетическими тенденциями эпохи: стремлением к расширению духовных границ, поиском новых форм и методов, смешением различных стилей, видов и жанров искусства.

Современная русскоязычная повесть Узбекистана представляет синтез традиций узбекского классического письма, реалистических традиций, модернистских и постмодернистских тенденций.¹ Подтверждением тому являются повести современного прозаика Сухбата Афлатуни, они представляют собой «синтез европейских и восточных традиций художественного письма. Он, как и другие писатели иноэтнокультуры (термин Э. Ф. Шафранской), выступая комментаторами, толкователями, посредниками между двумя ментальностями – “своей” и “иной”, ...“референтами” нерусской этической культуры, становится своего рода “мостиком” в создании общечеловеческих ценностей всемирной культурной памяти».²

Анализ специфики повестей Афлатуни позволит выстроить динамику развития жанра современной русскоязычной повести в Узбекистане.

Если русскоязычная повесть 60 – 80-х гг. XX в. продолжала традиции

1 Камилова С. Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии (динамика жанра в русской и узбекской литературах). – Ташкент, 2016, с. 30.

2 Там же. С. 90.

Азиза БАЛТАБАЕВА родилась в 1989 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Старший преподаватель факультета зарубежной филологии, доктор PhD русского литературоведения НУУз и кафедры ОГиСЕЭД Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в Ташкенте. Специалист по русской литературе, русскоязычной литературе Узбекистана. Автор более сорока научных статей, опубликованных в журналах.

русской классической повести, то современная русскоязычная повесть, отражая мировоззрение нашей эпохи, претерпевает качественные изменения на жанровом уровне. Жанровая трансформация происходит за счет обновления «кода» классической повести в сторону равномерного миксирования признаков русской классической повести и восточной «кисса». Усиление восточных традиций обусловило своеобразие не только жанра русскоязычной повести, но и всей современной русскоязычной литературы Узбекистана.

В основу повестей Сухбата Афлатуни положен мотив дервишества как архетип восточной культуры.

Слово «дервиш» имеет несколько значений: 1) «мусульманский нищенствующий монах»¹; 2) «ведущий аскетический образ жизни мусульманский монах»; «член мусульманского суфийского братства; суфий»²; 3) «носитель определенной мудрости, учитель»³.

Таким образом, «дервиш как образ в культуре и литературе – суфийский мистик, мудрец, нередко аскет»⁴, а также учитель, хранитель сакральных знаний.

В повести «День сомнения» С. Афлатуни создает несколько типов образа дервиша. Повесть многослойна, со множеством проблемно-тематических блоков. Мы анализируем лишь один аспект, связанный с мотивом дервишества.

Именно дервиш в начале повести предсказал приход нового правителя: «...на городском рынке, в самом осклизлом его закуте, хромой дервиш впервые в городе прошептал имя Серого Дурбека»⁵. «День сомнения» – приключенческая остросюжетная повесть с элементами сатиры. В соответствии с проблематикой произведения выстраивается система персонажей. Дмитрий Акчура и Руслан Триярский являются древними защитниками священного камня и хранителями сакральных знаний, сами не подозревая об этом. Эти два героя испытывают тягу к странствиям, наделены «особыми», мистическими, способностями. Эти качества характерны для дервишей. Автор неоднократно указывает на их «избранность». Сушность этих героев ярко проявляется в эпизоде, когда они попадают в лабиринт – некое пространство иной реальности. Попав в лабиринт, они не оставляют попыток выбраться. Акчура находит у себя кольцо с гелиотидом – светящимся камнем. «Змеиный» жемчуг становится для Акчуры импровизированным фонарем, который дает герою надежду на выход и свободу. Присутствие у жлеписателя кольца с гелиотидом свидетельствует об избранности героя. Блуждая по лабиринту, Акчура встречает обезумевшего Триярского. Как только герои встретились, в лабиринте появился неизвестный звук: «Стой... это не эхо... смотри! Руслан тоже повернул голову в сторону этой новой ноты, плывущей по лабиринту... Следом просочился свет, бледный и невнятный... <...> Ну, идем, может, там какое-нибудь спасение»⁶. Именно встреча двух избранных героев обусловила появление спасительных света и звука в пространстве темноты и пустоты. Совместный путь по лабиринту вслед за звуком и светом приводит героев к трону у озера, излучающему синее сияние. Трон оказывается потерянным легендарным троном Малик-хана. Приход героев

1 Словарь русского языка в 4-х тт./ Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985 – 1988. Т. 1 «А – Й»; 1985, с. 388.

2 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 тт. // <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1884133.html>.

3 Новый словарь иностранных слов. – М., 2012 // <https://slovar.cc/rus/inostr-nov/1422698.html>.

4 Томилова Н. А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского): дисс. на соиск. степени к. ф. н. – М., 2014, с. 24.

5 Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика инокультурного текста в русской прозе XX – XXI вв.: дисс. на соискание степени доктора филол. наук. – М., 2008, с. 35.

6 Там же.

к потерянной реликвии символизирует избранность героев. Сказочная фабула повести позволяет выделить мотив странничества на фоне отражения реальной действительности.

Возникший голос невидимого духа-помощника также отсылает к сказочному мотиву о герое-помощнике. Всезнание духа-помощника о том, что у Триярского есть живая черепаха, свидетельствует о чудесной природе духа-помощника. Сожжение черепахи во имя исцеления избранного Триярского зеркально повторяет легенду о Малик-хане и черепашьем царе. Согласно легенде, черепаший царь пожертвовал сыном ради спасения Малик-хана от безумия. Просветление Триярского, последовавшее за исцелением, привело к выходу из лабиринта благодаря найденному плану мавзолея. Счастливое исцеление главного героя от безумия доказывает избранность Руслана Триярского, который находит выход из лабиринта и становится спасителем Акчуры. Переплетение фантастических и реалистических линий создает особую образность, отсылающую к культурным архетипам.

Избранничество, знание арабского языка, проявившиеся во время забвения, чудо (не поврежденные огнем руки) – все это свойственно древним носителям мудрости и обладателям сакральных знаний.

Эти герои обладали качествами, которые позволили бы им стать истинными мудрецами, однако современность (в тексте наблюдается ряд отсылок к 90-ым гг. XX в.) и извращенное сознание общества не позволяют им исполнить свое предназначение. И Акчура, и Триярский боятся смерти и не готовы к самопожертвованию. Мало того, Акчура, присвоив рукопись писателя Исава, теряет связь с предками-аскетами и обречен на изгнание. Руслан Триярский обречен стать бессловесным правителем-марионеткой: «И будешь и ты, и семя твое о двух ногах и владетелями города дивного, воспетого поэтами-охотниками, от семени Акчура произведенного»¹.

Афлатуни развенчивает миф о дервишах как хранителях сакральных знаний и духовности народа. Помимо этого, писатель задается вопросом, возможно ли существование дервишей в современном мире? И ответ становится очевидным. Общество, основанное на лжи и лицемерии, не способно взрастить истинного Учителя. Однако в финале повести автор все-таки намекает на возможность появления дервиша: «Растворился Исав. Рас-тво-рился. Как же все-таки быть с этим Днем сомнения, а?»². Иными словами, следуя логике рассуждений Э. Ф. Шафранской о дервише как мифологическом герое, существующем в «циклическом времени мифа, он уходит, чтобы вновь возвратиться»³. Вопрос о дервишах как совести народа автор повести оставляет открытым.

Кольцевая композиция (произведение начинается и заканчивается упоминанием о дервише) свидетельствует о приоритете мотива дервишества.

Субстанциональным признаком повести «День сомнения» Сухбата Афлатуни является дервишество, отмеченное созданием различных типов образа дервиша: дервиш-юродивый, мнимый дервиш, истинный дервиш-спаситель. Герои повести «День сомнения» Акчура и Триярский боятся смерти и не готовы к самопожертвованию, то есть, обладая всеми атрибутами образа дервиша, в силу социокультурных условий последнего десятилетия XX века они, эти герои, представляют собой тип «мнимого» дервиша.

1 Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика инокультурного текста в русской прозе XX – XXI вв.: дисс. на соискание степени доктора филол. наук. – М., 2008, с. 35.

2 Там же.

3 Там же.